

05-213 с.с.

К.Д. Бальмонт

Собрание стихов

Том II.

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
КАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

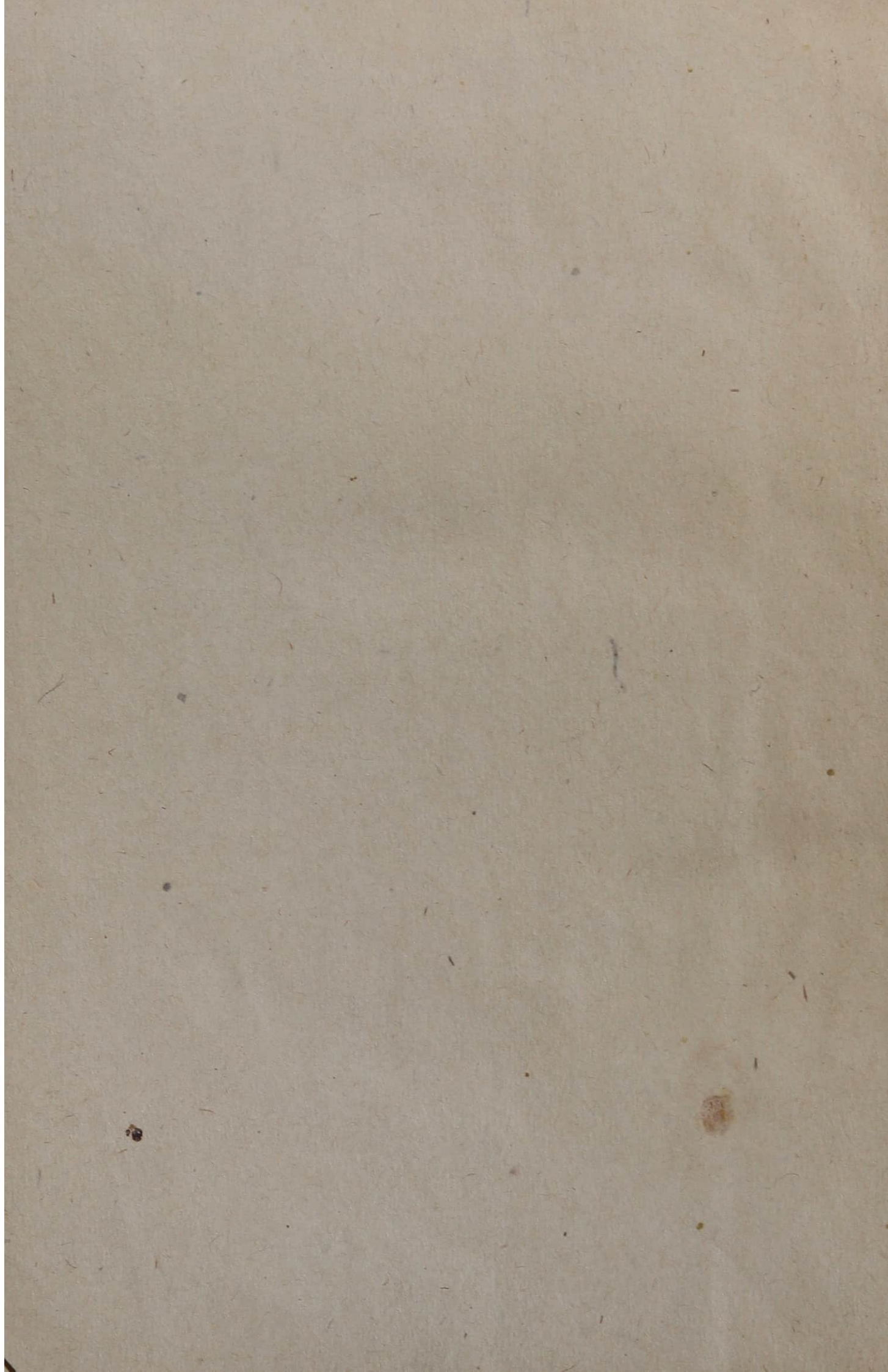
олнч. пред. выдач.

5/II 1990 - 4385

2 I/II 90 - 4385

9.5.98 - 4160 Груздева

27/0 3738

89

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

1941

П. 34-697

К. Д. БАЛЬМОНТЪ

СОБРАНИЕ СТИХОВЪ

Томъ Второй ~~~~~

Горящія Зданія ~~~~~

Будемъ какъ Солнце

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„СКОРПИОНЪ“ 1904 ~~~~~

1941

8761

2011

МОСКВА
ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА
ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., ДОМЪ № 5
1904

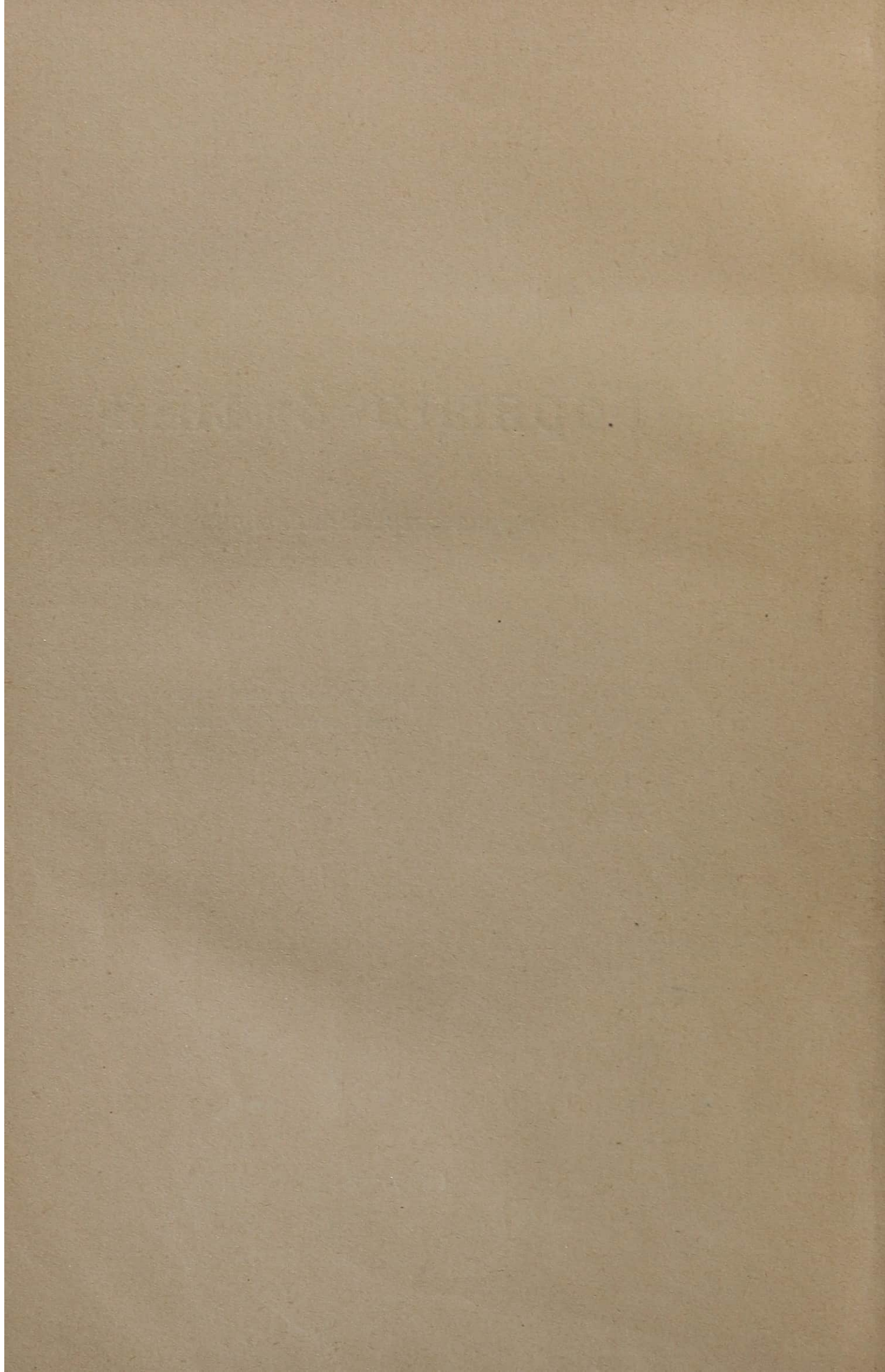
Горящія Зданія

Лирика современной души

[Миръ долженъ быть оправданъ весь
Чтобъ можно было жить

Бальмонтъ

1899.—Осень.

Посвящаю эту книгу рубиновыхъ страницъ

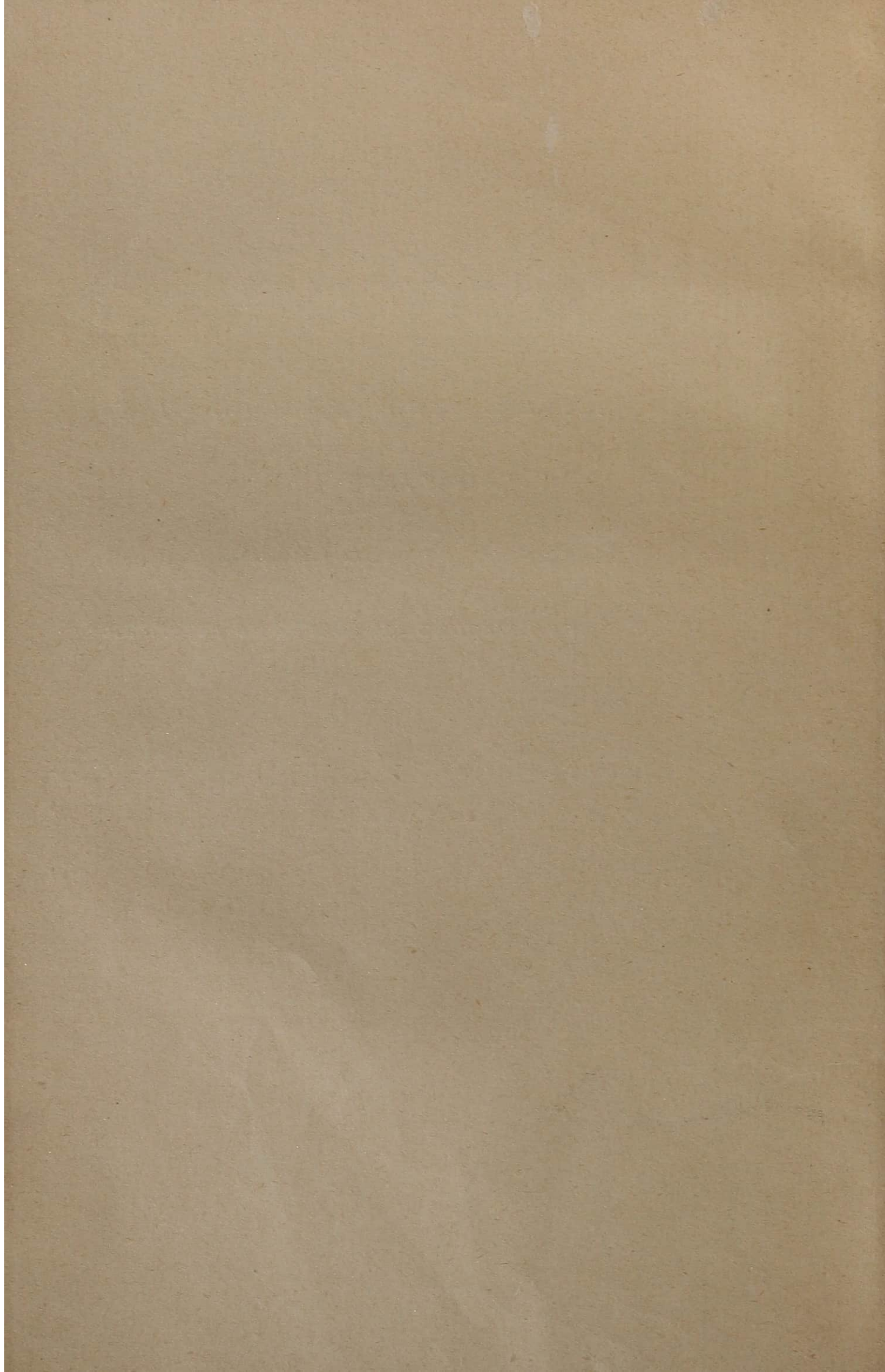
моему другу

С. А. Полякову

съ которымъ мы вмѣстѣ ее пережили

Москва 3 января 1904

К. Бальмонтъ

1. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1899).

Эта книга почти цѣликомъ написана подъ властью одного настроенія, на долгія недѣли превратившаго мою жизнь въ сказку. Я былъ захваченъ страстной волной, которая увлекла меня, и держала въ плѣну, бросала вверхъ, бросала внизъ, и я не могъ выйти изъ нея, пока самъ не овладѣлъ ею, понявъ ея сущность.

Я былъ въ замкнутой башнѣ, и видѣлъ сквозь темное окно далекое ночное зарево, и хотѣлъ выйти изъ башни, потому что въ человѣкѣ есть неудержимая потребность бѣжать къ мѣсту пожара. Но я не могъ выйти на волю, пока не понялъ самого себя.

Эта книга не напрасно названа *лирикой современной души*. Никогда не создавая въ своей душѣ искусственной любви къ тому, что является теперь современностью, и что въ иныхъ формахъ повторялось неоднократно, я никогда не закрывалъ своего слуха для голосовъ, звучащихъ изъ прошлаго и неизбежнаго грядущаго. Я не уклонялся отъ самого себя, и спокойно отдаюсь тому потоку, который влечетъ къ новымъ берегамъ. Въ этой книгѣ я говорю не только за себя, но и за многихъ другихъ, которые нѣмотствуютъ, не имѣя голоса, а иногда имѣя его, но не желая говорить, нѣмотствуютъ, но чувствуютъ гнетъ роковыхъ противорѣчій, быть-можетъ, гораздо сильнѣе, чѣмъ я.

У каждой души есть множество ликовъ, въ каждомъ человѣкѣ скрыто множество людей, и многіе изъ этихъ людей, образующихъ одного человѣка, должны быть безжалостно ввергнуты въ огонь. Нужно быть безпощаднымъ къ себѣ. Только тогда можно достигъ чего-нибудь. Что до меня, я сдѣлалъ это въ предлагаемой книгѣ,

и, быть можетъ, тѣмъ, кто чувствуетъ созвучно со мной, она поможетъ придти къ тому внутреннему освобожденію, котораго я достигъ для себя.

Въ предшествующихъ своихъ книгахъ, *Подъ сѣвернымъ небомъ*, *Въ безбрежности*, и *Тишина*, я показалъ, что можетъ сдѣлать съ русскимъ стихомъ поэтъ, любящій музыку. Въ нихъ есть ритмы и перезвоны благозвучій, найденные впервые. Но этого недостаточно. Это только часть творчества. Пусть же возникнетъ новое.

Въ воздухѣ есть скрытыя теченія, которыя пересоздаютъ душу.

Если мои друзья утомились смотрѣть на бѣлыя облака, бѣгущія въ голубыхъ пространствахъ, если мои враги устали слушать звуки струнныхъ инструментовъ, пусть и тѣ и другіе увидятъ теперь, умѣю ли я ковать желѣзо и закаливать сталь.

5 сентября. Ночь.

Имѣніе Поляковыхъ, „Баньки“
Московского уѣзда.

2. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1903).

МОИ ВРАГИ.

О, да, ихъ имена суть многи,
Чужда имъ музыка мечты.
И такъ они сѣро-убоги,
Что имъ не нужно красоты.

Ихъ дразнить трепеть скрипки страстной,
И розъ красивыхъ лепестки.
Едва махнешь имъ тканью красной,
Они мятутся, какъ быки.

Зачѣмъ мы яркихъ красокъ ищемъ,
 Зачѣмъ у насъ такъ свѣтель взглядъ!
 Нѣтъ, если вѣжливъ ты, предъ нищимъ
 Скрывай, поэтъ, что ты богатъ.

Отдай свой духъ мышинымъ войнамъ,
 Забудь о безднѣ голубой.
 Прилично ль быть красиво-стройнымъ,
 Когда уроды предъ тобой!

Подслѣповатыми глазами
 Они косятся на цвѣты.
 Они питаются червями,
 О, косолапые кроты!

Едва они на Солнце глянуть, —
 И въ норы прячутся сейчасъ:
 Вдругъ вовсе видѣть перестанутъ,
 И станутъ дырки вмѣсто глазъ.

Но мнѣ до нихъ какое дѣло,
 Я въ облакахъ моей мечты.
 Съ недостижимаго предѣла
 Роняю любящимъ цвѣты.

Свѣчу и жгу лучомъ горячимъ,
 И всѣмъ красивымъ шлю привѣтъ.
 И я ничто — звѣрямъ незрячимъ,
 Но зрѣнью свѣтлыхъ — я расцвѣтъ!

3. ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ.

(1904).

Какъ странно перебирать старыя бумаги, перелистывать страницы, которыя жили—и погасли для тебя, ихъ написавшаго. Они дороги и чужды, какъ лепестки подаренныхъ увядшихъ цвѣтовъ, какъ письма женщинъ, въ которыхъ ты пробудилъ непонятность, что зовется любовью, какъ выпцвѣтше портреты отошедшихъ людей. Вотъ, я смотрю на нихъ, и многое въ этомъ старомъ удивляетъ меня новизной. Въ свѣтѣ мгновений я создавалъ эти слова. Мгновенья всегда единственны. Они слагались въ свою музыку, я былъ ихъ частью, когда они звенѣли. Они отзвенѣли, и навѣки унесли съ собою свою тайну. И я другой, мнѣ перестало быть понятнымъ, что было такъ ярко-постижимо, когда я былъ ихъ созвучной и покорной частью, ихъ соучастникомъ. Я другой, я одинъ, мнѣ осталось лишь нѣсколько золотыхъ песчинокъ изъ сверкавшаго потока времени, нѣсколько страстныхъ рубиновъ, и нѣсколько горячихъ испанскихъ гвоздикъ, и нѣсколько красныхъ мировыхъ розъ.

Я живу слишкомъ быстрой жизнью, и не знаю никого, кто такъ любилъ бы мгновенья, какъ я. Я иду, я иду, я ухожу, я мѣняю, и измѣняюсь самъ. Я отдаюсь мгновенью, и оно мнѣ снова и снова открываетъ свѣжія поляны. И вѣчно цвѣтутъ мнѣ новые цвѣты.

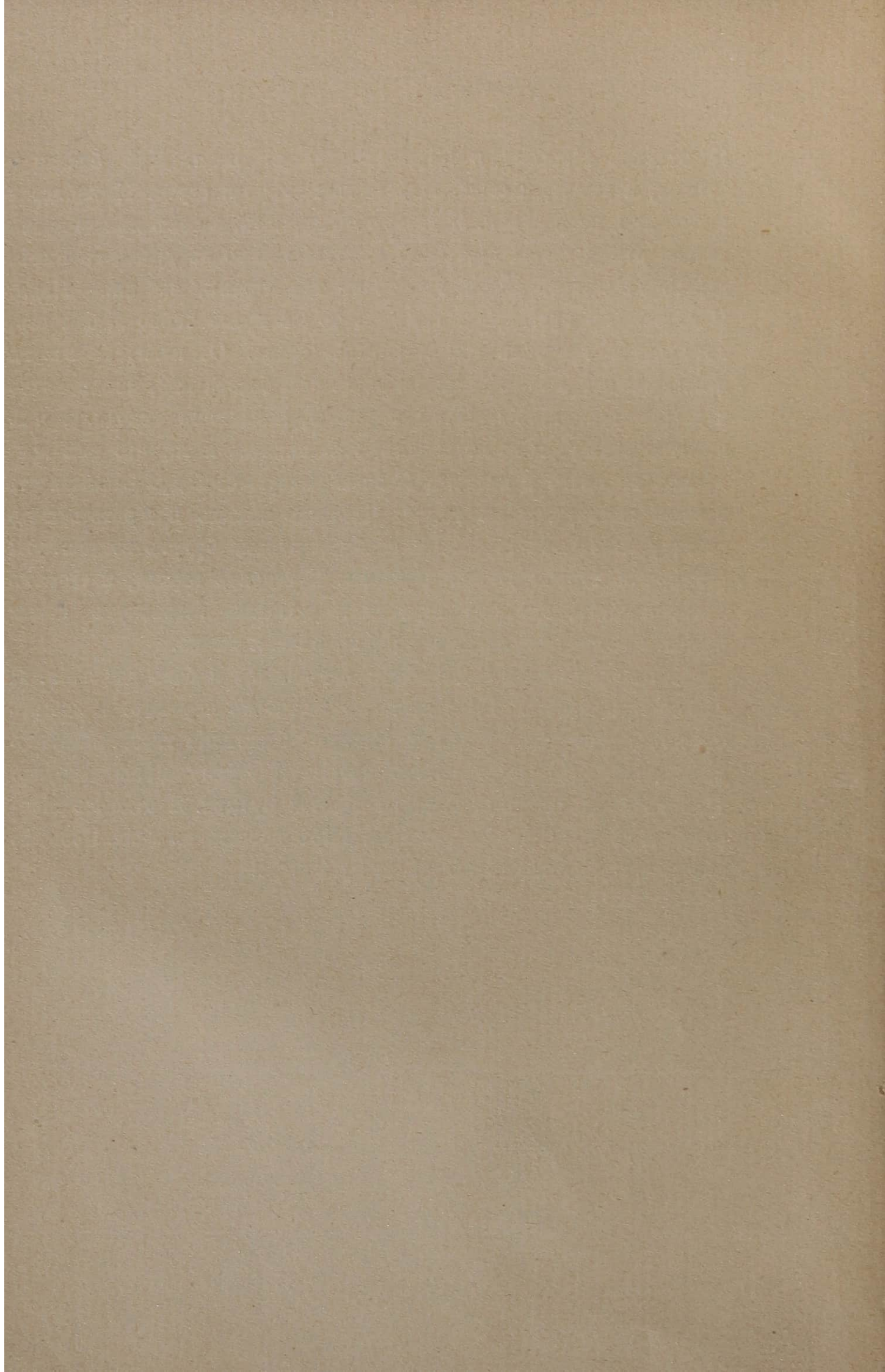
Я откидываюсь отъ разума къ страсти, я опрокидываюсь отъ страстей въ разумъ. Маятникъ влево, маятникъ вправо. На циферблатѣ ночей и дней неизбежно должно быть движеніе. Но философія мгновенья не есть философія земного маятника. Звонъ мгновенья—когда его любишь какъ я—изъ области надземныхъ звоновъ.

Я отдаюсь міровому, и Міръ входитъ въ меня. Мнѣ близки и звѣзды, и волны, и горы. Мнѣ близки звѣри и герои. Мнѣ близки красивые и некрасивые. Я говорю съ другомъ, а самъ въ это время далеко отъ него, за преградой вѣковъ, гдѣ-то въ древнемъ Римѣ, гдѣ-то въ вѣчной Индіи, гдѣ-то въ той странѣ, чье имя—Майя. Я говорю съ врагомъ, а самъ въ то же время тайно люблю его, хотя бы я говорилъ самыя жесткія слова. О, клянусь, въ тѣ мгновенья когда я—дѣйствительно я, мнѣ близки всѣ, мнѣ понятно и дорого все. Мнѣ понятны вершины, я на нихъ всходилъ, мнѣ понятно низкое, я низко падалъ, мнѣ понятно и то, что внѣ предѣловъ высокаго и низкаго. Я знаю полную свободу. Безмѣрность можетъ замкнуться въ малое. Песчинка можетъ превратиться въ систему звѣздныхъ міровъ. И слабыми руками будутъ воздвигнуты безмѣрныя зданья во имя Красоты. И сгорятъ города, и сгорятъ лѣса, а тамъ, гдѣ они шумѣли и молчали, возникнутъ новые шелесты и шорохи, ласки и улыбки, вѣчная жизнь.

Я знаю, что есть два бога: богъ покоя и богъ движенія. Я люблю ихъ обоихъ. Но я не долго медлю съ первымъ. Я побылъ съ нимъ. Довольно. Я вижу быстрые блестящіе глаза. Магнитъ моей души! Я слышу свистъ вѣтра. Я слышу пѣнье струнъ. Молотъ близъ горновъ. Раскаты міровой музыки. Я отдаюсь міровому. Мнѣ страшно. Мнѣ сладко. Міръ вошелъ въ меня. Прощай, мое Вчера. Скорѣй къ неизвѣстному Завтра!

К. Бальмонтъ.

3 января. Ночь.
Москва.

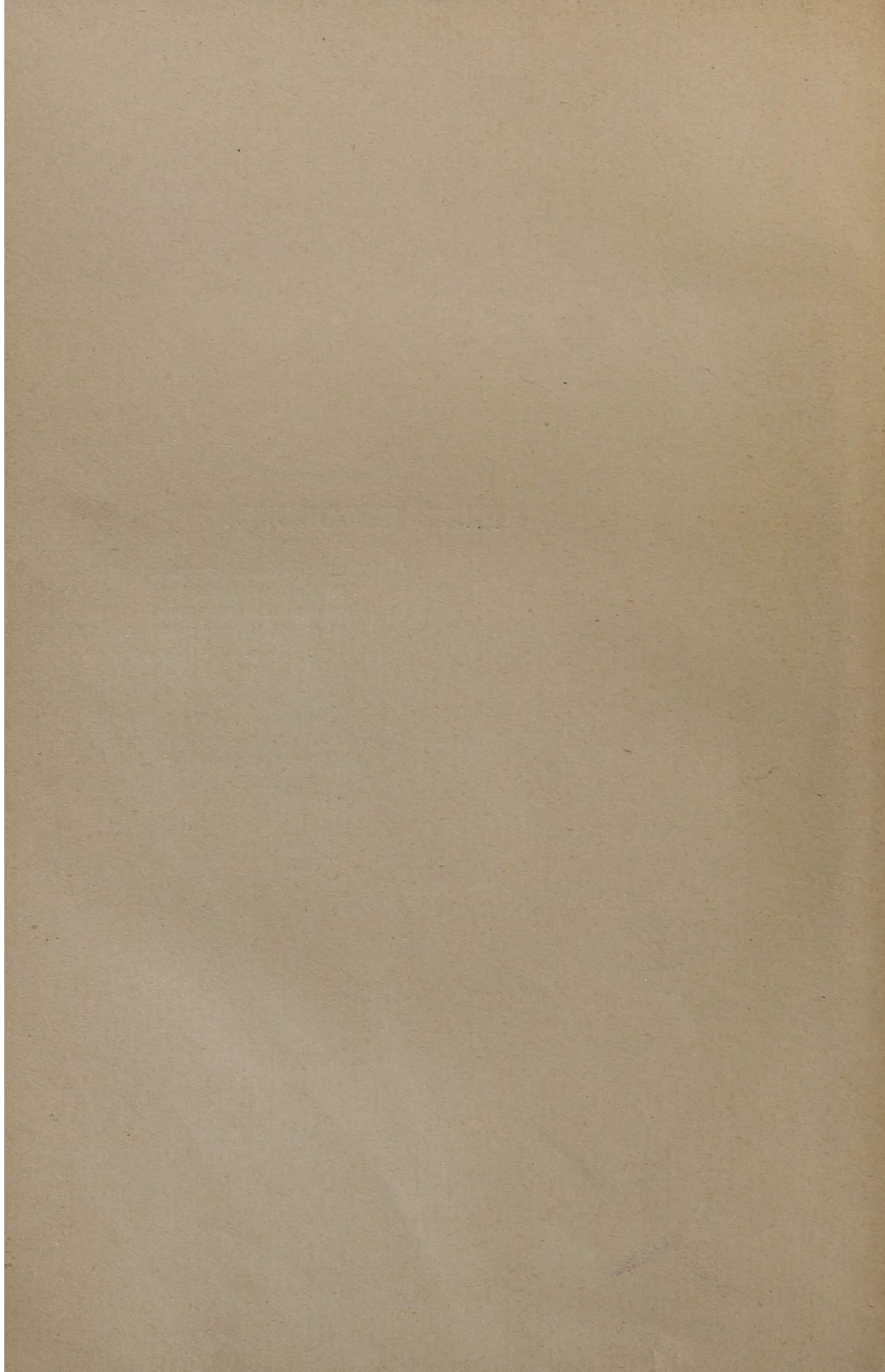
КРИКЪ ЧАСОВОГО.

Mis arreos son las armas,
mi descanso, el pelear,
mi cama, las duras peñas,
mi dormir, siempre velar.

Romance de Moriana

Мой наряд—бранные доспѣхи,
Мое отдохновение—гдѣ битва и бѣда,
Моя постель—суровые утесы,
Мое дремать—не спать никогда.

Старинная Испанская Пѣсня.

КРИКЪ ЧАСОВОГО.

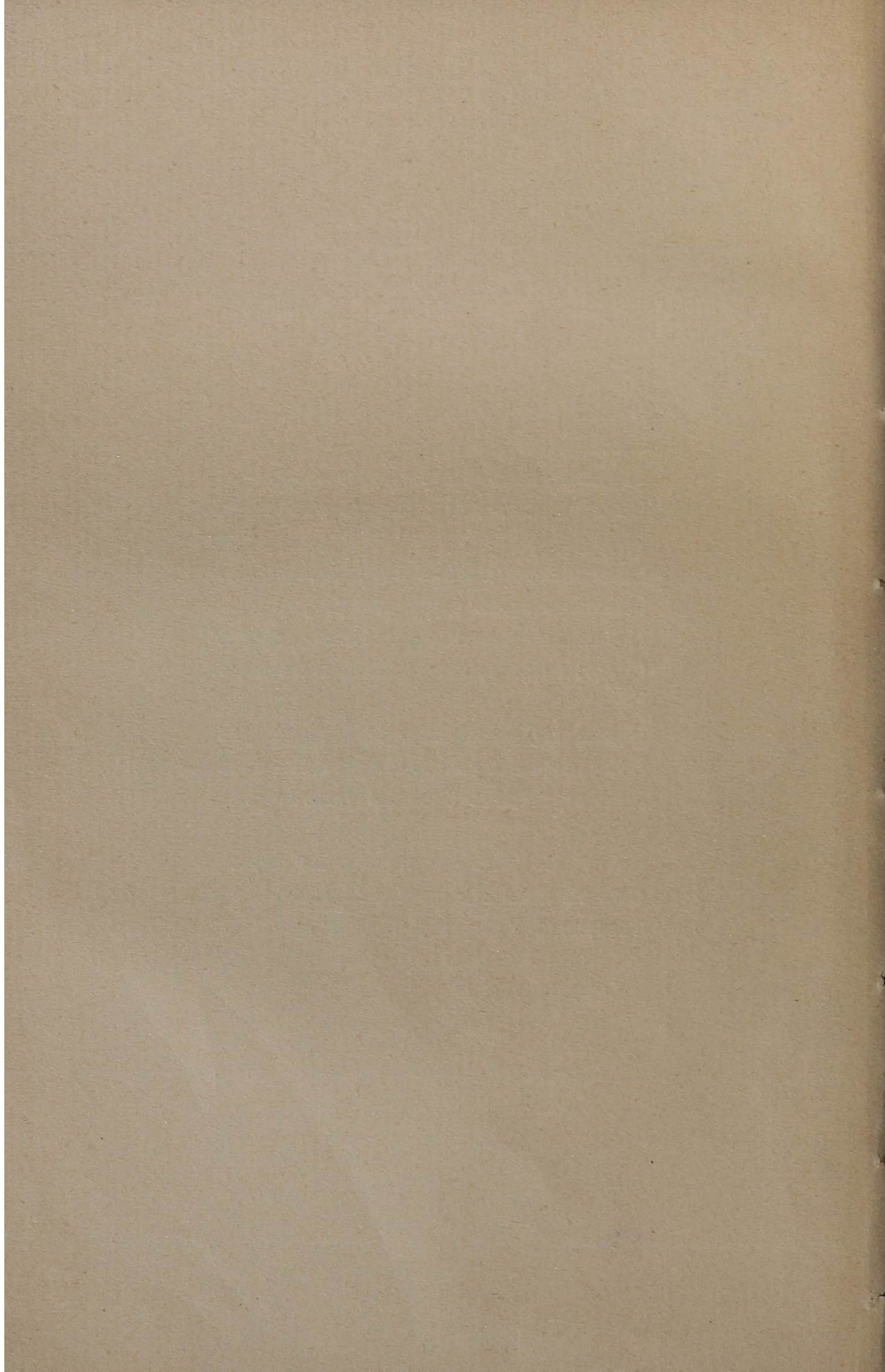
СОСЕТЬ.

Пройдя луга, лѣса, болота, горы,
Завоевавъ чужіе города,
Солдаты спятъ. Потухнувшіе взоры—
Въ предѣлахъ думъ. Снуеть ихъ череда.

Сады, пещеры, замки изо льда,
Забытыхъ словъ созвучные узоры,
Невинность чувствъ, погибшихъ навсегда,—
Солдаты спятъ, какъ нищіе, какъ воры.

Назавтра бой. Поспѣшенъ бѣгъ минутъ.
Всѣ спятъ. Все спитъ. И пусть. Я—вѣрный—тутъ.
До завтра сномъ безопасно усладитесь.

Но чу! Во тьмѣ—чуть слышныя шаги.
Ихъ тысячи. Все ближе. А! Враги!
Товарищи! Товарищи! Проснитесь!

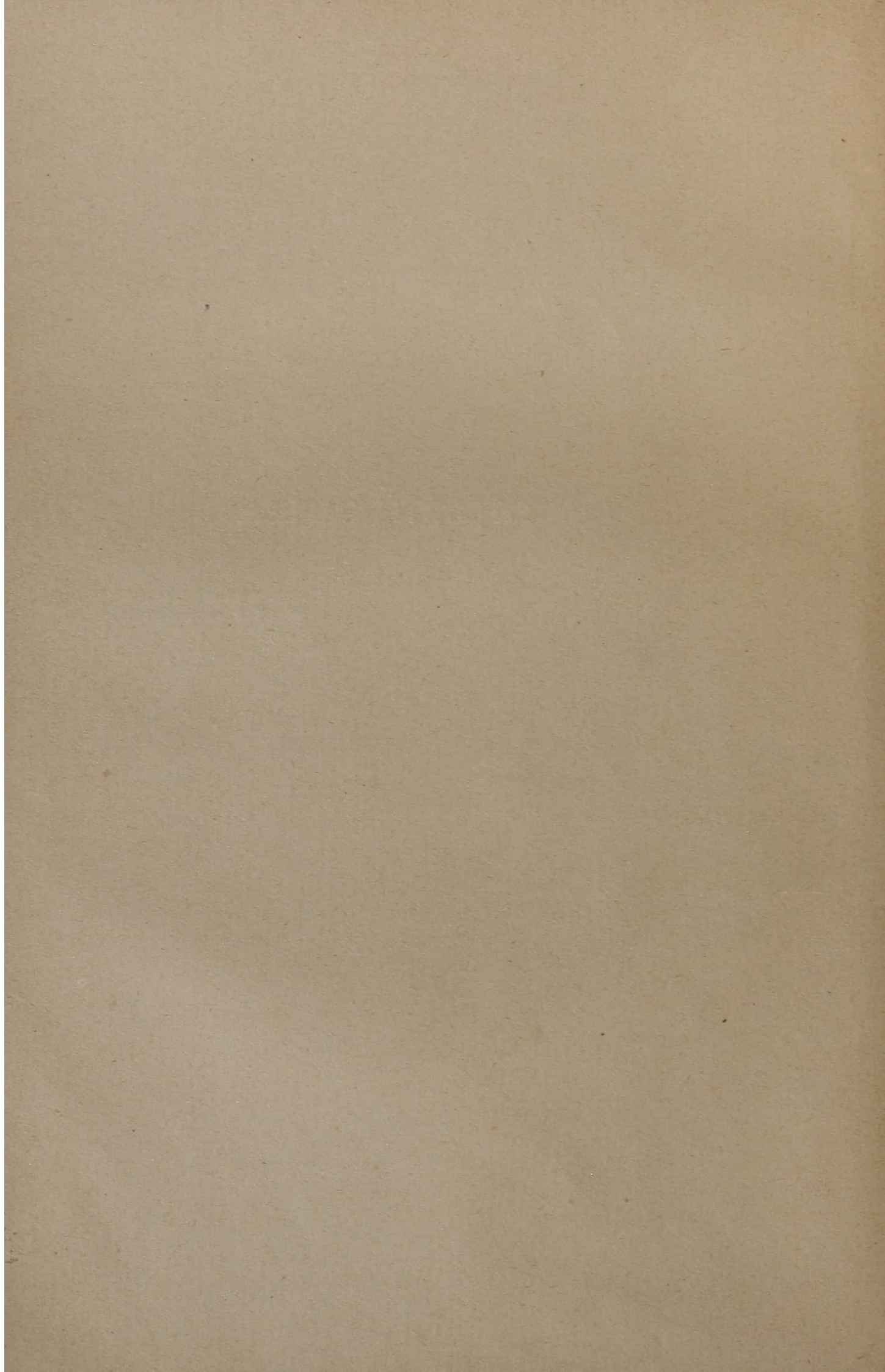

ОТСВѢТЫ ЗАРЕВА.

А межъ тѣмъ оговь безумный
И глухой, и многошумный,
Все горить.

Эдгаръ По.

Leaping higher, higher, higher—
E. A. Poe.

I.

КИНЖАЛЬНЫЯ СЛОВА.

I will speak daggers.

Hamlet.

Я усталъ отъ нѣжныхъ сновъ,
 Отъ восторговъ этихъ цѣльныхъ
 Гармоническихъ пировъ
 И напѣвовъ колыбельныхъ.
 Я хочу порвать лазурь
 Успокоенныхъ мечтаній.
 Я хочу горящихъ зданій,
 Я хочу кричащихъ бурь!

Упоеніе покоя —
 Усыпленіе ума.
 Пусть же вспыхнетъ море зноя,
 Пусть же въ сердцѣ дрогнетъ тьма.
 Я хочу иныхъ бряданій
 Для моихъ иныхъ пировъ.
 Я хочу кинжальныхъ словъ,
 И предсмертныхъ восклицаній!

II.

ПОЛНОЧЬ И СВѢТЬ.

Полночь и свѣтъ знаютъ свой часъ.
 Полночь и свѣтъ радуютъ насъ.
 Въ сердцѣ моемъ — призрачный свѣтъ.
 Въ сердцѣ моемъ — полночи нѣтъ.

Вѣтеръ и громъ знаютъ свой путь.
 Къ лону земли смѣютъ прильнуть.
 Въ сердцѣ моемъ буря мертва.
 Въ сердцѣ моемъ гаснутъ слова.

Вѣчно ли я буду рабомъ?
 Мчитесь ко мнѣ, буря и громъ!
 Сердце мое, гибни въ огнѣ!
 Полночь и свѣтъ, будьте во мнѣ!

III.

СЛОВО ЗАВѢТА.

*¡Oh hombre! pregunta á los brutos
 irracionales, que ellos te enseñarán...
 Diego de Estella.*

О, человекъ, спроси звѣрей,
 Спроси безжизненные тучи!
 Къ пустынямъ водь бѣги скорѣй,
 Чтобъ слышать, какъ они пѣвучи!
 Бѣги въ огромные лѣса,
 Взгляни на сонныя растенья,
 Въ чьей нѣжной чашечкѣ оса
 Впиваетъ влагу наслажденья!
 Имъ вѣдомъ ихъ законъ, имъ чуждо заблужденье.

Зачѣмъ же только ты одинъ
 Живешь въ тревогѣ безпримѣрной?
 Отъ колыбели до сѣдинъ
 Ты каждый день — другой, невѣрный!

Зачѣмъ сегодня, какъ вчера,
 Ты восклицанье безъ отвѣта?
 Какъ тѣнь отъ яркаго костра,
 Ты въ ночь бѣжишь отъ мѣста свѣта,
 И чаша вокругъ тебя безмолвіемъ одѣта.

Проникни силою своей
 Въ языкъ безмолвія ночного!
 О, человѣкъ, спроси звѣрей
 О цѣли странствія земного!
 Ты каждый день убійцей былъ
 Своихъ же собственныхъ мечтаній,
 Ты духъ изъ тысячи могилъ, —
 Живи, какъ звѣрь, безъ колебаній! —
 И въ смерти будешь жить, какъ остовъ мощныхъ зданій!

IV.

МОРСКОЙ РАЗБОЙНИКЪ.

Есть сѣрая птица морская съ позорнымъ названьемъ — глупышъ.
 Летитъ она вяло и низко, какъ будто бы спитъ, — но, глядишь,
 Нависши уродливымъ тѣломъ надъ быстро сверкнувшей волной,
 Она увлекаетъ добычу съ блестящей ея чешуей.
 Она увлекаетъ добычу, но дерзокъ, красивъ, и могучъ,
 Надъ ней альбатросъ длинокрылый, покинувъ возвышенность тучъ,
 Какъ камень, низринутый съ неба, стремительно падаетъ ницъ,
 При громкихъ встревоженныхъ крикахъ окрестъ пролетающихъ птицъ.
 Ударомъ свирѣпаго клюва онъ рыбу швырнетъ въ пустоту,
 И, быстрымъ комкомъ промелькнувши, изловитъ ее налету,

И, глупую птицу ограбивъ, онъ крылья расправитъ свои,
 И виденъ въ его уже клювъ блестящій отливъ чешуи.—
 Морской и воздушный разбойникъ, тебѣ я слагаю свой стихъ,
 Тебя я люблю за безстыдство пиратскихъ порывовъ твоихъ.
 Вы, глупыя птицы, спѣшите, ловите сверкающихъ рыбъ,
 Чтобъ мѣткимъ хватистымъ клювомъ онъ въ воздухѣ ихъ перешибъ!

V.

КАКЪ ИСПАНЕЦЪ.

Какъ испанецъ, ослѣпленный вѣрой въ Бога и любовью,
 И своею опьяненной и чужою красной кровью,
 Я хочу быть первымъ въ мѣрѣ, на землѣ и на водѣ,
 Я хочу цвѣтовъ багряныхъ, мною созданныхъ вездѣ.

Я, родившійся въ ущельи, подъ Сіэррою-Невадой,
 Гдѣ лишь коршуны кричали за утесистой громадой,
 Я хочу, чтобъ мнѣ открылись первобытные лѣса,
 Чтобы заревомъ надъ Перу засвѣтились небеса.

Мѣди, золота, бальзама, брилліантовъ, и рубиновъ,
 Крови, брызнувшей изъ груди побѣжденныхъ властелиновъ,
 Яркихъ зарослей коралла, протянувшихся къ лучу,
 Мною отысканныхъ предѣловъ жаркимъ сердцемъ я хочу.

И, стремясь отъ счастья къ счастью, я пройду по океанамъ,
 И въ пустыняхъ раскаленныхъ я исчезну за туманомъ,
 Чтобы съ жадной быстротою аравійскаго коня
 Всюду мчатся за врагами подъ багряной вепышкой дня.

И, быть-можетъ, черезъ годы, сосчитавъ свои владѣнья,
 Я ихъ самъ же разбросяю, разгоню, какъ привидѣнья,
 Но и въ часъ переддремотный, между скаль родимыхъ вновъ,
 Я увижу Солнце, Солнце, Солнце, красное, какъ кровь.

VI.

КРАСНЫЙ ЦВѢТЬ.

Быть-можетъ, предокъ мой былъ честнымъ палачомъ:
 Мнѣ маки греются, согрѣтые лучомъ,
 Гвоздики алыя, и, полныя угрозы,
 Махрово-алчныя, раскрывшіяся розы.
 Я вижу лиліи надъ зыбкою волной:
 Окровавленные багряною Луной,
 Они, забывъ свой цвѣтъ, безжизненно-усталый,
 Мерцаютъ сказочно окраской ярко-алой,
 И съ сладкимъ ужасомъ, въ застывшей тишинѣ,
 Какъ губы тянутся, и тянутся ко мнѣ.

И кровь поетъ во мнѣ... И въ таинствѣ заклатья
 Мнѣ шепчутъ призраки: „Скорѣ! Къ намъ въ объятя!
 „Цѣлуй меня... Меня!.. Скорѣй... Меня... Меня!..“
 И губы жадныя, на шабашъ свой маня,
 Лепечуть страшныя призывныя признанья:
 „Намъ все позволено... Намъ въ мірѣ нѣтъ изгнанья...
 „Мы всюду встрѣтимся... Мы нужны для тебя...
 „Подъ краснымъ Мѣсяцемъ, огни лучей дробя,
 „Мы объяснимъ тебѣ всѣ бездны наслажденья,
 „Всѣ тайны вѣчности и смерти и рожденья“.

И кровь поетъ во мнѣ. И въ зыбкомъ полуснѣ
 Тѣ звуки съ красками сливаются во мнѣ.
 И близость новаго, и тайнаго чего-то,
 Какъ пропасть горная, на склонѣ поворота,
 Меня баюкаетъ, и вкрадчиво зоветъ,
 Туманомъ огненнымъ окутанъ небосводъ,
 Мой разумъ чувствуетъ, что мнѣ, при видѣ крови,
 Весь міръ откроется, и все въ немъ будетъ вновѣ,
 Смѣются маки мнѣ, пронзенные лучомъ...
 Ты слышишь, предокъ мой? Я буду палачомъ!

VII.

Я СБРОСИЛЪ ЕЕ.

Я сбросилъ ее съ высоты,
 И чувствовалъ тяжесть паденья.
 Колдунья прекрасная! Ты
 Придешь, но придешь—какъ видѣнье!

Ты мучить не будешь меня,
 А радовать страшной мечтою,
 Созданіе тьмы и огня,
 Съ проклятой твоей красотою!

Я буду лобзать въ забытїи,
 Въ безумствѣ кошмарнаго пира,
 Румяныя губы твои,
 Кровавыя губы вампира!

И если я прежде былъ твой,
Теперь ты мое привидѣнье,
Тебя я страшище — живой,
О, тѣнь моего наслажденья!

Лежи искаженнымъ комкомъ,
Обломокъ погибшаго зданья.
Ты больше не будешь врагомъ...
Такъ помни, мой другъ: до свиданья!

VIII.

С К И Т Ы.

Мы блаженные сонмы свободно кочующихъ скифовъ,
Только воля одна намъ превыше всего дорога.
Бросивъ замокъ Ольвійскій съ его изваяньями грифовъ,
Отъ врага укрываясь, мы всюду настигнемъ врага.

Нѣтъ ни капищъ у насъ, ни боговъ, только зыбкія тучи
Отъ востока на западъ молитвеннымъ свѣтятъ лучомъ.
Только богу войны темный хворостъ слагаемъ мы въ кучи,
И вершину тѣхъ кучъ украшаемъ желѣзнымъ мечомъ.

Саранчей мы летимъ, саранчей на чужое нагрянемъ,
И безстрашно насытимъ мы алчныя души свои.
И всегда на врага тетиву безъ ошибки натянемъ,
Напитавши стрѣлу смертоносною желчью змѣи.

Налетимъ, прошумимъ, и врага повлечемъ на арканѣ,
Безъ оглядки стремимся къ другой непочатой странѣ.
Наше счастье — война, наша вѣрная сила — въ кодчанѣ,
Наша гордость — въ незнающемъ отдыха быстромъ конѣ.

IX.

ВЪ ГЛУХІЕ ДНИ.

ПРЕДАНІЕ.

Въ глухіе дни Бориса Годунова,
 Во мглѣ російской пасмурной страны,
 Толпы людей скитались безъ крова,
 И по ночамъ всходило двѣ луны.

Два солнца по утрамъ свѣтило съ неба,
 Съ свирѣпостью на дольний міръ смотря.
 И вопль протяжный: „Хлѣба! Хлѣба! Хлѣба!“
 Изъ тьмы лѣсовъ стремился до царя.

На улицахъ изсохшіе скелеты
 Щипали жадно чахлую траву,
 Какъ скоть, — озвѣрены и неодѣты,
 И сны осуществлялись наяву.

Гроба, отяжелѣвшіе отъ гнили,
 Живымъ давали смрадный адскій хлѣбъ,
 Во рту у мертвыхъ сѣно находили,
 И каждый домъ былъ сумрачный вертепъ.

Отъ бурь и вихрей башни низвергались,
 И небеса, таясь межъ тучъ тройныхъ,
 Внезапно краснымъ свѣтомъ озарялись,
 Являя битву воинствъ неземныхъ.

Невиданныя птицы прилетали,
 Орлы парили съ крикомъ надъ Москвой,

На перекресткахъ, молча, старцы ждали,
Качая посѣдѣвшей головой.

Среди людей блуждали смерть и злоба,
Узрѣвъ комету, дрогнула земля.
И въ эти дни Димитрій всталъ изъ гроба,
Въ Отрепьева свой духъ переселя.

Х.

О П Р И Ч Н И К И.

Когда опричники, веселые, какъ тигры,
По слову Грознаго, среди толпы рабовъ,
Кровавыя затѣввали игры,
Чтобъ увеличить полчище гробовъ,—

Когда невинныхъ жгли и рвали по суставамъ,
Перетирали ихъ цѣпями пополамъ,
И въ добавленье къ царственнымъ забавамъ
На женъ и дѣвъ ниспосылали срамъ,—

Когда, обливъ шута горячею водою,
Его добилъ ножомъ освирѣпѣвшій царь,—
На небесахъ, своею чередою,
Созвѣзды улыбались какъ встарь.

Лишь только эта мысль въ душѣ блеснетъ случайно,
Я слѣпну въ бѣшенствѣ, мучительно скорбя.
О, если міръ — божественная тайна,
Онъ каждый мигъ — клевететъ на себя!

XI.

СМЕРТЬ ДИМИТРІЯ КРАСНАГО.

ПРЕДАНИЕ.

Нѣтъ, на Руси бывали чудеса,
 Не меньшія, чѣмъ въ отдаленныхъ странахъ.
 Къ намъ также благосклонны Небеса,
 Есть и для насъ мерцанія въ туманахъ.

Я расскажу о чудѣ старыхъ дней,
 Когда, опустошая нивы, доли,
 Врываясь въ села шайками тѣней,
 Терзали насъ безчинные моголы.

Жилъ въ Галичѣ тогда несчастный князь,
 За красоту былъ званъ Димитрій Красный.
 Незримая межъ нимъ и Небомъ связь
 Въ кончинѣ обозначилась ужасной.

Смерть странная была ему дана.
 Онъ вдругъ, безъ всякой видимой причины,
 Лишился вкуса, отдыха, и сна,
 Но никому не сказывалъ кручины.

Кровь изъ носу безъ устали текла.
 Быть приобщенъ хотѣлъ Святыхъ онъ Таинъ,
 Но страшная на немъ печать была:
 Вкругъ рта—все кровь, и онъ глядѣлъ—какъ Каинъ.

Толпилися бояре, позабывъ
 Себя — предъ ликомъ горькаго злосчастья.
 И вотъ ему, молитву сотворивъ,
 Заткнули ноздри, чтобы дать причастье.

Димитрій успокоился, притихъ,
 Вздохнувъ, заснулъ, и всѣмъ казался мертвымъ.
 И нѣкій сонъ, но не изъ сновъ земныхъ,
 Виталь надъ этимъ трупомъ распростертымъ.

Оплакали бояре мертвеца,
 И крѣпкаго они испивши меда,
 На лавкахъ спать легли. А у крыльца
 Росла толпа безмолвнаго народа.

И вдругъ одинъ бояринъ увидалъ,
 Какъ, шевельнувъ чуть зримо волосами,
 Мертвецъ, покровъ содвинувъ, тихо всталъ, —
 И началъ пѣть съ закрытыми глазами.

И въ ужасѣ, среди полночной тьмы,
 Бояре во дворецъ народъ впустили.
 А мертвый, стоя, бѣлый, пѣлъ псалмы,
 И толковалъ значенье русской были.

Онъ пѣлъ три дня, не открывая глазъ,
 И возвѣстилъ грядущую свободу,
 И умеръ какъ святой, въ разсвѣтнѣй часъ,
 Внушая ужасъ блѣдному народу.

XII.

СКОРПІОНЪ.

СОВЕТЪ.

Я окруженъ огнемъ кольцеобразнымъ,
Онъ близится, я къ смерти присужденъ,—
За то, что я родился безобразнымъ,
За то, что я зловѣщій скорпіонъ.

Мои враги глядятъ со веѣхъ сторонъ,
Кошмаромъ роковымъ и неотвязнымъ,—
Нѣтъ выхода, я смертию окруженъ,
Я пламенемъ стѣсненъ, многообразнымъ.

Но вотъ, хоть все ужаснѣй для меня
Дыханья неотступнаго огня,
Однимъ порывомъ полонъ я, безбольнымъ.

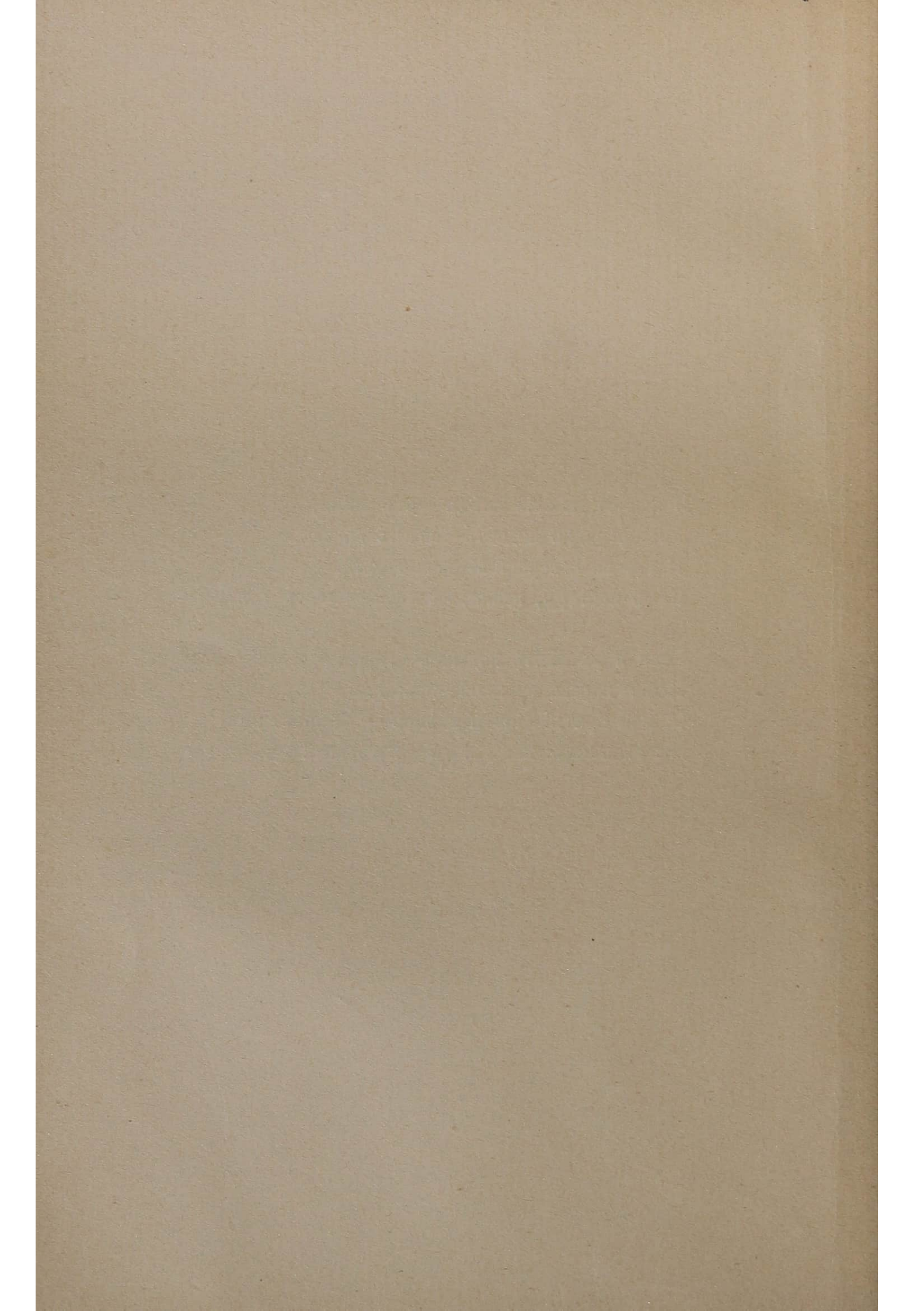
Я гибну. Пусть. Я вызовъ шлю судьбѣ.
Я смерть свою нашель въ самомъ себѣ.
Я гибну скорпіономъ— гордымъ, вольнымъ.

XIII.

* * *

Я люблю далекій слѣдъ — отъ весла,
Мнѣ отрадно подойти — вплоть до зла,
И его не совершивъ — посмотреѣть,
Какъ костеръ, вдали, за мной — будетъ тлѣть.

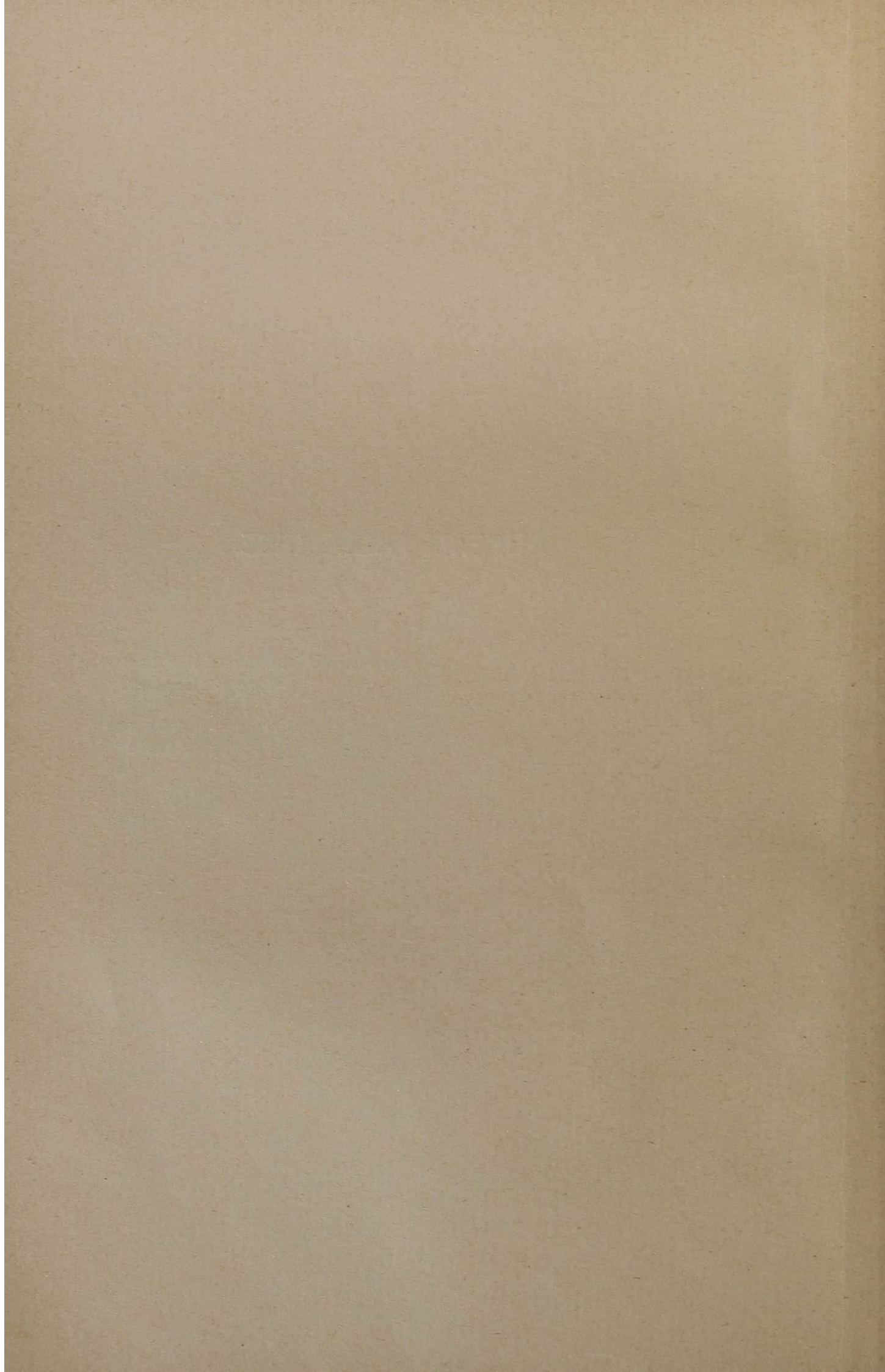
Если я въ мечтѣ поджегъ — города,
Пламя зарева со мной — навсегда.
О, мой братъ! Поэтъ и царь — сжегшій Римъ!
Мы сжигаемъ, какъ и ты — и горимъ!

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

And seem a saint, when most I play the devil.
King Richard III.

Кажусь святымъ, роль дьявола играя.
Ричардъ Третій.

I.

АНГЕЛЫ ОПАЛЬНЫЕ.

Ангелы опальные,
 Свѣтлые, печальные,
 Блески погребальные
 Тающихъ свѣчей;—
 Грустные, безбольные,
 Звоны колокольные,
 Отзвуки невольные,
 Отсвѣты лучей;—
 Взоры полусонные,
 Нѣжные, влюбленные,
 Дымкой окаймленные,
 Тонкія черты,—
 То мои несмѣлые,
 То воздушно-бѣлые,
 Сладко-онѣмѣлые,
 Легкіе цвѣты.

Чувственно-неясныя,
 Дѣвственно-прекрасныя,
 Въ страстности безстрастныя,
 Тайны и слова;—
 Шорохъ приближенія,
 Радость отраженія,
 Нѣжный грѣхъ внушенія,
 Дышашій едва;—
 Зыбкія и странныя,
 Вкрадчиво-туманныя,

Въ смѣлости нежданныя,
 Проблески огня,—
 То мечты, что встрѣтятся
 Съ тѣми, кѣмъ отмѣтятся,
 И опять засвѣтятся
 Эхомъ для меня!

II.

СЛОВА ЛЮБВИ.

Слова любви, не сказанныя мною,
 Въ моей душѣ горять и жгутъ меня.
 О, еслибъ ты была рѣчной волною,
 О, еслибъ я былъ первой вспышкой дня!

Чтобъ я, скользнувъ чуть видимымъ сіяньемъ,
 Въ тебя проникъ дробящейся мечтой,—
 Чтобъ ты, моимъ блеснувъ очарованьемъ,
 Жила своей подвижной красотой!

III.

ХЛОПЬЯ ТУМАНА.

1.

Можно вздрогнуть отъ звука шаговъ,
 Не изъ чувства обмана,
 А изъ жажды остаться вдвоемъ въ нетревожимомъ счастіи сновъ,
 Подъ владычествомъ чары, воздушной, какъ грань облаковъ,
 Можно горько бояться, что свѣтлыя хлопья тумана
 Разойдутся—не слившись, умрутъ—слишкомъ рано.

2.

О, въ душѣ у меня столько словъ для тебя и любви,
Только душу мою ты своею душой позови.

3.

Я какъ сонъ предъ тобой, я какъ сонъ голубой,
Задремавшій на синемъ цвѣткѣ.
Я какъ шорохъ весны, я какъ вздохъ тишины,
Какъ тростникъ, наклоненный къ рѣкѣ.
Я какъ легкій ковыль, какъ цвѣточная пыль,
Каждый мигъ и дышу, и дрожу.
Я какъ лѣтняя мгла, что свѣтла и тепла,
И тебѣ все безъ словъ я скажу.

IV.

О П Я Т Ь.

Я хотѣлъ бы тебя заласкать вдохновеніемъ,
Чтобъ мои надъ тобой трепетали мечты,
Какъ стремится ручей мелодическимъ пѣніемъ
Заласкать наклонившихся лилій цвѣты,
Чтобы съ каждымъ нахлынувшимъ новымъ мгновеніемъ
Ты шептала: „Опять! Это—ты! Это—ты!“

О, я буду воздушнымъ и нѣжно-внимательнымъ,
Буду вкрадчивымъ,—только не бойся меня,
И къ непознаннымъ снамъ, такъ желанно-желательнымъ,
Мы уйдемъ чрезъ сляніе ночи и дня,
Чтобъ угаданный свѣтъ былъ какъ будто гадательнымъ,
Чтобъ мы оба зажглись отъ того же огня.

Я тебя обожгу поцѣлуемъ томительнымъ,
 Несказаннымъ — однимъ — поцѣлуемъ мечты,
 И блаженство твое будетъ сладко-медлительнымъ,
 Между ночью и днемъ, у завѣтной черты,
 Чтобъ, закрывши глаза, ты въ восторгѣ мучительномъ
 Прошептала: „Опять! Ахъ, опять! Это — ты!“

V.

СРЕДИ КАМНЕЙ.

Я шель по выжженному краю
 Какихъ-то сказочныхъ дорогъ.
 Я что-то думалъ, что, не знаю,
 Но что не думать — я не могъ.

И полумертвыя руины
 Полузабытыхъ городовъ
 Безмолвны были, какъ картины,
 Какъ голосъ памятныхъ годовъ.

Я вспоминалъ, я уклонялся,
 Я измѣнялся каждый мигъ,
 Но ближе-ближе наклонялся
 Ко мнѣ мой собственный двойникъ.

И утомительно мелькали
 Съ полуослѣпшей высоты,
 Изъ тьмы руинъ, изъ яркой дали,
 Неговорящіе цвѣты.

Но на крутомъ внезапномъ склонѣ,
 Среди камней, я понялъ вновь,²
 Что дышетъ жизнь въ нѣмомъ затонѣ,
 Что есть безсмертная любовь.

VI.

БЕЛЛАДОННА.

Счастье души утомленной—
 Только въ одномъ:
 Быть какъ цвѣтокъ полусонный
 Въ блескѣ и шумѣ дневномъ,
 Внутреннимъ свѣтомъ свѣтиться,
 Все позабыть, и забыться,
 Тихо, но жадно упиться
 Тающимъ сномъ.

Счастье ночной белладонны—
 Лаской убить.
 Взоры ея полусонны,
 Любо ей день позабыть,
 Свѣтомъ луны расцвѣчаться,
 Сердцемъ съ луною встрѣчаться,
 Тихо подъ вѣтромъ качаться,
 Въ смерти любить.

Другъ мой, мы оба устали.
 Радость моя!
 Радости нѣтъ безъ печали
 Между цвѣтами—змѣя.

Кто же съ душой утомленной,
 Вспыхнетъ мечтой полусонной
 Кто расцвѣтетъ белладонной, —
 Ты или я?

VII.

Я БУДУ ЖДАТЬ.

Я буду ждать тебя мучительно,
 Я буду ждать тебя года,
 Ты манишь сладко-исключительно,
 Ты обѣщаешь навсегда.

Ты вся — безмолвіе несчастія,
 Случайный свѣтъ во мглѣ земной,
 Незьясненность сладострастія,
 Еще непознаннаго мной.

Своей усмѣшкой вѣчно-кроткою,
 Лицомъ всегда склоненнымъ ницъ,
 Своей неровною походкою
 Крылатыхъ, но не ходкихъ птицъ,

Ты будишь чувства тайно-спящія, —
 И знаю, не затмить слеза
 Твои куда-то прочь глядящія,
 Твои невѣрные глаза.

Не знаю, хочешь ли ты радости,
 Уста къ устамъ, прильнуть ко мнѣ,

Но я не знаю высшей сладости,
Какъ быть съ тобой наединѣ.

Не знаю, смерть-ли ты неожиданная,
Иль нерожденная звѣзда,
Но буду ждать тебя, желанная,
Я буду ждать тебя всегда.

VIII.

НѢЖНѢ ВСЕГО.

Твой смѣхъ прозвучалъ, серебристый,
НѢжнѣй, чѣмъ серебряный звонъ, —
НѢжнѣе, чѣмъ ландышъ душистый,
Когда онъ въ другого влюбленъ.

НѢжнѣй, чѣмъ признанье во взрядѣ,
Гдѣ счастье желанья зажглось, —
НѢжнѣе, чѣмъ свѣтлыя пряди
Внезапно упавшихъ волосъ.

НѢжнѣе, чѣмъ блескъ водоема,
Гдѣ слитное пѣніе струй, —
Чѣмъ пѣсня, что съ дѣтства знакома,
Чѣмъ первой любви поцѣлуй.

НѢжнѣе того, что желанно
Огнемъ волшебства своего, —
НѢжнѣе, чѣмъ польская панна,
И, значить, нѢжнѣе всего.

IX.

В О Л Н А.

Набѣгаетъ, уходитъ, и снова, свѣтясь, возвращается,
 Улыбается, манить, и плачетъ съ притворной борьбой,
 И украдкой слѣдить, и обманно съ тобою прощается,—
 И мелькаетъ, какъ кружево, пѣна во мглѣ голубой.
 О, волна, подожди! Я уйду за тобой!
 О, волна, подожди! Но отхлынулъ прибой.

Серебристыя нити отъ новой луны засвѣчаются,
 Все вольнѣй и воздушнѣй—уплывшему въ даль кораблю.
 И лучистыя волны встрѣчаются, тихо качаются,
 Выростаетъ незримое рабство, я счастливъ, я сплю.
 И смѣется волна: «Я тебя утоплю!
 «Утоплю, потому что безмѣрно люблю!»

X.

О С Е Н Ъ.

Вы умрете, стебли травъ,
 Вы вершинами встрѣчались,
 Въ легкомъ вѣтрѣ вы качались,
 Но, блаженства не видавъ,
 Вы умрете, стебли травъ.

Въ роцѣ шелестъ, шорохъ, свистъ
 Тихій, ровный, заглушенный,
 Отдаленно-приближенный.

Умираетъ каждый листъ,
Въ роцѣ шелестъ, шорохъ, свистъ.

Сонно падаютъ листы,
Смутно шепчутся вершины,
И березы и осины.
Съ измѣненной высоты
Сонно падаютъ листы.

XI.

О Т Ц В Ъ Л И.

Отцвѣли — о, давно! — отцвѣли орхидеи, мимозы,
Сновидѣнья нагрѣтыхъ и душныхъ и влажныхъ теплицъ.
И въ пространствѣ, застывшемъ, какъ мертвенный цвѣтъ туберозы,
Чуть скользятъ очертанья поблекшихъ разлюбленныхъ лицъ.

И блѣднѣютъ, и тонуть въ душѣ, гдѣ развалины дремлютъ,
Въ этой безднѣ, гдѣ много, гдѣ все пробѣгаетъ на мигъ,
Въ переходахъ, гдѣ звукамъ ихъ отзвуки, вторя, не внемлютъ,
Гдѣ одинъ для меня сохранился немеркнушій ликъ.

Этотъ образъ — въ созвучіи странномъ съ душою моею,
Въ этомъ ликѣ мы оба съ тобою узнаемъ себя,
О, мечта, чьей улыбки ни ждать, ни желать я не смѣю,
Но кого я люблю, но кого вспоминаю, любя.

Я люблю съ безупречною нѣжностью духа и брата,
Я люблю, какъ звѣзду отдаленная любить звѣзда,
Какъ цвѣтокъ, что еще не растратилъ въ душѣ аромата,
Я съ тобой — я люблю — я съ тобой — разлучень — навсегда.

XII.

ЗАМОКЪ ДЖЭНЪ ВАЛЬМОРЪ.

БАЛЛАДА.

1.

Въ старинномъ замкѣ Джэнъ Вальморъ,
 Красавицы надменной,
 Толпяся гости съ давнихъ поръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной:
 Во взоръ ея лишь бросишь взоръ,
 И ты навѣки плѣнный.

2.

Красивы замки старыхъ лѣтъ.
 Зубцы ихъ сѣрыхъ башенъ,
 Какъ будто льютъ чуть зримый свѣтъ,
 И страненъ онъ и страшенъ,
 Нѣмымъ огнемъ былыхъ побѣдъ
 Ихъ гордый ликъ украшенъ.

3.

Мосты подъемные и рвы, —
 Замкнутыя владѣнья.
 Здѣсь ночью слышенъ крикъ совы,
 Здѣсь бродятъ привидѣнья.
 И страненъ вздохъ сѣдой травы
 Въ часъ луннаго затмѣнья.

4.

Въ старинномъ замкѣ Джэнь Вальморъ
 Чуть ночь — звучать баллады.
 Поетъ струна, встаетъ укоръ,
 А гдѣ-то — водопады,
 И дологъ гулъ окрестныхъ горъ,
 Отвѣтствуютъ громады.

5.

Сегодня день рожденья Джэнь.
 Часы тяжелымъ боемъ
 Сзываютъ всѣхъ, кто взять ей въ плѣнь,
 И вотъ проходятъ роемъ
 Красавцы, Громъ, и Ральфъ, и Свенъ,
 По сумрачнымъ покоямъ.

6.

И нѣжныхъ дѣвъ сосѣднихъ горъ
 Здѣсь ярко блещутъ взгляды,
 Эрглэнь, Линоръ, — и ясенъ взоръ
 Пышиноволосой Ады, —
 Но всѣхъ прекраснѣй Джэнь Вальморъ,
 Въ честь Джэнь звучать баллады.

7.

Пѣвучій танецъ заструилъ
 Медлительныя чары.
 Пусть будетъ съ милой кто ей милъ,
 И вотъ кружатся пары.
 Но богъ любви движеньемъ крыль
 Сердцамъ готовить кары.

8.

Да, взоръ одинъ на путь измѣнъ
 Всѣхъ манить неустанно.
 Все въ жизни—дымъ, все въ жизни—тлѣнъ,
 А въ смерти все туманно.
 Но ради Джэнъ, о, ради Джэнъ,
 И смерть сама желанна.

9.

Бьетъ полночь.—„Полночь!“—Звучный хоръ
 Пропѣлъ балладу ночи.—
 „Безпечныхъ дней цвѣтной узоръ
 „Быль длиненъ, сталь короче“.—
 И вотъ у гордой Джэнъ Вальморъ
 Блеснули странно очи.

10.

Въ полночный садъ зоветъ она
 Безумныхъ и влюбленныхъ,
 Тамъ нѣжно царствуетъ луна
 Межъ елей полусонныхъ,
 Тамъ дышетъ нѣжно тишина
 Среди цвѣтовъ склоненныхъ.

11.

Они идутъ, и садъ молчить,
 Прохлада надъ травою,
 И только здѣсь и тамъ кричить
 Сова надъ головою,
 Да въ замкѣ музыка звучить
 Прощальною мольбою.

12.

Идутъ. Но вдругъ одинъ пропаль,
 Какъ блѣдное видѣнье,
 Другой холоднымъ камнемъ сталъ,
 А третій—какъ растенье.
 И обнялъ всѣхъ незримый валъ
 Волненьемъ измѣненья.

13.

Подъ желтой дымною луной,
 Въ саду съ травой сѣдою,
 Безумцы, пестрой еленой,
 И разной чередою,
 Одѣлись формою иной
 Предъ дѣвой молодою.

14.

Исчезли Гроль, и Ральфъ, и Свенъ
 Среди растеній сада.
 Къ цвѣтамъ навѣкъ попали въ плѣнь
 Эрглэнъ, Линоръ, и Ада.
 Въ глазахъ зеленоглазой Джэнъ—
 Змѣиная отрада.

15.

Она одна, окружена
 Тѣнями ей убитыхъ.
 Дыханій много пьетъ она
 Изъ этихъ травъ излитыхъ.
 Въ ней—осень, ей нужна весна
 Восторговъ ядовитыхъ.

16.

И потому, сплетясь въ узоръ,
 Въ тоскѣ безперемѣнной,
 Томятся души съ давнихъ поръ,
 Толпой навѣки-плѣнной,
 Въ старинномъ замкѣ Джэнь Вальморъ,
 Красавицы надменной.

XIII.

Ч А Р Ы М Ъ С Я Ц А .

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

I.

Между скаль, подъ властью мглы,
 Спятъ усталые орлы.
 Вѣтеръ въ пропасти уснулъ,
 Съ моря слышенъ смутный гулъ.

Тамъ, надъ блѣдною водой,
 Глянулъ мѣсяцъ молодой,
 Волны темныя воззвалъ,
 Въ морѣ вспыхнулъ мертвый валъ.

Въ морѣ вспыхнулъ свѣтлый мостъ,
 Ярко дышутъ брызги звѣздъ.
 Мѣсяцъ ночь освободилъ,
 Мѣсяцъ море побѣдилъ.

2.

Сводъ небесъ похолодѣлъ,
 Мѣсяць міромъ овладѣлъ,
 Жаднымъ свѣтомъ съ высоты
 Тронулъ горные хребты.

Все безмолвно захватилъ,
 Вызвалъ духовъ изъ могилъ.
 Въ сѣрыхъ башняхъ, вдоль стѣны,
 Встали тѣни старины.

Встали тѣни и глядятъ,
 Страненъ ихъ недвижный взглядъ,
 Странно небо надъ водой,
 Властенъ мѣсяць молодой.

3.

Возлѣ башни, у стѣны,
 Гдѣ чуть слышенъ шумъ волны,
 Отдѣлился въ полумгнѣ
 Бѣлый призракъ Джамилэ.

Призракъ царственный княжны
 Вспомнилъ счастье, вспомнилъ сны,
 Все, что было такъ свѣтло,
 Что ушло — ушло — ушло.

Тотъ же воздухъ былъ тогда,
 Та же блѣдная вода,
 Тамъ, высоко надъ водой,
 Тотъ же мѣсяць молодой.

4.

Все слилось тогда въ одно
 Лучезарное звено.
 Какъ-то странно, какъ-то вдругъ,
 Все замкнулось въ яркій кругъ.

Надъ прозрачной мглой земли
 Небеса произнесли,
 Измѣняяся едва,
 Незабвенныя слова.

Море пѣло о любви,
 Говоря: „Живи! живи!“
 Но хотъ вспыхнулъ въ сердцѣ свѣтъ,
 Отвѣчало сердце: „Нѣтъ!“

5.

Возлѣ башни, въ полумглѣ,
 Плачетъ призракъ Джамилэ.
 Смотрятъ тѣни вдоль стѣны,
 Свѣтитъ мѣсяць съ вышины.

Все сильнѣй идетъ прибой
 Отъ равнины голубой,
 Отъ долины быстрыхъ водъ,
 Вѣчно мчащихся впередъ.

Волны яркія плывутъ,
 Волны къ счастью зовутъ,
 Вспыхнетъ легкая вода,
 Вспыхнувъ, гаснетъ навсегда.

6.

И еще, еще идутъ,
 И одни другихъ не ждутъ.
 Каждой данъ одинъ лишь мигъ,
 Съ каждой есть волна-двойникъ.

Можно только разъ любить,
 Только разъ блаженнымъ быть,
 Впитъ въ себя восторгъ и свѣтъ, —
 Только разъ, а больше — нѣтъ.

Камень падаетъ на дно,
 Дважды жить намъ не дано.
 Кто-жь придетъ къ тебѣ во мглѣ,
 Бѣлый призракъ Джамиля?

7.

Вотъ ужъ съ яркою звѣздой
 Гаснетъ мѣсяцъ молодой.
 Меркнетъ жадный свѣтъ его,
 Исчезаетъ колдовство.

Скучнымъ утромъ дышетъ даль,
 Старой башнѣ ночи жаль,
 Камни сѣрые глядятъ,
 Неподвиженъ мертвый взглядъ.

Вѣтеръ въ пропасти встаетъ,
 Пѣнию скучную поетъ.
 Между скаль, подъ влагой мглы,
 Просыпаются орлы.

XIV.

* * *

Можно жить съ закрытыми глазами,
Не желая въ мірѣ ничего,
И навѣкъ проститься съ небесами,
И понять, что все кругомъ мертво.

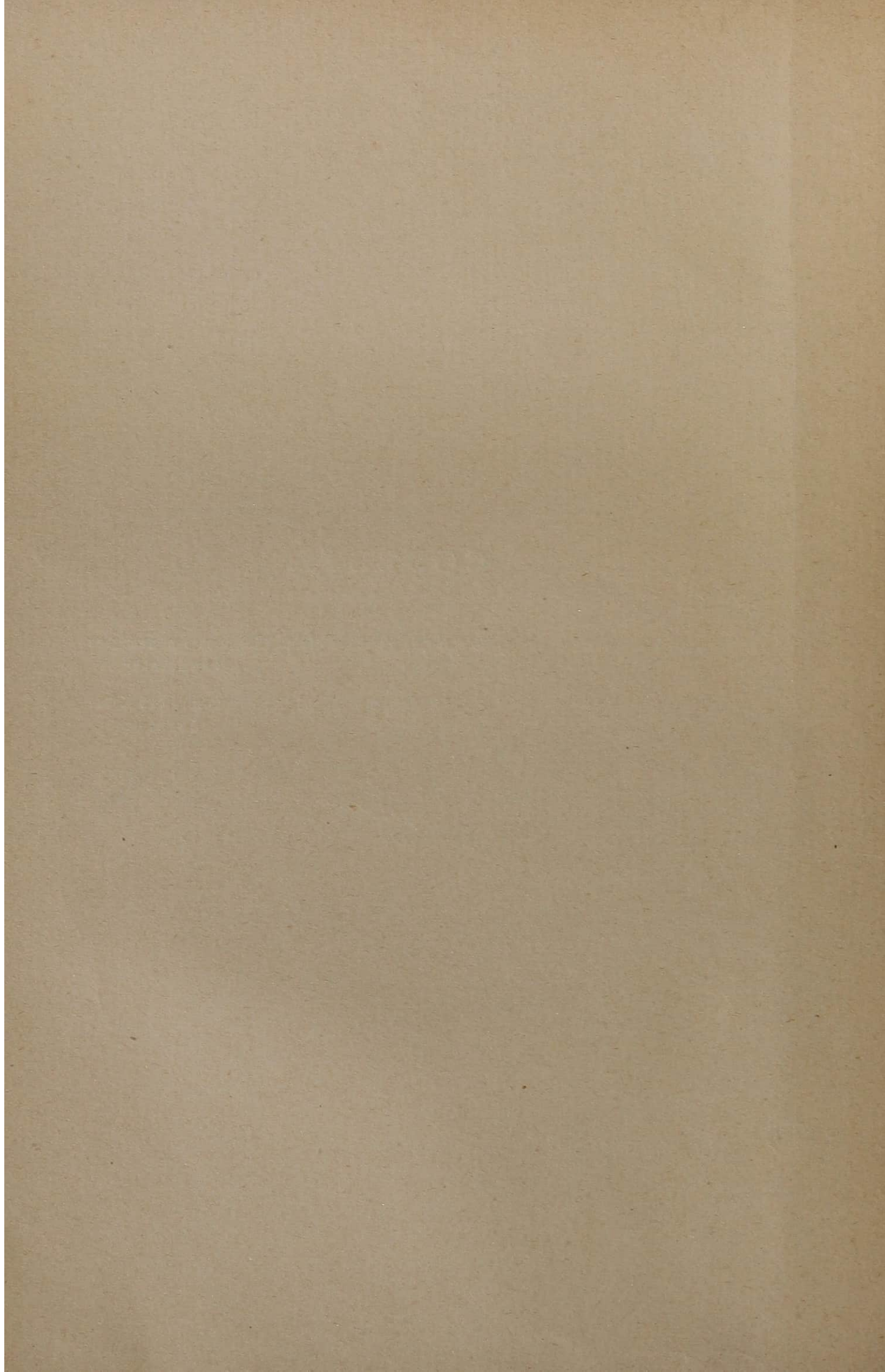
Можно жить, безмолвно холодѣя,
Не считая гаснущихъ минутъ,
Какъ живетъ осенній лѣсъ, рѣдѣя,
Какъ мечты поблекшія живутъ.

Можно все завѣтное покинуть,
Можно все безслѣдно разлюбить.
Но нельзя къ минувшему остынуть,
Но нельзя о прошломъ позабыть!

СОВѢСТЬ.

Je dis: Que cherchent-ils au Ciel, tous ces aveugles
Baudelaire.

Я говорю: Слепцы! Что нужно имъ отъ Неба?
Бодлеръ.

1.

СУМРАЧНЫЯ ОБЛАСТИ.

Сумрачныя области совѣсти моей,
 Чѣмъ же вы освѣтитесь на исходѣ дней, —
 Сумраки отчаянья, дыма, и страстей?

Вы растете медленно, но какъ глыбы тучъ,
 Вашъ провалъ безмолвія страшень и могучъ,
 Вы грозите скрытою гибельностью кручъ.

Послѣ дѣтства ровнаго съ прелестью луговъ,
 Послѣ отысканія новыхъ береговъ,
 Наши мысли гонять насъ, гонять, какъ враговъ.

Ни минуты отдыха, жизнь къ себѣ зоветъ,
 Дышетъ глянцевитостью нашъ водоворотъ,
 Ни минуты отдыха, дальше, все впередъ.

Чуть мечтой измѣряешь дальніе края,
 Вотъ уже испорчена молодость твоя,
 Стынетъ впечатлительность къ сказкамъ бытія.

И душой холодною, полной пустоты,
 Въ жаждѣ новыхъ пряностей, новой остроты,
 Тянешься, дотянешься до своей черты.

До черты губительной въ безднѣ голубой,
Гдѣ ты вдругъ очутишься — съ призракомъ — съ собой,
Искаженный жадностью, грубый, и слѣпой.

И среди отчаянья, дыма, и тѣней,
Чѣмъ же ты освѣтишься на исходѣ дней?
Горе! Какъ ты встрѣтишься съ совѣстью своей?

II.

ПОДЪ ЯРМОМЪ.

Какъ подъ ярмомъ быки влекуть тяжелый возъ,
И оставляютъ слѣдъ продольностью колесъ,
Такъ наши помыслы, намѣренья, дѣянья
За нами тянутся, готова горечь слезъ,
И боль, и ужасы, и пламя покаянья, —
Они накопятся, и, рухнувъ, какъ утесъ,
Глухими гулами ворвутся къ намъ въ сознанье,
Какъ крикъ раскаянья, какъ вопль воспоминанья.

III.

ЛѢСНОЙ ПОЖАРЪ.

Стараясь выбирать тѣнистыя мѣста,
Я ѣхалъ по лѣсу, и эта красота
Деревьевъ, дремлющихъ въ полуденномъ покоѣ,
Какъ бы недвижимо купающихся въ зноѣ,
Меня баюкала, и въ душу мнѣ проникъ
Дремотныхъ помысловъ мерцающій родникъ.

Я вспомнилъ молодость... Обычныя мгновенья
 Надеждъ, наивности, влюбленности, забвенья,
 Что свѣтитъ пламенемъ воздушно-голубымъ,
 И превращается внезапно въ черный дымъ.

Зачѣмъ такъ памятно, нѣмою пеленою,
 Видѣнья юности, вы встали предо мною?
 Уйдите. Мнѣ нельзя вернуться къ чистотѣ,
 И я уже не тотъ, и вы уже не тѣ.
 Вы только призраки, вы горькіе упреки,
 Терзанья совѣсти, просроченные сроки.
 А я двойникъ себя, я всадникъ на конѣ,
 Безцѣльно ѣдущій—куда? Кто скажетъ мнѣ!
 Все помню... Старый садъ... Цвѣты... Чуть дышутъ вѣтки...
 Тамъ счастье плакало въ заброшенной бесѣдкѣ,
 Тамъ кто-то былъ съ лицомъ, въ которомъ боли нѣтъ,
 Съ лицомъ моимъ—увы—моимъ въ шестнадцать лѣтъ.
 Неподражаемо-стыдливыя свиданья,
 Любви несознанной огонь и трепетанья,
 Слова, поющія въ душѣ лишь въ тѣ года,
 „Люблю“, „Я твой“, „Твоя“, „Мой милый“, „Навсегда“.
 Какъ сладко вмѣстѣ быть! Какъ страшно сѣсть съ ней рядомъ!
 Какъ можно выразить всю душу быстрымъ взглядомъ!
 О, сказкой ставшая, поблекнувшая была!
 О, крылья бабочки, съ которыхъ стерлась пыль!

Темнѣй ложится тѣнь, сокрытъ густымъ навѣсомъ
 Родной мой старый садъ, смѣненный дикимъ лѣсомъ.
 Невинный шопотъ сновъ, ты сердцемъ позабытъ,
 Я слышу грубый звукъ, я слышу стукъ копытъ.
 То голосъ города, то гулъ глухихъ страданій,
 Рожденных сумракомъ нѣмыхъ и тяжкихъ зданій.
 То голосъ призраковъ, замученныхъ тобой,
 Кошмаръ, исполненный уродливой борьбой,

Живое кладбище блуждающихъ скелетовъ
 Съ гнилымъ роскошествомъ заученныхъ отвѣтовъ,
 Очагъ, въ чью пасть идутъ хлѣба съ кровавыхъ нивъ,
 Гдѣ слабымъ мѣста нѣтъ, гдѣ силенъ тотъ, кто лживъ.
 Но тамъ есть счастье—уйти безповоротно,
 Душой своей души, къ тому, что мимолетно,
 Что свѣтитъ радостью иного бытія,
 Мечтать, искать, и ждать,—какъ сдѣлалъ это я.
 Мнѣ грезились міры, рожденные мечтою,
 Я землю осѣнялъ своею красотою,
 Я вѣхъ любилъ, на все склонялъ свой чуткій взоръ,
 Но мракъ ужь двинулся, и шелъ ко мнѣ, какъ воръ.

Мнѣ стыдно плоскости печальныхъ приключеній,
 Вселенной жаждалъ я, а мой вампирный геній
 Былъ просто женщиной, познавшей лишь одно,
 Красивой женщиной, привыкшей пить вино.
 Она такъ медленно раскидывала сѣти,
 Мы веселились съ ней, мы были съ ней какъ дѣти,
 Пронизанъ солнцемъ былъ ласкающій туманъ,
 И я на шеѣ вдругъ почувствовалъ арканъ.
 И пьянство дикое, чумной порокъ Россіи,
 Съ непобѣдимостью властительной стихіи,
 Меня низринуло съ лазурной высоты
 Въ провалы низости, тоски, и нищеты.

Иди, иди, мой конь. Страшать воспоминанья.
 Хочу забыть себя, убить самосознанье.
 Что пользы вспоминать теперь, передъ концомъ,
 Что я случайно былъ и мужемъ, и отцомъ,
 Что хоронилъ дѣтей, что иногда, случайно...
 О, нѣтъ, молчи, молчи! Пусть лучше эта тайна
 Умретъ въ тебѣ самомъ, какъ умерло давно,

Что было такъ свѣтло судьбой тебѣ дано.
 Но гдѣ я? Что со мной? Вокругъ меня завѣса
 Непроницаемо-запутаннаго лѣса,
 Повсюду—острые и цѣпкіе концы
 Вѣтвей, изогнутыхъ и сжатыхъ, какъ щипцы,
 Они назойливо царапаютъ и ранятъ,
 Дорогу застятъ мнѣ, глаза мои туманятъ,
 Встаютъ преградою смутившемуся дню,
 Ложатся подъ ноги взыгравшему коню.
 Я вижу чудища за ветхими стволами,
 Они слѣдятъ за мной, мигаютъ мнѣ глазами,
 Съ кривою улыбкою.—Послѣдній лучъ исчезъ.
 Враждебнымъ ропотомъ и смѣхомъ полонъ лѣсъ.
 Вершины шорохомъ окутались растущимъ,
 Какъ бы предчувствіемъ предъ сумрачнымъ грядущимъ.
 И тучи зыбкія, на небѣ голубомъ,
 Съ змѣистой молніей рождаютъ гулъ и громъ.
 Ударъ, еще ударъ, и вотъ вблизи, налѣво,
 Исполненъ ярости и мстительнаго гнѣва,
 Взметнулся огненный пылающій языкъ.
 Въ сухомъ валежникѣ какъ будто чей-то крикъ,
 Глухой и сдавленный, раздался на мгновенье,
 И замеръ. И кругомъ, вездѣ—огонь, шипѣнье,
 Деревьевъ-факеловъ кипящій дымный адъ,
 И бури бѣшеной раскатистый набатъ.
 Порвавши повода, средь чаднаго тумана,
 Какъ бы охваченный прибоемъ океана,
 Мой конь несетъ меня, и странно-жутко мнѣ
 На этомъ взмыленномъ испуганномъ конѣ.
 Лѣсной пожаръ гудитъ. Я понялъ предвѣщанье.
 Передъ душой моей вы встали на прощанье,
 О, тѣни прошлаго!—Простите же меня,
 На страшномъ рубежѣ, средь дыма и огня!

IV.

РАЗСВѢТЪ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Я помню... Ночь кончалась,
Какъ-будто таялъ дымъ.
И какъ она смѣялась
Разсвѣтомъ голубымъ.

Безмолвно мы разстались,
Чужіе навсегда.
И больше не видались.
И канули года.

И память измѣняла,
Тебя я забывалъ.
Изъ блѣднаго бокала
Блаженство допивалъ.

И новыми огнями
Себя я ослѣпилъ.
И дни ушли за днями,
И жизнь я вновь любилъ.

Не жизнь, а прозябанье
Въ позорномъ полуснѣ:
Я пилъ безъ колебанья,
Искалъ мечты въ винѣ.

И вотъ хохочутъ струны,
Безчинствуетъ порокъ,
И всѣ душою юны:
Разсвѣтъ еще далекъ.

Смѣлѣетъ опьяненье,
И сердцу жизнь смѣшна.
Растаяли сомнѣнья,
Исчезла глубина.

И крѣпко спятъ упреки.
И манять вновь и вновь —
Подкрашенные щеки,
Поддѣльная любовь.

И мигъ забвенья длится,
И царствуетъ вино...
Но кто это глядится
Сквозь дальнее окно?

Но кто это смущаетъ
Туманностью лица
И молча возвѣщаетъ,
Что правдѣ нѣтъ конца?

То чудится мнѣ снова,
Въ послѣдній мигъ утѣхъ,
Разсвѣта голубого
Нѣмой холодный смѣхъ.

И пляшущія тѣни
 Застыли, отошли.
 Я вижу вновь ступени,
 Забытыя вдали.

И все, чѣмъ жилъ когда-то,
 Я снова полюбилъ.
 Но больше нѣтъ возврата
 Къ тому, чѣмъ прежде былъ.

Зловѣщая старуха,
 Судьба глядитъ въ окно.
 И кто-то шепчетъ глухо,
 Что я погибъ давно.

V.

Д Ы М Ъ .

Мы начинаемъ дни свои
 Среди цвѣтовъ и мотыльковъ,
 Когда прозрачные ручьи
 Бѣгутъ межъ узкихъ береговъ.
 Мы дѣтство празднуемъ смѣясь,
 Подъ небомъ близкимъ и роднымъ,
 Мы видимъ пламя каждый часъ,
 Мы видимъ свѣтлый дымъ.

И по теченью мы идемъ,
 И стаи пестрыя стрекозъ,
 Подъ солнцемъ, точно подъ дождемъ,
 Свѣваютъ брызги свѣтлыхъ слезъ.

И по теченью мы слѣдимъ
 Мельканья косвенныя рыбъ,
 И точно легкій темный дымъ,
 Подводныхъ травъ изгибъ.

Счастливый путь. Прозрачна даль.
 Закатный часъ еще далекъ.
 Быть - можетъ — близокъ. Намъ не жаль.
 Горитъ и западъ и востокъ.
 И мы простились съ нашимъ днемъ,
 И мы, опомнившись, глядимъ,
 Какъ въ небѣ темноглубомъ
 Плыветъ кровавый дымъ.

VI.

И ПЛЫЛИ ОНИ.

И плыли они безъ конца, безъ конца,
 Во мракѣ, но съ жаждою свѣта.
 И ужасъ внезапный объялъ ихъ сердца,
 Когда дождалися отвѣта.

Огонь появился предъ взорами ихъ,
 Въ обрывѣ лазури туманной.
 И былъ онъ прекрасенъ, и ровенъ, и тихъ,
 Но ужасъ объялъ ихъ нежданный.

Какъ тѣни слѣпныя, закрывши глаза,
 Сидѣли они засыпая.
 Хоть спали — не спали, имъ снилась гроза,
 Глухая гроза и слѣпая.

Закрытыя вѣки дрожали едва,
 Но свѣтъ имъ былъ виденъ сквозь вѣки.
 И вѣчность раздвинулась, грозно-мертва:
 Все рѣки, безмолвныя рѣки.

На лонѣхъ растущихъ чернѣющихъ водъ
 Зажегся пожаръ безпредѣльный.
 Но спящіе призраки плыли впередъ,
 Дорогой прямой и безцѣльной.

И каждый, какъ дремлющій духъ мертвеца,
 Качался въ сверкающемъ дымѣ,
 И плыли они безъ конца, безъ конца,
 И путь свой свершили — слѣпыми.

VII.

СКРИЖАЛИ.

Мы раздробленныя скрижали.

Случевскіѣ.

Какъ же Мірѣ не распадется,
 Если онъ возникъ случайно?
 Какъ же онъ не содрогнется,
 Если въ немъ начало — тайна?

Если гдѣ-нибудь, за Міромъ,
 Кто-то мудрый Міромъ править,
 Отчего жь мой духъ, вампиромъ,
 Сатану поетъ и славить?

Смерть свою живымъ питаетъ,
 Любитъ шабашъ преступленья,
 И кошмары созидаетъ
 Въ ликованьи изступленья.

А едва извѣдавъ низость,
 И насытившись позоромъ,
 Снова вѣрять въ чью-то близость,
 Ищетъ свѣта тусклымъ взоромъ.

Такъ мы всѣ идемъ къ чему-то,
 Что для насъ непостижимо.
 Дверь завѣтная замкнута,
 Мы скользимъ, какъ тѣнь отъ дыма.

Мы отъ всѣхъ путей далеки,
 Мы вездѣ найдемъ печали.
 Мы — запутанныя строки,
 Раздробленные скрижали.

VIII.

НА МОТИВЪ ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

Змѣй темно-желтый, чье дыханье ядъ,
 Чей смертоносенъ вѣчно-жадный взглядъ,
 Глядитъ, — и близъ него дрожить блудница,
 Волшебная и быстрая, какъ птица.

Онъ мучаетъ, онъ жалитъ безъ конца,
 Цвѣтъ жизни прогоняетъ онъ съ лица.

Ея душа его душой могуча,
Шатается, качается, какъ туча.

Гаома желтый, выточи копье,
Пронзи мое глухое забытье,
Я, темный, жду, какъ кротъ, во мракѣ роясь,
Тебѣ Маздао далъ плеядный поясъ.

Гаома желтый, чистыхъ мыслей другъ,
Закуй меня въ алмазно-твердый кругъ,
Направь свое оружье на блудницу,
Убей скорѣй уклончивую птицу.

Гаома желтый, сильный сынъ Земли,
Моей мольбѣ мучительной внемли,
Я падаю, я падаю, нѣмѣя,
Скорѣй убей чудовищнаго змѣя.

IX.

КОНЕЦЪ МІРА.

СОНЕТЬ.

Начало жизни, это — утро мая,
Ея конецъ — отравленный родникъ.
Предсмертнымъ бурямъ вѣчности внимая,
Духъ человѣка въ ужасѣ поникъ.

Въ устахъ, ко лжи привыкшихъ, сдавленъ крикъ.
Позоръ паденья ярко понимая,
Умъ видитъ алчныхъ духовъ адскій ликъ.
Тоска — вездѣ — навѣкъ — тоска нѣмая.

Могильнымъ блескомъ вспыхнулъ сѣрный зной,
И души, какъ листы цвѣтовъ лѣсные,
Горять, — кипить, свистить пожаръ лѣсной.

И сводъ небесъ, какъ куполь вырѣзной,
Не звѣздами заискрился впервые,
А гниlostью, насмѣшкой надъ весной.

X.

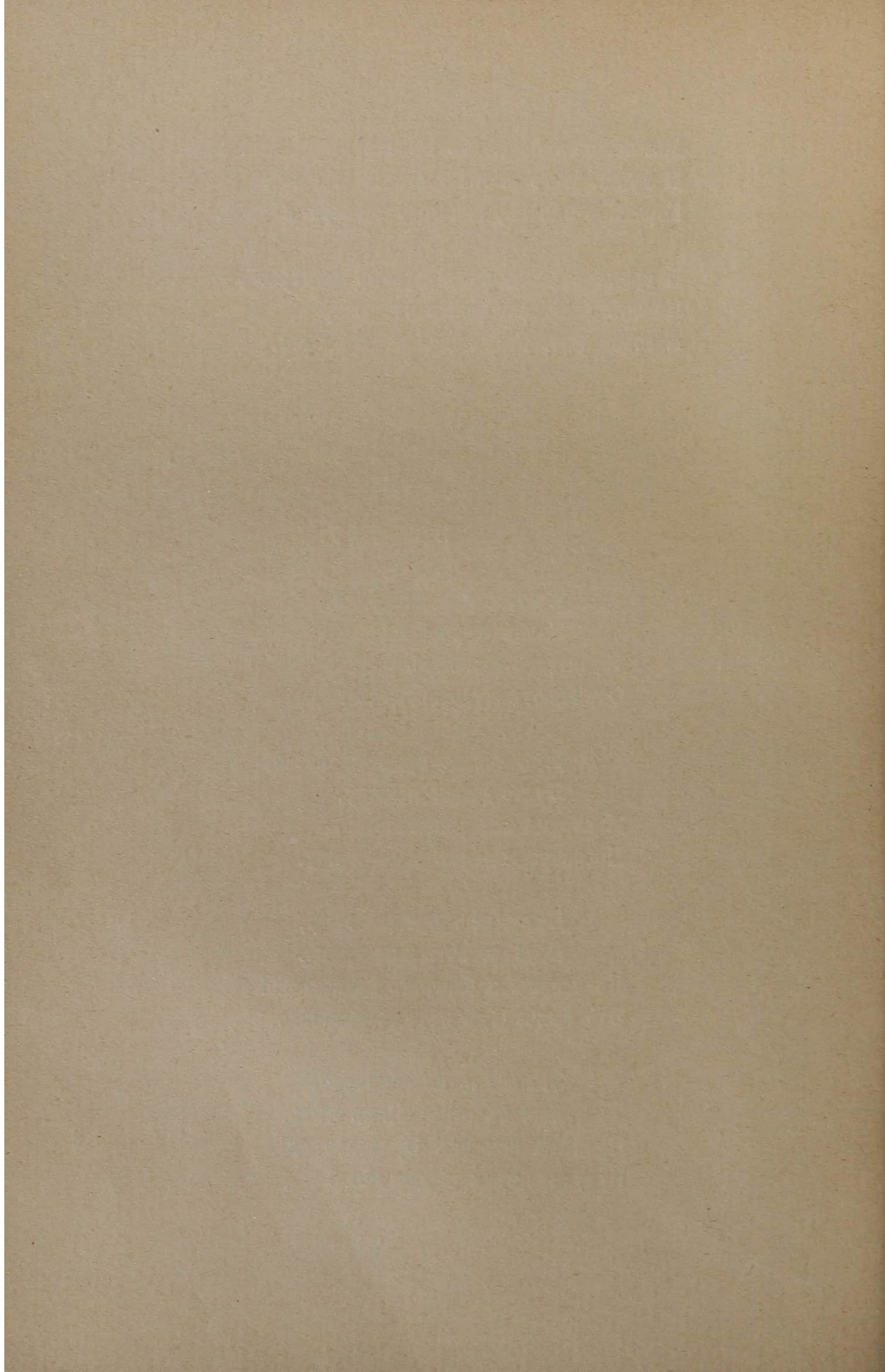
ВЪ АДЪ.

Если, медленно падая,
Капли жгучей смолы,
Мучителей-демоновъ радуя,
Оттѣняютъ чудовищность мглы, —

Мнѣ всегда представляется,
Будто вновь я живу,
И сердце мое разрывается,
Но впервые — мнѣ все — наяву.

Вижу всю преисподнюю,
Боль растетъ и не ждетъ.
Но славлю я благость Господнюю!
Это было! Онъ въ адъ снизойдетъ!

Эта мгла — не обманная,
Лжи въ страданіяхъ нѣтъ.
Привѣтъ новизнѣ! О, желанная!
Буду мучиться тысячи лѣтъ!

СТРАНА НЕВОЛИ.

Verdugo es mi pensamiento.
Calderon.

Моя мысль — палачь.
Кальдеронъ.

1870

I.

СТРАНА НЕВОЛИ.

Coët-an-die, Coët-an-nôs.
Bois du jour, bois de la nuit.
Villiers.

Я попалъ въ страну Неволн. Ёду ночью, — всюду лѣсъ.
Ёду днемъ, — и сѣть деревьевъ заслоняетъ глубь небесъ.
Въ ограниченномъ пространствѣ, межъ вершинами и мной,
Лишь летучія свѣтлянки служатъ солнцемъ и луной.
Промелькнутъ, блеснутъ, исчезнутъ, — и опять зеленый мракъ,
И не знаешь, гдѣ дорога, гдѣ раскрывшійся оврагъ.
Промелькнутъ, сверкнутъ, погаснутъ, — и на мигъ въ душѣ моей,
Точно зовъ, но зовъ загробный, встанетъ память прошлыхъ дней.
И тогда въ узорахъ вѣтокъ ясно вижу предъ собой
Письмена нѣмыхъ проклятій, мнѣ нашептанныхъ судьбой.
О, безбрежность, неизбѣжность непонятнаго пути!
Если каждый шагъ — ошибка, кто же мнѣ велѣлъ идти?
Развѣ я своею волей въ этомъ сказочномъ лѣсу?
Развѣ я не задыхаюсь, если въ сердцѣ грѣхъ несу?
Развѣ мнѣ не страшно биться между спутанныхъ вѣтвей?
Врагъ? Откликнись! Нѣтъ отвѣта, нѣтъ луча душѣ моей.
И своимъ же восклицаньемъ я испуганъ въ горькой мигъ, —
Если кто мнѣ отзовется, это будетъ мой двойникъ.
А вотъ мнѣ такъ страшно встрѣтить очеркъ блѣднаго лица.
Я попалъ въ страну Неволн...

Нѣтъ конца.

II.

ВЪ ДУШАХЪ ЕСТЬ ВСЕ.

1.

Въ душахъ есть все, что есть въ небѣ, и много иного.
 Въ этой душѣ создано первозданное Слово!
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Замыслы встали безмѣрною тучей,
 Нѣжность возникла усладой пѣвучей,
 Совѣсть, свѣтильникъ опасный и жгучій,
 Вспышки и блески различныхъ огней,—
 Гдѣ, какъ не въ ней,
 Бури проносятся мысли могучей!
 Небо не тамъ,
 Въ этихъ кошмарныхъ глубинахъ пространства,
 Гдѣ создаю я и снова создамъ
 Звѣзды, одѣтыя блескомъ убранства,
 Вѣчно идущихъ по тѣмъ же путямъ,—
 Пламенный знакъ моего постоянства.
 Небо — въ душевной моей глубинѣ,
 Тамъ, далеко, еле зримо, на днѣ.
 Дивно и жутко — уйти въ запредѣльность,
 Страшно мнѣ въ пропасть души заглянуть,
 Страшно — въ своей глубинѣ утонуть.
 Все въ ней слилось въ безконечную цѣльность,
 Только душѣ я молитвы пою,
 Только одну я люблю безпредѣльность,
 Душу мою!

2.

Но дикій ужасъ преступленія,
 Но искаженныя черты,—
 И это все твои видѣнія,
 И это — новый — страшный — ты?

Въ тебѣ рождается величіе,
 Ты можешь бурями гремять,
 Изъ блѣдной бездны безразличія
 Извлечь и золото и мѣдь.

Зачѣмъ же ты взметаешь пыльное,
 Мутишь свою же глубину?
 Зачѣмъ ты любишь все могильное,
 И всюду съешь смерть одну?

И въ равнодушіи надменности,
 Свой духъ безмѣрно возлюбя,
 Ты создаешь оковы плѣнности:
 Мечту — рабу самой себя?

Ты — блескъ, ты — геній безконечности,
 Въ тебѣ вся пышность бытія.
 Но знакъ твой, страшный символъ Вѣчности —
 Кольцеобразная змѣя!

Зачѣмъ чудовище — надъ бездною,
 И звѣрь въ лѣсу, и дикій вой?
 Зачѣмъ міры, съ ихъ славой звѣздною,
 Несутся въ пляскѣ гробовой?

3.

Міръ долженъ быть оправданъ весь,
 Чтобы можно было жить!
 Душою тамъ, я сердцемъ — здѣсь.
 А сердце какъ смирить?
 Я узелъ долженъ видѣть весь.
 Но какъ распутать нить?

Едва въ лѣсу я сдѣлалъ шагъ, —
 Раздавленъ муравей.
 Я въ мірѣ всѣмъ невольный врагъ,
 Всей жизнию своей,
 И не могу не быть, — никакъ,
 Вплоть до исхода дней.

Мое недѣланье для всѣхъ
 Покажется больнымъ.
 Проникновенный тихій смѣхъ
 Развѣется какъ дымъ.
 А буду смѣль, — замучу тѣхъ,
 Кому я былъ роднымъ.

Пустынной полночью зимы
 Я слышу вой волковъ,
 Среди могильной душевной тьмы
 Хрипѣнье стариковъ,
 Гнилые хохоты чумы,
 Кровавый бой враговъ. —

Забытый раненый солдатъ,
 И стая хищныхъ птицъ,
 Отца косою на сына взгляды,

Развратный гуль столицъ,
Толпы глупцовъ, безумный рядъ
Животно-мерзкихъ лицъ.—

И что же? Я-ли создалъ ихъ?
Или они меня?
Поэтъ ли я, сложившій стихъ,
Или побѣгъ отъ пня?
Кто демонъ низостей моихъ
И моего огня?

Отъ этихъ тигровыхъ страстей,
Змѣиныхъ чувствъ и думъ,—
Какъ стукъ кладбищенскихъ костей,
Въ душѣ зловѣщій шумъ,—
И я бѣгу, бѣгу людей,
Среди людей—самумъ.

III.

* * *

Стучи, тебѣ откроютъ. Проси, тебѣ дадутъ.
— О, Боже! Для чего же назначенъ Страшный Судъ?

IV.

ВЪ ТЮРЬМѢ.

Мы лежимъ на холодномъ и грязномъ полу,
Присужденные къ вѣчной тюрьмѣ.
И упорно и долго глядимъ въ полумглу,—
Ничего, ничего въ этой тьмѣ!

Только зыбіе отсвѣты блѣдныхъ лампадъ
 Съ потолка устремляются внизъ.
 Только длинныя шаткія тѣни дрожатъ,
 Протянулись — качнулись — слились.

Позабыты своими друзьями, въ странѣ,
 Гдѣ лишь варвары, звѣри да ночь,
 Мы забыли о солнцѣ, звѣздахъ, и лунѣ,
 И никто намъ не можетъ помочь.

Насъ томительно стиснули стѣны тюрьмы,
 Насъ желѣзное давитъ кольцо,
 И какъ духи чумы, какъ рожденія тьмы,
 Мы не видимъ другъ друга въ лицо!

V.

ИЗБРАННЫЙ.

О, да, я Избранный, я Мудрый, Посвященный,
 Сынъ солнца, я—поэтъ, сынъ разума, я—царь.
 Но предки за спиной, и духъ мой искаженный—
 Татуированный своимъ отцомъ дикарь.

Узоры пестрые прорѣзаны глубоко.
 Хочу ихъ смыть: нельзя. Умъ шепчетъ: перестань.
 И, съ дикимъ бѣшенствомъ, я въ омуты порока
 Бросаюсь радостно, какъ хищный звѣрь на лань.

Но, рынку дань отдавъ, его божбѣ и давкамъ,
 Я снова чувствую всю близость къ божеству.
 Кого-то раздробивъ тяжелымъ томагавкомъ,
 Я мной убитаго съ отчаяньемъ зову.

VI.

РАНЕНЬЙ.

Я на смерть пораженъ своимъ сознаньемъ,
Я раненъ въ сердце разумомъ моимъ.
Я неразрывенъ съ этимъ мірозданьемъ,
Я создалъ міръ со всѣмъ его страданьемъ.
Струя огонь, я гибну самъ, какъ дымъ.

И понимая всю обманность чувства,
Игру тѣней, рожденныхъ въ міръ мной,
Я, какъ поэтъ, постигнувшій искусство,
Не восхищенъ своею глубиной.

Я сознаю, что грѣхъ, и тьма во взорѣ,
И топь болотъ, и синій небосклонъ,
Есть только мысль, есть призрачное море,
Я чувствую, что эта жизнь есть сонъ.

Но, видя въ жизни знакъ безбрежной воли,
Создатель, я созданьемъ не любимъ.
И, весь дрожа отъ нестерпимой боли,
Живя у самого себя въ неволѣ,
Я раненъ на смерть разумомъ моимъ.

VII.

ПРОКЛЯТІЕ ГЛУПОСТИ.

СОПЕТЪ.

Увѣче, помѣшательство, чахотка,
 Падучая, и бездна всякихъ золь,
 Какъ части міра, я терплю васъ кротко,
 И даже въ васъ я таинство нашель.

Для тѣхъ, кто любитъ чудищъ, все находка,
 Иной среди звѣрей всю жизнь провелъ,
 И какъ для закоснѣлыхъ пьяницъ — водка,
 Въ гармоніи мнѣ дорогъ произволь.

Люблю я въ мірѣ скрипъ всемірныхъ осей,
 Крикъ коршуна на сумрачномъ откосѣ,
 Дорогъ житейскихъ рытвины и гать.

На всемъ своя — для взора — позолота.
 Но мерзокъ сердцу обликъ идіота,
 И глупости я не могу понять!

VIII.

У Р О Д Ы.

СОПЕТЪ.

Я горько васъ люблю, о, бѣдные уроды,
 Слѣпорожденные, хромые, горбуны,
 Убогіе рабы, не знавшіе свободы,
 Ладьи, разбитыя веселостью волны.

И вы мнѣ дороги, мучительные сны
 Жестокой матери, безжалостной Природы,
 Кривые кактусы, побѣги бѣлены,
 И змѣй и ящерицъ отверженные роды.

Чума, проказа, тьма, убійство, и бѣда,
 Гоморра и Содомъ, слѣпые города,
 Надежды хищныя съ раскрытыми губами, —

О, есть же и для васъ въ молитвѣ череда!
 Во имя Господа, блаженного всегда,
 Благословляю васъ, да будетъ счастье съ вами!

IX.

БАБОЧКА.

Залетѣвшая въ комнату бабочка бьется
 О прозрачныя стекла воздушными крыльями.
 А за стеклами небо родное смѣется,
 И его не достичь никакими усильями.

Но смириться нельзя, и она не сдается,
 Изъ цвѣтистой становится тусклая, блѣдная.
 Что же плѣнницѣ дѣлать еще остается?
 Только биться и блекнуть! О, жалкая, бѣдная!

X.

ЗАКОЛДОВАННАЯ ДѢВА.

Въ день октября, иначе листопада,
Когда бесплодемъ скована земля,
Шла дѣва чрезъ пустынные поля.
Невѣрная, она съ душой номада
Соединяла дивно - чуткій слухъ:
Въ прекрасно-юномъ тѣлѣ ветхій духъ.

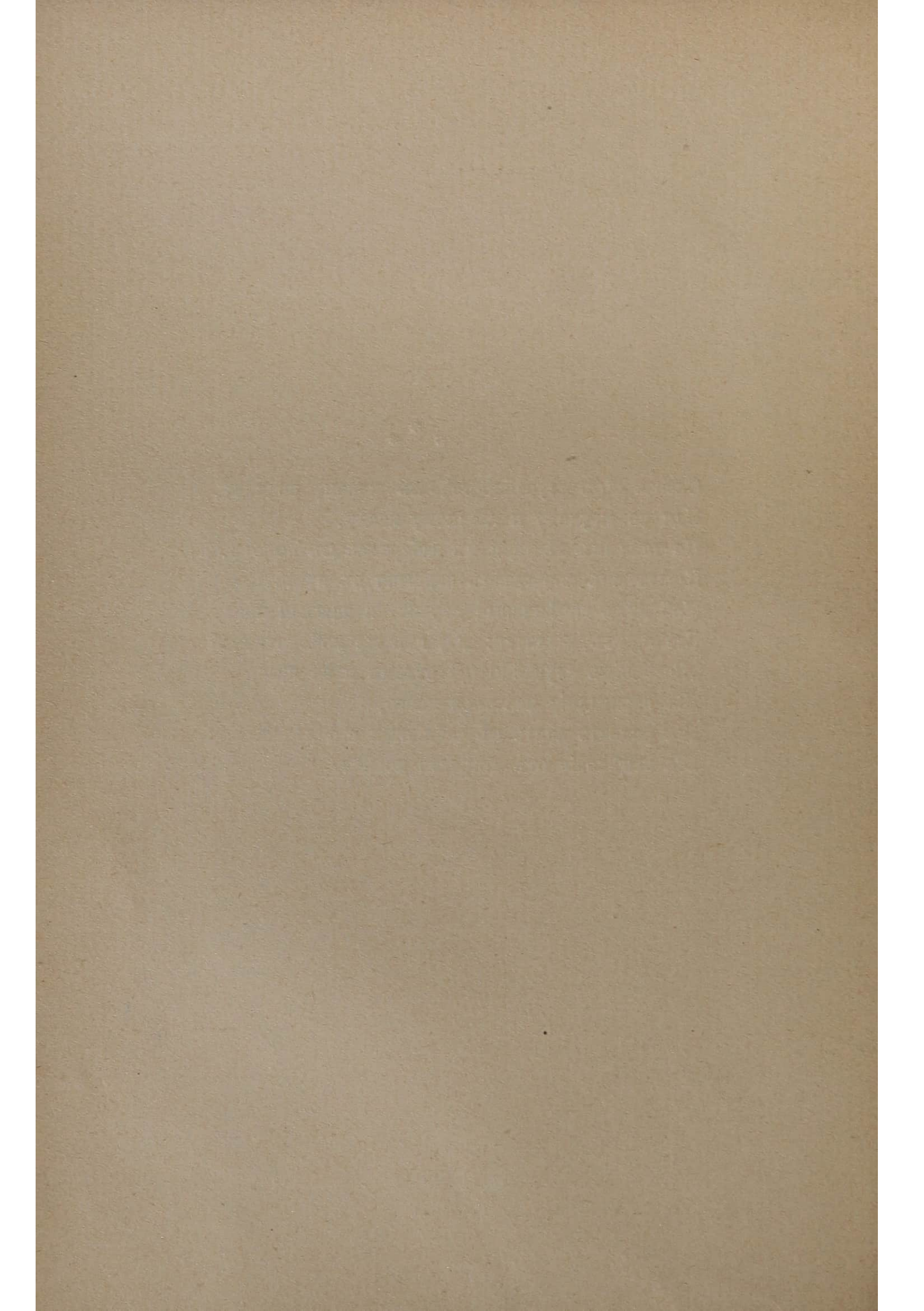
Ей внятенъ былъ звукъ вымершихъ проклятій,
Призывы оттѣсняемыхъ враговъ,
И ропотъ затопленныхъ береговъ,
Намекъ невоплотившихся зачатій,
Напѣвъ міровъ, толпящихся окрестъ,
Дрожанія незасвѣченныхъ звѣздъ.

Но дѣва съ утомленными глазами,
Внимая всѣмъ, кричащимъ вокругъ нея,
Лелѣяла безмолвіе свое.
Понявъ одно за всѣми голосами,
Безгласно холодѣла, какъ земля,
И шла впередъ, чрезъ мертвые поля.

XI.

* * *

Сквозь міръ случайностей, къ живому роднику,
Идя по жгучему и гладкому песку,
По тайнымъ лѣстницамъ взбираясь къ высотѣ,
Крылатымъ коршуномъ повисши въ пустотѣ,—
Мой духъ измѣнчивый стремится каждый мигъ,
Все ищетъ, молится: „О, гдѣ же мой родникъ?
„Весь міръ случайностей отдамъ я за него,
„За оправданіе мечтанья моего,
„За радость впить въ себя огни его лучей,
„За исцѣленіе отъ старости моей“.

ВОЗЛЪ ДЫМА И ОГНЯ.

¿Quién sois vos que hablais así?

— Un compuesto de contrarios.

Tirso de Molina.

Кто ты, чтобъ такъ говорить?

— Сложность противорѣчій.

Тирсо де Молина.

ROBERT M. AMERSON

THE UNIVERSITY OF CHICAGO
LIBRARY
540 EAST 57TH STREET
CHICAGO, ILL. 60637

I.

КУЗНЕЦЪ.

Ты видала кузнеца?
 Онъ мнѣ нравится, мой другъ.
 Этотъ темный цвѣтъ лица,
 Эта мѣткость жесткихъ рукъ,
 Эта близость отъ огня,
 Этотъ молотъ, этотъ стукъ, —
 Все въ немъ радуется меня,
 Милый другъ!

Я хочу быть кузнецомъ,
 Я, работая, пою,
 Съ запылившимся лицомъ
 Я смотрю на жизнь мою,
 Возлѣ дыма и огня
 Много словъ я создаю,
 Въ этомъ радость для меня, —
 Я кую!

II.

ВЫШЕ, ВЫШЕ.

Я коснулся душъ чужихъ,
 Точно струнъ, но струнъ моихъ.
 Я въ нихъ чутко всколыхнулъ
 Тихій звонъ, забытый гулъ.

Все обычное прогналъ,
 Легкимъ стономъ простоналъ,
 Бросилъ съ неба имъ цвѣты,
 Вызвалъ радугу мечты.

И по облачнымъ путямъ,
 Свѣтлымъ преданный страстямъ,
 Сочетаньемъ звучныхъ строкъ
 За собою ихъ увлекъ.

Трепетаньемъ звонкихъ крылъ
 Отуманилъ, опьянилъ,
 По обрывамъ ихъ помчалъ,
 Забаюкалъ, закачалъ.

Выше, выше, все за мной,
 Насладитесь вышиной,
 Попадитесь въ сѣть мою,
 Я пою, пою, пою.

III.

МОЯ ДУША.

Моя душа оазисъ голубой,
 Средь блѣдныхъ душъ другихъ людей, безсильныхъ.
 Роскошный сонъ ниспосланъ мнѣ судьбой,
 Среди пустынь, томительныхъ и пыльныхъ.

Вездѣ пески. Свистя, бѣжить самумъ.
 Лазурь небесъ укрылася въ туманы.
 Но слышу я желанный звонъ и шумъ,
 Ко мнѣ сквозь мглу подходятъ караваны.

Веселые, раскинулись на мигъ,
 Пришли, ушли, до новаго свиданья,
 Въ своей душѣ лелѣютъ мой двойникъ,
 Моей мечты воздушной очертанья.

И вновь одинъ, я вновь живу собой,
 Мнѣ снится радость вѣчно-молодая.
 Моя душа оазисъ голубой,
 Мои мечты цвѣтутъ, не отцвѣтая.

VI.

ДУХЪ ВОЛНЫ.

Я слушалъ море много лѣтъ,
 Свой духъ ему предавъ.
 Въ моихъ глазахъ мерцаетъ свѣтъ
 Морскихъ подводныхъ травъ.

Я отдалъ морю сонмы дней,
 Я отдалъ ихъ сполна.
 И съ каждой пѣсней все слышнѣй
 Въ моихъ словахъ — волна.

Волна стозвучная того,
 Чѣмъ полонъ Океанъ,
 Гдѣ все — и юно, и мертво,
 Все правда и обманъ.

И я, какъ духъ волны морской,
 Среди людей брожу.

Своей пѣвучею тоской
Я всѣхъ заморожу.

Огнемъ зелено-сѣрыхъ глазъ
Мнѣ чаровать дано.
И много душъ въ завѣтный часъ
Я увлеку на дно.

И въ этой мглѣ морского дна,
Нѣжнѣй, чѣмъ воды рѣкъ,
Имъ будетъ сниться вышина,
Погибшая навѣкъ.

V.

ВѢНЧАНІЕ.

Надъ невѣстой молодою
Я держалъ вѣнецъ.
Любовался, какъ мечтою,
Этой нѣжной красотою,
Этой легкою фатою,
Этимъ свѣтлымъ „Наконецъ!“

Наконецъ она сумѣла
Вызвать лучшей сонъ.
Все смѣялось въ ней и пѣло,
А съ церковнаго придѣла,
Съ высоты на насъ глядѣла
Красота нѣмыхъ оконъ.

Мы вошли въ лучахъ привѣта,
 Гаснущей зари.
 Въ мигъ желаннаго обѣта,
 Насъ ласкали волны свѣта,
 Какъ безгласный звукъ завѣта:
 „Я горю, и ты гори!“

И въ рукѣ у новобрачной
 Теплилась свѣча.
 Но за ней, мечтою мрачной,
 Неумѣстной, неудачной,
 Надъ фатой ея прозрачной,
 Я склонялся, у плеча.

Вкругъ святого аналая
 Трижды путь пройденъ.
 Нѣтъ, не будетъ вамъ покоя,
 Будутъ дни дождей и зноя,
 Я пою, за вами стоя:
 „Духъ кружиться присужденъ!“

Да, я знаю сладость, алость,
 Нѣжность влажныхъ губъ.
 Но еще вѣрнѣй усталость,
 Ожиданье, запоздалость,
 вмѣсто страсти—только жалость,
 вмѣсто ласки—съ трупомъ трупъ.

Вотъ, свершенъ обрядъ вѣнчальный,
 И закатъ погасъ.
 Точно хаосъ изначальный,
 Въ церкви сонъ и мракъ печальный.
 Ты вошла съ зарей прощальной,
 Ты выходишь въ темный часъ.

VI.

ВО ВЛАСТИ ВСѢХЪ ВЕЩЕЙ.

Я дѣлаюсь мгновеньями во власти всѣхъ вещей,
И съ каждымъ я, предъ каждымъ я, и царственно ничей.

Восторгъ придетъ, — и пьяный я. Придетъ тяжелый трудъ.
Смотрите: всѣ бѣжали прочь. Взгляни: я, вѣрный, тутъ.

Заблудшую собаку я увижу предъ собой,
Со звѣремъ звѣрь, люблю ее. Но, сердце, дальше! Пой!

О, пой о всѣхъ, кто чувствовалъ бездонную тоску,
И вдругъ вернись къ безстрастію, какъ свѣтлый дождь въ рѣку.

Въ великое Безликое уйди какъ бы навѣкъ,
Хотя безъ насъ тамъ каждый часъ такъ много-много рѣкъ.

И, вѣчно твой, всегда съ тобой, не измѣню судьбѣ.
Но въ страшный мигъ, о, милый другъ, я не приду къ тебѣ.

VII.

БРЕТАНЬ.

СОНЕТЪ.

Затянуть мглой свинцовый небосводъ,
Угрюмы волны призрачной Бретани.
Семь острововъ Аръ-Гентилесъ-Руссотъ,
Какъ звѣри, притаилися въ туманѣ.

Они какъ бы подвижны въ океанѣ,
 По прихоти всегда невѣрныхъ водъ.
 И, полный изумленья, въ видѣ дани,
 На нихъ свой свѣтъ неясный мѣсяць льетъ.

Какъ сонмы лицъ, глядятъ толпы утесовъ,
 Сѣдыхъ, застывшихъ въ горечи тоски.
 Безплодны безконечные пески.

Ихъ было много, сумрачныхъ матросовъ.
 Они идутъ. Гляди! Въ тиши ночной
 Идутъ туманы блѣдной пеленой.

УШ.

УТОПЛЕННИКИ.

СОНЕТЪ.

Лишь только тамъ, на западѣ, въ туманѣ,
 Утонетъ свѣтъ поблекнувшаго дня,
 Мои мечты, какъ мертвые въ Бретани,
 Неумолимо бродятъ вкругъ меня.

Надежды, осужденныя заранѣ,
 Признанія, умершія—стена,
 Утопленники въ темномъ океанѣ,
 Погибшіе навѣкъ изъ-за меня.

Они хотятъ, въ забвеніе обиды,
 Молитвъ заупокойной панихиды.
 Моихъ молитвъ, о, Боже, не отринь! —

Ушли. Любовь! Лишь ты уйти не хочешь!
 Ты медлишь? Угрожаешь миѣ? Пророчишь?
 Будь проклята! Будь проклята! Аминь!

IX.

ПРОПОВѢДНИКАМЪ.

СОНЕТЪ.

Есть много струй въ подлунномъ этомъ мірѣ,
 Ключи поютъ въ пещерахъ, гдѣ темно,
 Звезя, какъ духъ, на семиструнной лирѣ,
 О томъ, что духамъ пѣнье суждено.

Намъ въ звонахъ наслажденіе одно,
 Мы духи струнъ мірскихъ на шумномъ пирѣ,
 Но вамъ, врагамъ, понять насъ не дано,
 Для рѣкъ въ разливѣ надо русла шире.

Жрецы элементарныхъ теоремъ,
 Проповѣдей вы ждете отъ поэта?
 Я проповѣдь скажу на благо свѣта, —

Не скукой словъ, давно извѣстныхъ всѣмъ,
 А звучной полногласностью сонета,
 Не найденной пока еще никѣмъ!

X.

^ ХВАЛА СОНЕТУ.

СОНЕТЪ.

Люблю тебя, законченность сонета,
 Съ надменною твоею красотой,
 Какъ правильную четкость силуэта
 Красавицы изысканно-простой,

Чей станъ воздушный, съ грудью молодой,
 Хранить сіянье матоваго свѣта,
 Въ волнѣ волосъ недвижно-золотой,
 Чьей пышностью она полудѣта.

Да, истинный сонетъ таковъ, какъ ты,
 Пластическая радость красоты, —
 Но иногда онъ мститъ своимъ напѣвомъ.

И не однажды въ сердце поражалъ
 Сонетъ несущій смерть, горящій гнѣвомъ,
 Холодный, острый, мѣткій, какъ кинжалъ.

XI.

• Я НЕ ИЗЪ ТѢХЪ.

СОНЕТЪ.

Я не изъ тѣхъ, чье имя легионъ,
 Я не изъ царства духовъ безъимянныхъ.
 Пройдя пути среди равнинъ туманныхъ,
 Я увидалъ безбрежный небосклонъ.

Въ моихъ зрачкахъ—лишь мнѣ понятный сонъ,
 Въ нихъ міръ видѣній зыбкихъ и обманныхъ,
 Такихъ же безъ конца непостоянныхъ,
 Какъ дымка, что скрываетъ горный склонъ.

Ты думаешь, что въ тающихъ покровахъ
 Застыль едва одинъ-другой утесъ?
 Гляди: покровъ раскрыть дыханьемъ грозъ.

И въ цѣпи горъ, для глаза вѣчно-новыхъ,
 Какъ глетчеръ, я снѣга туда вознесъ,
 Откуда виденъ міръ въ своихъ основахъ!

ХІІ.

ОЖЕСТОЧЕННОМУ.

Я знаю ненависть, и, можетъ-быть, сильнѣй,
 Чѣмъ можетъ знать ее твоя душа больная,
 Несправедливая, и полная огней
 Тобою брошеннаго рая.

Я знаю ненависть къ звѣриному, къ страстямъ
 Слепой замкнутости, къ судьбѣ неправосудной,
 И къ этимъ тлѣющимъ кладбищенскимъ костямъ,
 Намъ даннымъ въ нашей жизни скудной.

Но, мучимый какъ ты, терзаемый года,
 Я связанъ былъ съ тобой безмолвнымъ договоромъ,
 И вижу, ты забылъ, что братъ твой былъ всегда
 Скорѣй разбойникомъ, чѣмъ воромъ.

Съ врагами — дерзкій врагъ, съ тобой — я вѣчно твой,
 Я узнаю друзей въ одеждѣ запыленной.
 А ты, какъ леопардъ, укушенный змѣей,
 Своихъ терзаешь, изступленный!

XIII.

ВЪ БАШНѢ.

Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
 Я замкнулся навсегда,
 Дни бѣгутъ, и въ свѣтломъ дымѣ
 Возникають города,
 Замки, башни, и надъ ними
 Легкихъ тучекъ череда.

Въ башнѣ, гдѣ мои земные
 Дни окончиться должны,
 Окна радостно-цвѣтные
 Безъ конца внушаютъ сны,
 Эти стекла расписные
 Мнѣ самой судьбой даны.

Въ нихъ я вижу, какъ двѣ тѣни
 Обнимаются, любя,
 Какъ, упавши на колѣни,
 Кто-то молится, скорбя,
 Въ нихъ я вижу въ быстрой смѣнѣ
 Землю, небо, и себя.

Тамъ, за окнами, далеко,
 Съ непочатой вышины,

Смотрить огненное око
 Неба, солнца, и луны,
 Но окно мое высоко,
 То, что мнѣ внушаетъ сны.

То, межъ окнами цвѣтными,
 На которое смотрю,
 Въ часъ когда, какъ въ свѣтломъ дымѣ,
 Я привѣтствую зарю,
 И съ видѣньями родными
 Легкой грезой говорю.

На другія обращаю
 Въ часъ заката жадный взоръ,
 Въ часъ, когда уходитъ къ раю
 Тихій вечеръ на дозоръ,
 И лепечетъ: „Обѣщаю,
 „Вновь увидишь мой уборъ“.

На другія я съ отрадой
 Устремляю ночью взглядъ,
 Въ часъ когда живетъ прохладой,
 Полный вздохомъ, сонный садъ,
 И за призрачной оградой
 Свѣтляки межъ травъ горять.

Такъ живу, какъ въ свѣтломъ дымѣ
 Огнецвѣтные цвѣты,
 Надъ ошибками земными
 Посмѣваясь съ высоты,
 Въ башнѣ съ окнами цвѣтными
 Переливчатой мечты.

XIV.

КЪ ДАЛЬНЕМУ.

Замкнуться, какъ въ тюрьму, въ одну идею,
Я знаю этотъ сонъ, мой дальній братъ,
Я медленно, но вѣрно холодѣю,
И, разъ уйдя, я не приду назаль.

Ты отошелъ въ страну безъ перемѣны,
Оставивши безвольно мѣръ земной,
А я себѣ свободно создалъ стѣны,
И упоенъ тюремной тишиной.

Есть въ жизни смерть, спокойная, какъ травы,
Хранимая, на память, за стекломъ,
Иссохшій знакъ утраченной забавы,
Пройденная эпоха, переломъ.

Сѣдя тѣсно сжатые видѣнья
До времени съ землей разлучены,
Они забыть не могутъ наслажденье,
И тайно дышутъ запахомъ весны.

Ихъ кто-то чуждый взялъ своей рукою,
И все жъ они блаженствуютъ года.
Такъ какъ же счастливъ я съ моей тоскою,
Полюбленной свободно — навсегда!

XV.

ОТЪ УМЕРШАГО КЪ ЖИВОМУ.

Скажи ему, что я его люблю,
 Что я его какъ прежде понимаю,
 И, какъ корабль къ чужому кораблю,
 Взываю въ часъ, когда я погибаю,—

Къ нему, къ нему, далекому навѣкъ,
 Бѣгущему по водамъ Океана,
 Чтобъ отдохнуть на устьяхъ мощныхъ рѣкъ,
 Средь стройныхъ мачтъ родного каравана,—

Межъ тѣмъ какъ я, свой образъ измѣнивъ,
 Несоразмѣривъ тяжести влекомой,
 Забывъ, что былъ и я, какъ онъ, красивъ,
 Склоняюсь къ безднѣ жутко-незнакомой,—

И вѣтры безучастные молю
 Протяжностью своихъ предсмертныхъ звоновъ...
 Скажи ему, что я его люблю
 За то, что онъ—не слышалъ этихъ стоновъ!

XVI.

ОСТРОВЪ ВИЛІЭ-ЛЪЯВОЛА.

Гдѣ-то на островѣ Виліэ-Льявола,
 Души есть, лишь предъ собою преступныя.
 Богомъ забытыя, но недоступныя
 Обѣтованіямъ лживаго Дьявола.

Имъ захотѣлось разрыва гармоніи:
 Цѣли испортивъ, ушиться причинами,
 Розы любя, въ ихъ живомъ благовоніи
 Смертью мѣняющей встать надъ долинами.

Смертью пытающей, въ вѣчномъ теченіи,
 Вѣчною казнью казнить преходящее:
 Все въ отдаленіи, все въ отвлеченіи,
 Ярко одно размышленье глядящее.

Вѣдаю, вы ко всему прикоснулись,
 Жадныя пчелы, стѣсненные сотами!
 Что же вы тайны своей ужаснулись,
 Вы, окруженные стройными гротами?

Жизнь разлюбившія, чувствомъ уставшія,
 Что же самимъ вы себѣ прекословите?
 Все усмѣхаясь, какъ что-то понявшія,
 Что жъ бесполезное не остановите?

То вы мелькнете воздушною ризою,
 Свѣтлые духи, съ улыбкой безпечною,
 То улыбаетесь съ Моною Лизою,
 Мірѣ осуждая съ игрой его вѣчною.

То прошумите вы звуками Шумана,
 Стонами Манфреда, неукротимыми,
 Вновь упадете, все передумано,
 Снова смѣтаетесь надъ снами любимыми.

Кинетесь къ слову, кричите Верлэнами,
 И возвѣщаете сладость молчанія.

Безперемѣнныя за перемѣнами,
Мигъ вы мучительный, безъ окончанія.

Старость возвратная, вѣчность раскаянья,
Для непостижности жертва закланная,
Самосжиганіе, мудрость отчаянья,
Противорѣчіе, правда обманная.

Безъ покровительства Бога и Дьявола,
Вѣчно томитесь вы, снамъ недоступныя.
О, неподкупныя, души преступныя,
Гдѣ-то на островѣ Виллэ-Льявола.

XVII.

ПОСЛѢ БАЛА.

Весь полный розовыхъ и голубыхъ мечтаній,
Овѣянь душностью влюбляющихъ духовъ,
Весь въ крыльяхъ бабочекъ, въ отливахъ трепетаній
Полуисторгнутыхъ, но замедленныхъ словъ,—

Окутанъ звуками заученныхъ мелодій,
Какъ будто созданныхъ мечтой лишь для того,
Чтобъ убаюканнымъ шептаться на свободѣ,
О томъ, что сладостнѣй и вкрадчивѣй всего,—

Весь воплощенная полуночная чара,
Какъ пиръ среди чумы, манящій съ давнихъ поръ,
Какъ странный вымыселъ безумнаго Эдгара,
Для насъ пропѣвшаго навѣки „Nevermore“,—

Нашъ балъ, раскинутый по многошумнымъ заламъ,
 Уже закончилъ ликъ сокрытой красоты,
 И чѣмъ-то вѣяло холоднымъ и усталымъ
 Съ внезапно дрогнувшей надъ нами высоты.

Да, полночь отошла съ своею пышной свитой
 Проникновеннѣйшихъ мгновений и часовъ,
 Отъ люстры здѣсь и тамъ упалъ хрусталь разбитый,
 И гулъ извнѣ вставалъ враждебныхъ голосовъ.

Измяты, желтизной подернулись лица,
 Крыломъ изломаннымъ дрожали вѣера,
 Въ сердцахъ у всѣхъ была дочитана страница,
 И новый въ окнахъ свѣтъ шепталъ: „Пора! Пора!“

И вдругъ всѣ замерли, — вотъ, скорбно доцвѣтають,
 Стараяся продлить молчаньемъ забытье:
 Такъ утромъ демоны колдуній покидаютъ,
 Сознавши горькое безсиліе свое.

XVIII.

РАЗЛУКА.

СОНЕТЪ.

Разлука ты, разлука,
 Чужая сторона,
 Никто меня не любитъ,
 Какъ мать-сыра-земля.

Пѣсня бродяги.

Есть люди, присужденные къ скитаньямъ,
 Гдѣ бъ ни былъ я, — я всѣмъ чужой, всегда.
 Я преданъ переменчивымъ мечтаньямъ,
 Подвижнымъ, какъ текучая вода.

Передо мной мелькают города,
 Деревни, села, съ ихъ глухимъ страданьемъ.
 Но никогда, о, сердце, никогда
 Съ своимъ я не встрѣчался ожиданьемъ.

Разлука! Слѣдъ чужого корабля!
 Порывъ волны—къ другой волнѣ, несхожей.
 Да, я бродяга, топчущій поля.

Уставши повторять одно и то же,
 Я падаю на землю. Плачу. Боже!
 Никто меня не любить, какъ земля!

XIX.

МОЛИТВА О ЖЕРТВѢ.

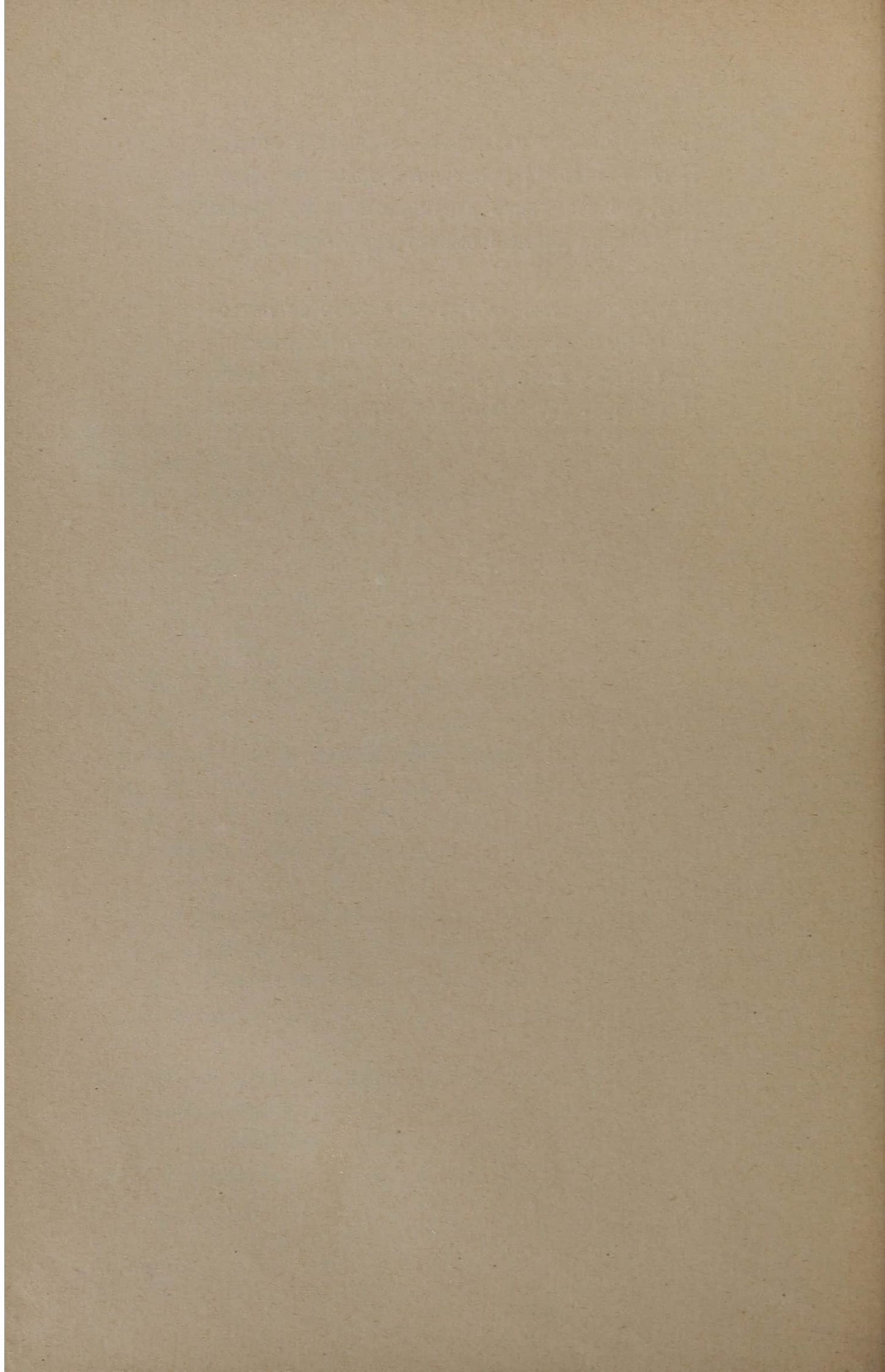
Пилой псющею подточень яркій стволъ
 Еще не выжившей свой полный вѣкъ березы.
 На землю ниспровергъ ее не произволь,
 Не налетѣвшія прерывистыя грозы.

Она, прекрасная, отмѣчена была,
 Рукой сознательной для бытія иного:
 Зажечься и горѣть,—блестя, сгорѣть до тла,—
 И въ помыслахъ людей тепломъ зажечься снова.

Но прежде, чѣмъ она зардѣетъ и сгоритъ,
 Ей нуженъ долгій путь, ей надо исказиться:
 Расчетвертована, она измѣнитъ видъ,
 Блестящая кора, изсохнувъ, затемнится.

Подъ дымнымъ пламенемъ скоробится она,
И соки жиль ея проступять точно слезы,
Побѣдно вспыхнетъ вдругъ, вся свѣту предана,—
И огненной листвою одѣлса духъ березы!

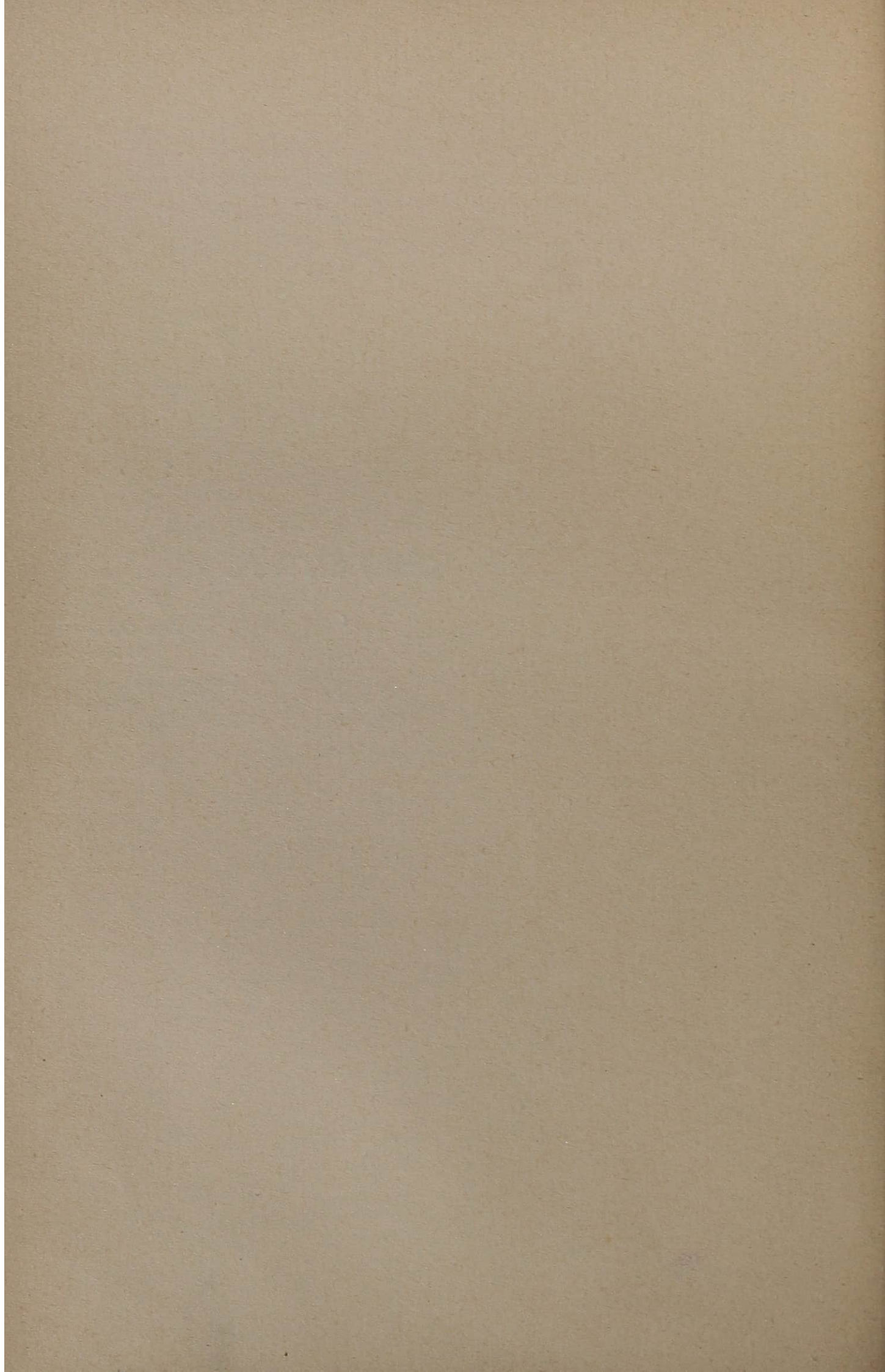
Я съ жадностью смотрю на блескъ ея огня:—
Какъ было ей дано, погибшей, освѣтиться!
— Скорѣе, Господи, скорѣй, войди въ меня,
И дай мнѣ почернѣть, изсохнуть, исказиться!

МИМОЛЕТНОЕ.

From isle to isle...
Shelley.

Отъ острова къ острову...
Шелли.

I.

ЛѢСНЫЯ ТРАВЫ.

Я люблю лѣсныя травы
Ароматныя,
Поцѣлуи и забавы,
Невозвратныя.

Колокольные призывы,
Отдаленные,
Надъ ручьемъ уснувшимъ ивы,
Полусонныя.

Очертанья лицъ мелькнувшихъ,
Неизвѣстныя,
Тѣни сказокъ обманувшихъ,
Безтѣлесныя.

Все, что манить и обманеть
Насъ загадкою,
И навѣки сердце ранить
Тайной сладкою.

II.

БЛѢДНАЯ ТРАВКА.

Блѣдная травка подъ ветхимъ заборомъ
Къ жизни проснулась въ предутренній часъ,
Міру дивясь зеленѣющимъ взоромъ.
Блѣдная травка, ты радуешь насъ.

Мѣсяцу, воздуху, солнцу, и росамъ
 Ты отдаешься, какъ свѣтлой судьбѣ,
 Ты ни однимъ не смутишься вопросомъ,
 Не задрожешь въ безысходной борьбѣ.

Чуть расцвѣтешь, и уже отцвѣтаешь,
 Не доживешь до начала зимы.
 Ты пропадаешь, но ты не страдаешь,
 Ты умираешь отраднѣй, чѣмъ мы.

III.

АРОМАТЪ СОЛНЦА.

Запахъ солнца? Что за вздоръ!
 Нѣтъ, не вздоръ.
 Въ солнцѣ звуки и мечты,
 Ароматы и цвѣты
 Всѣ слились въ согласный хоръ,
 Всѣ сплелись въ одинъ узоръ.

Солнце пахнетъ травами,
 Свѣжими купавами,
 Пробужденною весной,
 И смолистою сосной.

Нѣжно-свѣтлоткаными,
 Ландышами пьяными,
 Что побѣдно расцвѣли
 Въ остромъ запахѣ земли.

Солнце свѣтитъ звонами,
 Листьями зелеными,
 Дышетъ вѣшнимъ пѣньемъ птицъ,
 Дышетъ смѣхомъ юныхъ лицъ.

Такъ и молви всѣмъ слѣпцамъ:
 Будеть вамъ!
 Не узрѣтъ вамъ райскихъ вратъ.
 Есть у солнца аромать,
 Сладко внятнѣй только намъ,
 Зримый птицамъ и цвѣтамъ!

IV.

Г Л У Ш Ь.

Лугъ — болото — поле — поле,
 Надъ рѣчонкой ивы.
 Сладко дышется на волѣ,
 Всѣ цвѣты красивы!

Все здѣсь нѣжить глазъ и ухо
 Ласкою веселой.
 Прожужжала гдѣ-то муха,
 Шмель гудитъ тяжелый.

Всюду — божія коровки,
 Розовыя кашки,
 Желто-бѣлыя головки
 Полевой ромашки.

Нѣжно-тонки очертанья
 Задремавшей дали...
 Полно, развѣ есть страданья?
 Развѣ есть печали?

V.

ЗАТОНЪ.

Когда ты заглянешь въ прозрачныя воды затона,
 Подъ блѣдною ивой, при свѣтѣ вечерней звѣзды,
 Невнятный намекъ на призывъ колокольнаго звона
 Къ тебѣ донесется изъ замка хрустальной воды.

И ты, наклонившись, увидишь прекрасныя лица,
 Испуганнымъ взоромъ замѣтишь межъ ними себя,
 И въ сердцѣ твоємъ за страницей вспыхнетъ страница,
 Ты будешь читать ихъ, какъ духъ, не скорбя, не любя.

И будутъ рости ото дна до поверхности влаги
 Узору упрямо и тѣсно сплетенныхъ вѣтвей,
 И будутъ рости и мѣняться, — какъ призраки саги
 Ростутъ, измѣняясь въ значеньи и въ силѣ своей.

И все, что въ молчаніи ночи волнуетъ и манить,
 Что тайною чарой нисходитъ съ далекихъ планетъ,
 Тебя въ сочетанья свои завлечетъ — и обманетъ,
 И сердце забудетъ, что съ ними сліянія нѣтъ.

Ты руку невольно протянешь надъ соннымъ затономъ,
 И вмигъ все безслѣдно исчезнетъ, — и только вдали,
 Съ чуть слышной мольбою, съ какимъ-то заоблачнымъ звономъ,
 Незримо порвется струна отъ небесъ до земли.

VI.

ПОСЛѢДНІЙ ЛУЧЪ.

Прорѣзавъ тучу, темную, какъ дымъ,
 Послѣдній лучъ, въ предчувствіи заката,
 Горитъ угрюмо, — онъ, что былъ живымъ
 Когда-то!

Тѣниной смутныхъ горъ враждебно сжата,
 Одна долина свѣтомъ золотымъ
 Еще живетъ, блистательно-богата.

Но блескъ ушелъ къ вершинамъ вѣковымъ,
 Гдѣ нѣтъ ни травъ, ни сновъ, ни аромата.
 — О, да, я помню! Да! я былъ живымъ,
 Когда-то!

VII.

ЗАКАТНЫЕ ЦВѢТЫ.

О, краски закатныя! О, лучи невозвратныя!
 Повисли гирляндами облака просвѣтленныя.
 Равнины туманятся, и лѣса необъятныя,
 Какъ-будто не жившія, навсегда утомленныя.

И розы небесныя, облака безтѣлесныя,
 На доли печальныя, на селенія бѣдныя,
 Глядятъ съ состраданіемъ, на безвѣстныхъ — безвѣстныя,
 Поникшія, скорбныя, безотвѣтныя, блѣдныя!

VIII.

РАВНИНА.

Необозримая равнина,
 Неумолимая земля,
 Лѣса, холмы, болота, тина,
 Тоскливо-скудные поля.

Полгода — холодъ беспощадный,
 Полгода — дождь и душный зной,
 Расцвѣтъ природы безотрадной
 Съ ея убогою весной.

Полупогаснувшіе взоры
 Навѣкъ поблекшаго лица,
 Неизреченные укоры,
 Порабощенность безъ конца.

Невоплощенные зачатья, —
 О, трижды скорбная страна,
 Твое названіе — проклятье,
 Ты навсегда осуждена.

IX.

МОЛЕБЕНЬ.

Темной толпою, въ часовнѣ убогой,
 Путь завершивъ, и предъ новой дорогой,
 Суетность нашу забывъ на мгновенье,
 Тупо мы слушаемъ сонное пѣнье.

Въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ духъ нашъ взростилъ
 Тайное древо невидимыхъ силъ,
 Таетъ вздыхающій дымъ отъ кадилъ.

Что-то есть страшное въ этихъ бряцаньяхъ,
 Въ этихъ покорныхъ глухихъ восклицаньяхъ,
 Молятся звуки и души послушно,
 Что же имъ въ узкой часовнѣ такъ душно?

Явственно чувствую горькій упрекъ,
 Въ звуки молитвъ проскользнувшій намекъ —
 Тайное слышащихъ, дышащихъ строкъ.

Въ потныхъ стекла не видно лазури,
 Въ дверь не проникнуть ни вѣтры, ни бури,
 Силою дней закопчены иконы,
 Вѣчны предъ ними безсильные стоны.

Грустно склонивши морщинистый лобъ,
 Что-то вѣщаетъ намъ загнанный попъ:
 „Жизнь наша — душная — темная... — Гробъ!“

X.

ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ ОДЕССЫ.

Узкая полоска синяго Лимана,
 Желтая пустыня выжженныхъ песковъ.
 Городъ, измѣненный дымкою тумана,
 Медленные тѣни бѣлыхъ облаковъ.

Чахлая трава, измученная зноемъ,
 Вдоль прямой дороги сѣрые столбы.
 Все здѣсь дышетъ скучнымъ тягостнымъ покоемъ,
 Всюду здѣсь недвижность пасмурной судьбы.

Только вѣчный вѣтеръ носится безцѣльно,
 Душнымъ дуновеньемъ, духомъ мертвеца.
 Только облака проходятъ безпредѣльно,
 Скучною толпой проходятъ безъ конца.

XI.

ВОСПОМИНАНІЕ

О ВЕЧЕРѢ ВЪ АМСТЕРДАМѢ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

О, тихій Амстердамъ,
 Съ пѣвучимъ перезвономъ
 Старинныхъ колоколенъ!
 Зачѣмъ я здѣсь,—не тамъ,
 Зачѣмъ уйти не воленъ,
 О, тихій Амстердамъ,
 Къ твоимъ церковнымъ звонамъ,
 Къ твоимъ, какъ бы усталымъ,
 Къ твоимъ, какъ бы затонамъ,
 Загрязившимъ каналамъ,
 Съ безжизненнымъ ихъ лономъ,
 Съ закатомъ запоздалымъ,
 И ласковымъ, и алымъ,
 Горящимъ здѣсь и тамъ,
 По этимъ соннымъ водамъ,
 По сумрачнымъ мостамъ,
 По окнамъ и по сводамъ

Домовъ и колоколенъ,
 Гдѣ, преданный мечтамъ,
 Какой-то призракъ боленъ,
 Упрекъ сдержать не воленъ,
 Тоскуеть съ долгимъ стономъ,
 И вѣчнымъ перезвономъ
 Поетъ и здѣсь и тамъ...
 О, тихій Амстердамъ!
 О, тихій Амстердамъ!

XII.

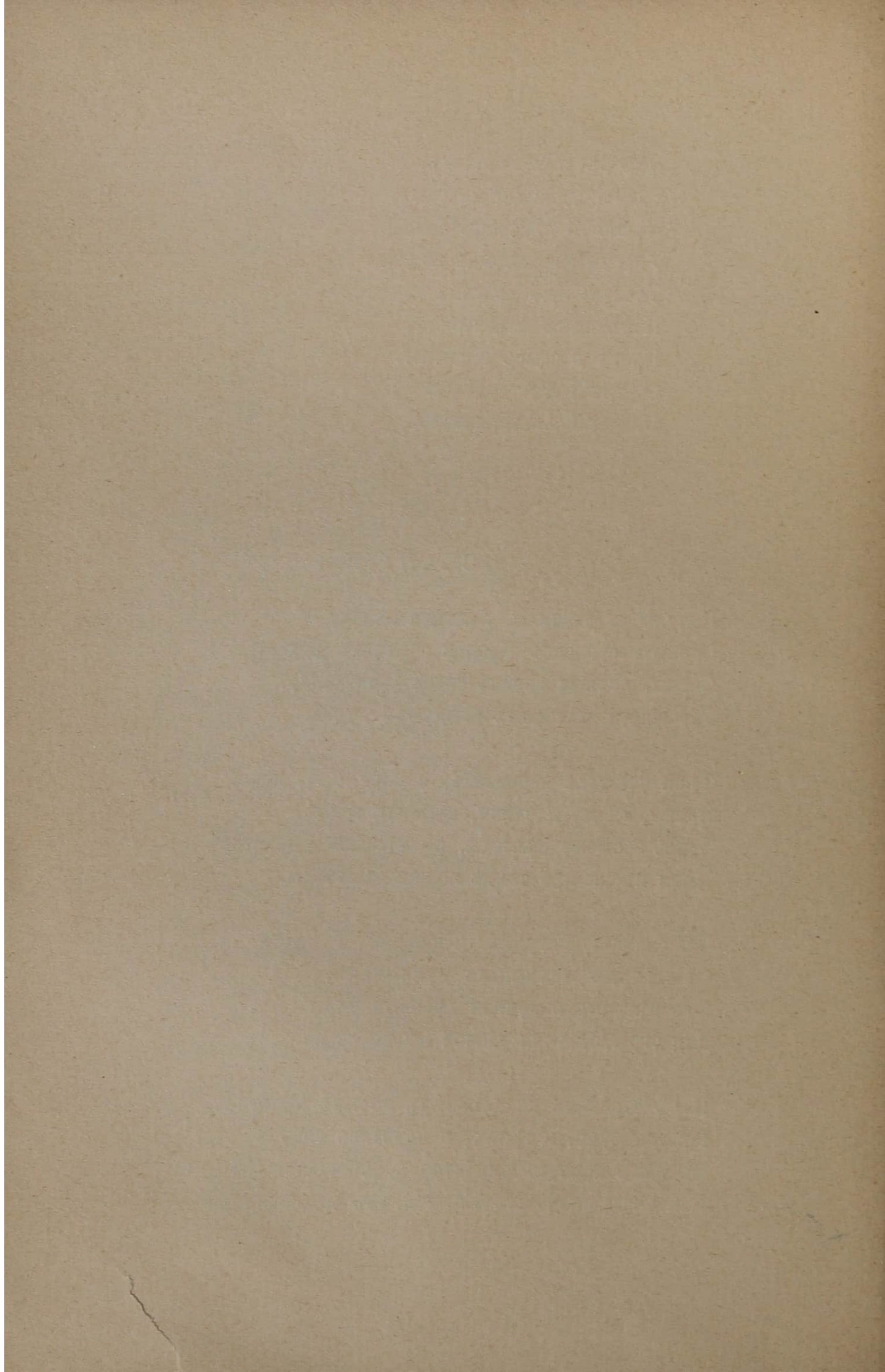
И С Л А Н Д І Я .

Валуны, и равнины, залитыя лавой,
 Сонмы глетчеровъ, брызги горячихъ ключей.
 Скалы, полная грусти своей величавой,
 Убѣленные холодомъ блѣдныхъ лучей.

Тѣни чахлыхъ деревьевъ, и море... О, море!
 Волны, пѣна, и чайки, пустыня воды!
 Здѣсь забытые скалды, на влажномъ просторѣ,
 Пѣли пѣсни при свѣтѣ вечерней звѣзды.

Эти Снорри, Сигурды, Тормодды, Гуннары,
 Съ именами желѣзными, духи морей,
 Отъ вѣтровъ получили суровыя чары
 Для угрюмой томительной пѣсни своей.

И въ строкахъ переѣвныхъ донынѣ хранится
 Ропотъ бури, и громъ, и ворчанье волны,
 Въ нихъ кричитъ альбатросъ, длиннокрылая птица,
 Изъ воздушной, изъ мертвой, изъ вольной страны.

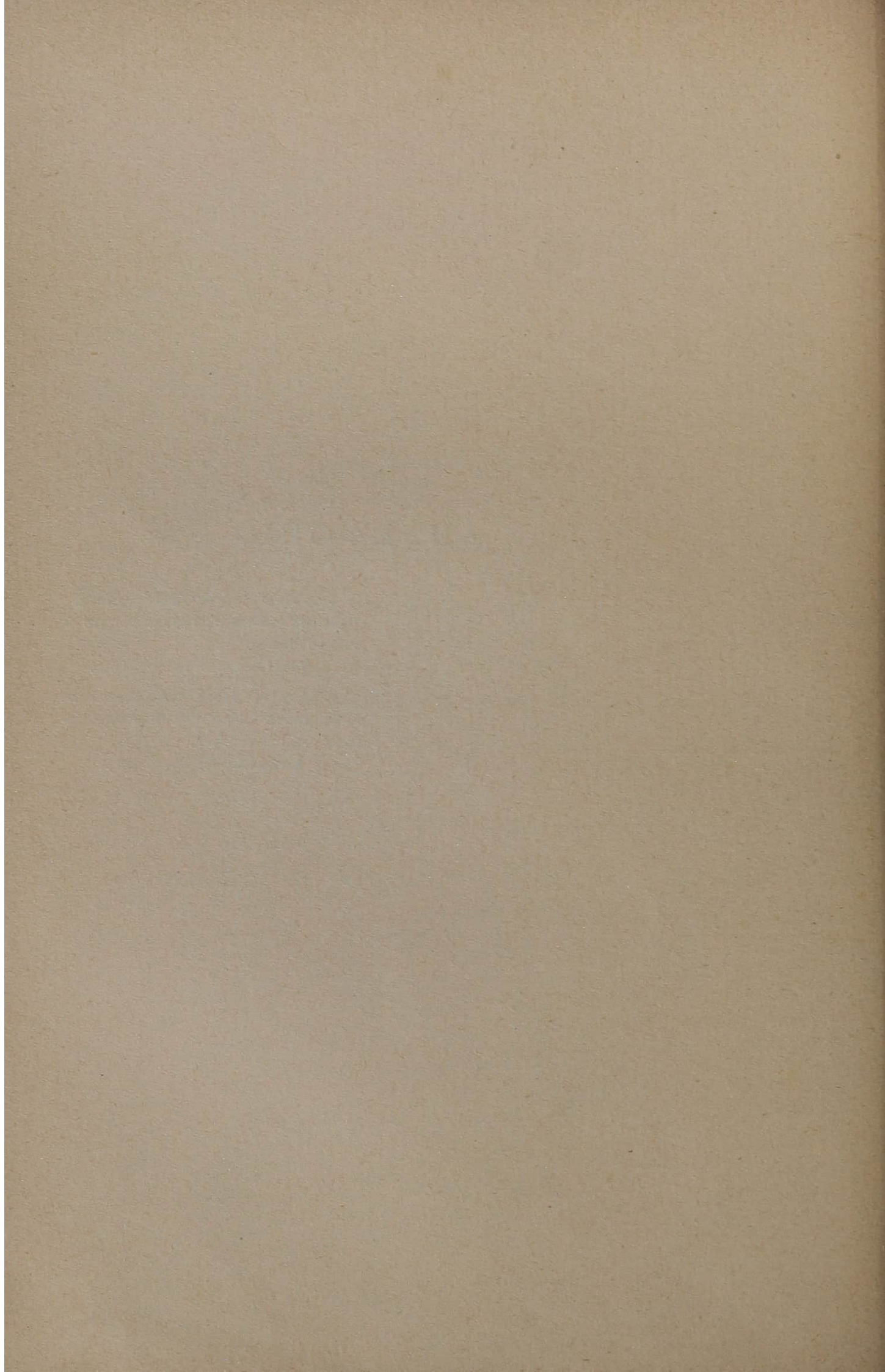
АНТИФОНЫ.

Je porte dans mon âme le reflet des richesses stériles d'un grand nombre de rois oubliés.

Villiers de l'Isle-Adam.

Я ношу въ своей душѣ отраженъе бесплодныхъ богатствъ многочисленныхъ забытыхъ царей.

Вилье де Лиль-Адамъ.

I.

* * *

Намъ нравятся поэты,
 Похожіе на насъ,
 Священные предметы,
 Дабы украсить часъ, —

Волшебный часъ величья,
 Когда, себя сильнѣй,
 Мы цѣнимъ безъ различья
 Сверканья всѣхъ огней, —

Цвѣты съ любимъ узоромъ,
 Расцвѣты всѣхъ началъ,
 Лишь только бѣ нашимъ взорамъ
 Ихъ пламень отвѣчалъ, —

Лишь только бѣ съ нашей бурей
 Сливался онъ въ одно,
 Отъ неба или фурій, —
 Не все ли намъ равно!

II.

КЪ ГЕРМЕСУ ТРИСМЕГИСТУ.

О, Гермесъ Трисмегистъ, тоекратно великій учитель,
 Богъ наукъ и искусствъ и души роковой искуситель!

Ты мнѣ передалъ власть возродить то, что сердце забыло,
 Какъ Египетъ весной возроденъ отъ разлитія Нила.

Отъ разлитья рѣки, чьи истоки окутаны тайной,
И случайно зажглись, но приносятъ расцвѣтъ не случайный.

Недостойный металлъ въ благородный могу превращать я,
Отъ тебя воспринявъ драгоценныя чары заклѣтья.

Отъ тебя получилъ я ту влагу цѣлебную жизни,
Что меня навсегда приобщаетъ къ небесной отчизнѣ.

И во имя тебя я безсмертіе всѣмъ обѣщаю,
И умершихъ людей я къ загробнымъ мірамъ приобщаю.

Ты со мною вездѣ и безгласно твердишь о святынѣ,
Какъ глубокой покой задремавшей Ливійской пустыни.

Ты въ вѣнцѣ изъ огня предо мною, о, богъ многоликій,
О, Гермесъ Трисмегистъ, о, мудрецъ троекратно великій!

III.

КЪ БОДЛЭРУ.

Какъ страшно-радостный и близкій мнѣ примѣръ,
Ты все мнѣ чудишься, о, царственный Бодлэръ,
Любовникъ ужасовъ, обрывовъ, и химеръ!

Ты, павшій въ пропасти, но жаждавшій вершинъ,
Ты, видѣвшій лазурь сквозь тяжкій желтый сплинъ,
Ты, между варваровъ заложникъ-властелинъ!

Ты, знавшій Женщину, какъ демона мечты,
Ты, знавшій Демона, какъ духа красоты,
Самъ съ женскою душой, самъ властный демонъ ты!

Познавшій таинства мистическихъ ядовъ,
 Понявшій образность гигантскихъ городовъ,
 Потокъ бурлящійся, рожденный царствомъ льдовъ!

Ты, въ чей богатый духъ навѣкъ перелита
 Въ одну симфонію трикратная мечта:
 Благоуханія, и звуки, и цвѣта!

Ты, духъ блуждающій въ разрушенныхъ мірахъ,
 Гдѣ привидѣнія другъ въ другъ будятъ страхъ,
 Ты, черный, призрачный, отверженный монахъ!

Пребудь же призракомъ навѣкъ въ душѣ моей,
 Съ тобой дай слиться мнѣ, о, магъ и чародѣй,
 Чтобъ я безъ ужаса могъ быть среди людей!

IV.

КЪ ЛЕРМОНТОВУ.

Нѣтъ, не за то тебя я полюбилъ,
 Что ты поэтъ и полновластный геній,
 Но за тоску, за этотъ страстный пылъ
 Ни съ кѣмъ нераздѣляемыхъ мученій,
 За то, что ты нечеловѣкомъ былъ.

О, Лермонтовъ, презрѣніемъ могучимъ
 Къ бездушнымъ людямъ, къ мелкимъ ихъ страстямъ,
 Ты былъ подобенъ молніямъ и тучамъ,
 Бѣгущимъ по нетронутымъ путямъ,
 Гдѣ только громъ гремитъ псалмомъ пѣвучимъ.

И вижу я, какъ ты въ послѣдній разъ
 Бесѣдовалъ съ ничтожными сердцами,
 И жесткимъ блескомъ этихъ темныхъ глазъ
 Ты говорилъ: „Нѣтъ, я уже не съ вами!“
 Ты говорилъ: „Какъ душно мнѣ средь васъ!“

V.

ГИПЕРБОРЕИ.

За горами Рипейскими, гдѣ-то на сѣверъ отъ Понта,
 Въ странахъ мирныхъ и ясныхъ, гдѣ нѣтъ ни вѣтровъ, ни страстей,
 Отъ нескромныхъ уккрытия свѣтлою мглой горизонта,
 Существуютъ издревле селеня блаженныхъ людей.

Не безсмертны они, эти люди съ блестящимъ взглядомъ,
 Но они непохожи на насъ, утомленныхъ грозой,
 Эти люди всегда отдаются невиннымъ усладамъ,
 И питаются только цвѣтами и свѣжей росой.

Почему имъ однимъ предоставлена яркая слава,
 Безмятежность залива, въ которомъ не пѣнится валъ,
 Почему неизвѣстна имъ нашихъ мученій отравы,
 Этой тайны святой самый мудрый изъ насъ не узналъ.

Не безсмертны они, эти люди, межъ нами — другіе,
 Но помногу вѣковъ предаются они бытію,
 И, насытившись жизнью, бросаются въ воды морскія,
 Унося въ глубину сокровенную тайну свою.

VI.

СТРАНА ИССЕДОНОВЪ.

Сіе пріятное баснословіе...

Карамзинъ.

На востокъ отъ аргипеевъ,
 Тамъ, въ Татаріи Великой,
 Змѣй живетъ, краса всѣхъ змѣевъ,
 Многочудный, многоликій.

Тамъ, безъ тягостныхъ законовъ,
 Въ заколдованной долині,
 Жило племя исседоновъ,
 Говорять, живетъ донинѣ.

Судьбы ихъ — гіероглифы,
 Край ихъ — золотомъ богатый,
 И таинственные грифы
 Стерегутъ тотъ край заклятый.

Восемь мѣсяцевъ — цѣлебный
 Холодъ дышетъ надъ строною,
 И летаетъ змѣй волшебный,
 И мерцаетъ чешуею.

Кто туда неосторожно
 Изъ другой страны заглянетъ,
 Тотъ, — преданіе неложно, —
 Въ изумленьи камнемъ станеть.

Всѣ пути туда заклѣты,
 Возлѣ самаго преддверья
 Лѣды восходятъ, какъ палаты,
 Снѣгъ и градъ, какъ пухъ и перья.

Камни, золото, и холодъ,
 Закаленная природа,
 И никто ни старъ, ни молодъ,
 Неизмѣнно въ годъ изъ года.

Только змѣй въ игрѣ извивовъ,
 Золотисто-изумрудный,
 Измѣняетъ цвѣтъ отливовъ,
 Многоликій, многочудный.

VI.

ИЗБРАННИКУ.

Отчего такъ бесплодно въ душѣ у тебя
 Замолкають созвучья міровъ?
 Отчего, не любя ни другихъ, ни себя,
 Ты печаленъ, какъ пѣсня безъ словъ?

Ты мечтой полусонной уходишь за грань
 Отдаленныхъ небесныхъ глубинъ.
 Пробудись и возстань, и воздушную тканьъ,
 Развернувъ, созерцай не одинъ.

О, раскрой передъ нами узоры мечты,
 Загорѣвшей въ сердцѣ твоемъ!
 Покажи намъ черты сверхземной красоты,
 Мы полюбимъ ее и поймемъ!

Тѣ же мысли у каждаго дремлютъ въ тиши,
И мгновенья завѣтнаго ждутъ.
О, приди, поспѣши, и для каждой души,
Отъ созвучья, цвѣты расцвѣтутъ.

Мы отвѣтимъ какъ море на ласку луны,
А не вражескимъ крикомъ врагу:
Мы какъ брызги волны изъ одной глубины,
Мы умремъ на одномъ берегу!

VIII.

* * *

Мой другъ, есть радость и любовь,
Есть все, что будетъ вновь и вновь,
Хотя въ другихъ сердцахъ, не въ нашихъ.
Но, милый братъ, и я, и ты
Мы только грезы Красоты,
Мы только капли въ вѣчныхъ чашахъ
Неотцвѣтающихъ цвѣтовъ,
Непогибающихъ садовъ.

IX.

ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ.

Г И М Н Ъ.

Три бога есть: Гаома, Веретрагна,
И Тистрія. Гаома—богъ Безсмертья,
Могучій Веретрагна—богъ Побѣды,
И Тистрія — молніеносныхъ Бурь.

Но выше ихъ есть богъ—Агурамазда,
 Онъ создалъ все, въ чемъ знаніе и жизнь.
 Молитва—дочь его; святое слово—
 Его душа; святое помышленье
 Есть лучъ отъ Солнца правды запредѣльной,
 Есть отзвукъ сочетаній міровыхъ,
 Проникновенный взглядъ Агурамазды.
 Воздайте же Всевышнему хвалу!
 О, ты, всегда единый въ разныхъ формахъ!
 Пресвѣтлый богъ порядка, Ашаванъ!
 Агура, пышно-царственный властитель!
 Датаръ, создатель свѣта, богъ огня!
 Всевидящій, всевѣдущій, Маздао!

X.

ОТТУДА.

Я обѣщаю вамъ сады.
 Коранъ.

Я обѣщаю вамъ сады,
 Гдѣ поселитесь вы навѣки,
 Гдѣ свѣжестъ утренней звѣзды,
 Гдѣ спать нешепчущія рѣки.

Я призываю васъ въ страну,
 Гдѣ нѣтъ печали, ни заката,
 Я посвящу васъ въ тишину,
 Откуда къ бурямъ нѣтъ возврата.

Я покажу вамъ то, одно,
 Что никогда вамъ не измѣнитъ,
 Какъ камень, канувшій на дно,
 Верховныхъ волнъ собой не вспѣнитъ.

Идите всѣ на зовъ звѣзды,
 Смотрите, я горю предъ вами.
 Я обѣщаю вамъ сады
 Съ неомраченными цвѣтами.

XI.

Л У Н А.

O sovereign mistress of true melancholy
 Shakspeare.

Луна богата силою внушенья,
 Вокругъ нея всегда витаетъ тайна.
 Она намъ вторитъ: „Жизнь есть отраженье,
 „Но этотъ призракъ дышетъ не случайно“.

Своимъ лучомъ, лучомъ блѣдно-зеленымъ,
 Она ласкаетъ, странно такъ волнуя,
 И душу побуждаетъ къ долгимъ стонамъ
 Вліяньемъ рокового поцѣлуя.

Своимъ ущербомъ, смертью двухнедѣльной,
 И новымъ полновластнымъ возсіяньемъ,
 Она твердитъ о грусти не безцѣльной,
 О томъ, что свѣтъ насъ ждетъ за умираньемъ.

Но насъ маня надеждой незабвенной,
 Сама она уснула въ блѣдной дали,
 Красавица тоски безперемѣнной,
 Верховная владычица печали!

XII.

Т У Ч И.

Но развѣ тучи не рабы?
Случевскій.

Нѣтъ рабства въ мірѣ, если все — одно.
Самъ создалъ я неправду мірозданья,
Чтобъ было ей въ грядущемъ суждено,

Пройдя пути измѣны и страданья,
Вернуться вновь къ таинственной чертѣ,
Гдѣ приметъ все иныя очертанья,

Гдѣ тѣ же мысли — вотъ, уже не тѣ.
Такъ сѣрые пары, покинувъ травы,
Возносятся къ безмѣрной высотѣ,

Роняютъ тѣнь на доли, на дубравы,
Ихъ свѣтелъ путь, ихъ манитъ гулъ борьбы,
И радугой они предъ міромъ правы.

Нѣтъ, ты неправъ! Нѣтъ, тучи не рабы!

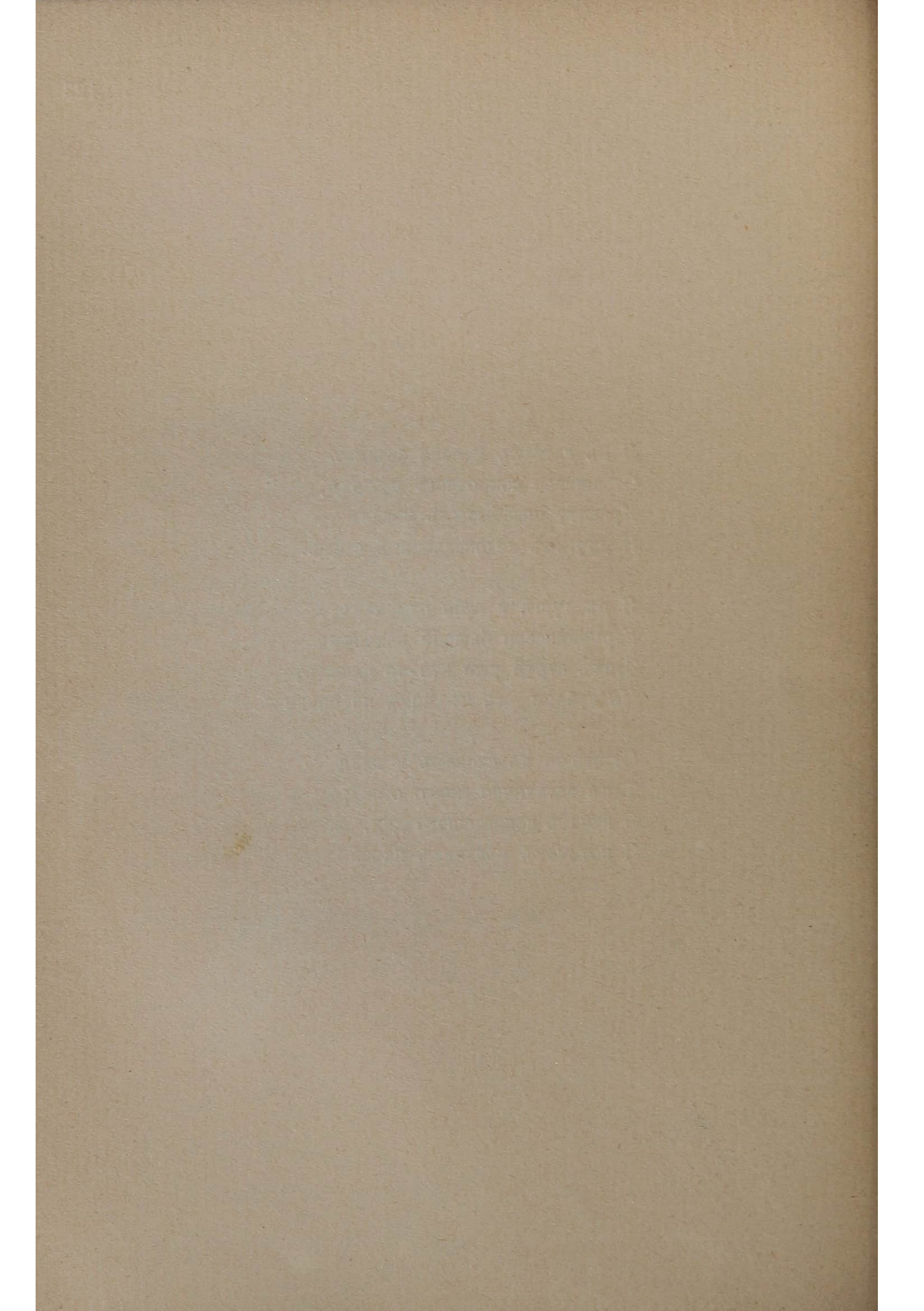
XIII.

* * *

Я въ глазахъ у себя затаилъ
Отраженье сокровищъ чужихъ,
Красоту позабытыхъ могилъ
И другимъ недосказанный стихъ.

Я въ душѣ у себя отыскалъ
Гармонически бьющій родникъ:
Этихъ струй уже кто-то алкалъ,
Но губами онъ къ нимъ не приникъ.

Оттого-то въ словахъ у меня
Такъ загадочно много огней:
Я закатъ непогасшаго дня,
Я потомокъ могучихъ царей.

ПРОГАЛИНЫ.

Wyście jak przepaści, a w głębiach
waszych tajnie ukryte błękitu.

Zygmunt Krasiński.

Вы какъ пропасти, а въ глубинахъ
вашихъ скрыты тайны лазури.

Зигмунтъ Красинскій.

THE
LIBRARY

I.

ПУТЬ ПРАВДЫ.

СОНЕГЪ.

Пять чувствъ — дорога лжи. Но есть восторгъ экстаза,
 Когда намъ истина сама собой видна.
 Тогда таинственно для дремлющаго глаза
 Горить узорами ночная глубина.

Бездонность сумрака, неразрѣшенность сна,
 Изъ угля чернаго — рожденіе алмаза.
 Намъ правда каждый разъ — сверхчувственно дана,
 Когда мы вступимъ въ лучъ священнаго экстаза.

Въ душѣ у каждаго есть міръ незримыхъ чаръ,
 Какъ въ каждомъ деревѣ зеленомъ есть пожаръ,
 Еще не вспыхнувшій, но ждущій пробужденья.

Коснись до тайныхъ силъ, шатни тотъ міръ, что спитъ,
 И, дрогнувъ радостно отъ счастья возрожденья,
 Тебя нежданное такъ ярко ослѣпитъ.

II.

ПАПОРОТНИКЪ.

Тѣнью легкой и неслышной
 Я замедлилъ у пути,
 Тамъ гдѣ папоротникъ пышный
 Долженъ будетъ расцвѣсти.

Освященный ножъ доставши,
Очертилъ заклятый кругъ;
Возлѣ скатерть разостлавши,
Жду. Но чу! Шипящій звукъ!

Это дьяволы толпою
Собрались вокругъ меня,
Смотрять, манять за собою,
Брызжутъ искрами огня.

Но безстрастный, безучастный,
Я стою въ своемъ кругу.
Съ этой челядью подвластной
Посчитаться я могу.

И толпою разъяренной
Умножаются они,
Страшенъ ликъ ихъ искаженный,
И сильнѣй горять огни.

Но въ груди сдержавъ волненье,
Заклинанья я шепчу,
Жду завѣтнаго мгновенья,
И дождусь, чего хочу.

Сонъ придетъ. Цвѣтокъ волшебный,
Что блеститъ однажды въ годъ,
Златоцвѣтный и цѣлебный,
На мгновенье расцвѣтетъ.

И смущенный, изумленный,
Я тогда его сорву.
Тотчасъ папоротникъ сонный
Озарить кругомъ траву.

Я пройду толпу видѣній,
Безъ оглядки убѣгу,
И источникъ наслажденій
Возлѣ сердца сберегу.

И навѣки этотъ властный,
Драгоценный амулетъ
Будетъ мнѣ свѣтить, какъ ясный,
Но никѣмъ не зримый свѣтъ.

Довѣряясь этой жгучей
И таинственной звѣздѣ,
Я пройду, какъ духъ могучій,
По землѣ и по водѣ.

Мнѣ понятны будутъ строки
Ненаписанныхъ страницъ
И небесные намеки,
И языкъ звѣрей и птицъ.

Миръ тому, кто не боится
Ослѣпительной мечты,
Для него восторгъ таится,
Для него цвѣтутъ цвѣты!

III.

ПРОБУЖДЕНІЕ.

СОНЕТЪ.

Богъ входитъ въ существа, какъ солнце сквозь окно,
Когда оно встаетъ за гранью кругозора.

Откроемъ занавѣсъ, намъ всѣмъ свѣтитъ дано,
Быть жгучими, любить, быть частію узора.

Непогасимъ огонь внимательнаго взора,
Неисчерпаемъ блескъ того, что суждено.
Ликъ солнца возстаетъ въ безличьи кругозора,
И весь различный міръ скрѣпляетъ онъ въ одно.

Туманы превративъ въ разорванныя тучи,
Токъ огненныхъ полосъ коснулся вышнихъ горъ,
И въ глубину долинъ, свѣтясь, глядятся кручи.

Тамъ нѣжный сонъ садовъ, тамъ синій свѣтъ озеръ,
И пробужденья чувствъ, несознанно-могучи,
Сливаются шумъ листвы въ одинъ протяжный хоръ.

* IV.

И ДА, И НѢТЬ.

1.

И да, и нѣтъ — здѣсь все мое,
Приемлю боль — какъ благостыню,
Благославляю бытіе,
И если создалъ я пустыню,
Ея величіе — мое!

2.

Весенній шумъ, весенній гулъ природы
 Въ моей душѣ звучитъ не какъ призывъ.
 Среди живыхъ — лишь люди не уроды,
 Лишь человѣкъ хоть частію красивъ.

Онъ можетъ мнѣ сказать живое слово,
 Онъ полонъ безднъ мучительныхъ, какъ я.
 И только въ немъ ежеминутно ново
 Видѣніе земного бытія.

Какое счастье думать, что сознаньемъ,
 Надъ смутой горъ, морей, лѣсовъ, и рѣкъ,
 Надъ мчащимся въ безбрежность мірозданьемъ,
 Царитъ непобѣдимый человѣкъ.

О, вѣрю! Мы повсюду бросимъ сѣти,
 Средь міровыхъ неистоющихъ водъ.
 Предъ будущимъ теперь мы только дѣти.
 Онъ — нашъ, онъ — нашъ, лазурный небосводъ!

3.

Страшны мнѣ звѣри, и черви, и птицы,
 Душу томитъ мнѣ животный ихъ сонъ.
 Нѣтъ, я люблю только бѣглость зарницы,
 Вѣтеръ и моря глухой перезвонъ.

Нѣтъ, я люблю только мертвыя горы,
 Листья и вѣчно-нѣмые цвѣты,
 И человѣческой мысли узоры,
 И человѣка родныя черты.

4.

Лишь демоны, да гени, да люди,
 Современемъ заполнять всѣ міры,
 И выразить въ неизреченномъ чудѣ
 Весь блескъ еще не снившейся игры,—

Когда, уразумѣвъ себя впервые,
 Съ душой соприкоснутся навсегда
 Четыре полновластныхъ стихіи:
 Земля, огонь, и воздухъ, и вода.

5.

Отъ блѣднаго листка испуганной осины
 До сказочныхъ планетъ, гдѣ день длиннѣй, чѣмъ вѣкъ,
 Все — тонкіе штрихи законченной картины,
 Все — тайные пути неуловимыхъ рѣкъ.

Всѣ помыслы ума — широкія дороги,
 Всѣ вспышки страстныхъ — подъемные мосты,
 И какъ бы ни были мы бѣдны и убоги,
 Мы всетаки дойдемъ до нужной высоты.

То будетъ лучший мигъ безбрежныхъ откровеній,
 Когда, какъ лунный дискъ, прорвавшись сквозь туманъ,
 На насъ изъ хаоса безчисленныхъ явленій
 Вдругъ глянетъ снившійся, но скрытый Океанъ.

И цѣль пути понявъ, счастливые навѣки,
 Мы всѣ благословимъ раздающую тьму,
 И, словно радостно-расширенныя рѣки,
 Своими устьями, любя, прильнемъ къ Нему.

6.

То будетъ таинственный мигъ примиренія,
 Все въ мірѣ восприметь восторгъ красоты,
 И будетъ для взора не три измѣренія,
 А столько же, сколько есть сновъ у мечты.

То будетъ мистическій праздникъ сліянія,
 Всѣ краски, всѣ формы измѣнятся вдругъ,
 Все въ мірѣ восприметь восторгъ обаянія,
 И воздухъ, и солнце, и звѣзды, и звукъ.

И демоны, встрѣтятся съ забытыми братьями,
 Съ которыми жили когда-то всегда,
 Восторженно встрѣтятъ другъ друга объятіями,—
 И день не умретъ никогда, никогда!

7.

Будутъ игры безпредѣльныя,
 Въ упоительности цѣльныя,
 Будутъ пѣсни колыбельныя,
 Будемъ въ шутку мы грустить,
 Чтобы съ новымъ упоеніемъ,
 За обманчивымъ мгновеніемъ,
 Снова ткать съ протяжнымъ пѣніемъ
 Переливчатую нить.

Нить мечтанья безконечнаго,
 Безпечальнаго, безпечнаго,
 И мгновеннаго и вѣчнаго,
 Будетъ вся въ живыхъ огняхъ,

И, какъ призраки влюбленные,
 Какъ-то сладко-утомленные,
 Мы увидимъ — измѣненные —
 Наши лица — въ нашихъ снахъ.

8.

Идеи, образы, изображенья, тѣни,
 Вы, внизъ ведущія, но пышныя ступени, —
 Какъ змѣй сквозь васъ вѣясь, я васъ люблю равно,
 Чтобъ видѣть высоту, я падаю на дно.

Я вижу облики въ сосудѣ драгоценномъ,
 Вдыхаю въ немъ вино, съ его восторгомъ плѣннымъ,
 Ту влагу выпью я, и по златымъ краямъ
 Дамъ биться отблескамъ и ликамъ и тѣнямъ.

Вино горитъ сильнѣй — незримое для глаза,
 И осушенная — богаче, ярче ваза.
 Я сладко опьяненъ, и, какъ лукавый змѣй,
 Покинувъ глубь, всхожу... Еще! Вотъ такъ! Скорѣй!

9.

Я — просвѣтленный, я кажусь собой,
 Но я не то, — я островъ голубой:
 Вблизи зеленый, полный мглы и бури,
 Онъ издали являетъ цвѣтъ лазури.

Я — вольный сонъ, я всюду и нигдѣ:
 Вода блеститъ, но развѣ лучъ въ водѣ?
 Нѣтъ, здѣсь свѣтя, я гдѣ-то тамъ блистаю,
 И тамъ не жду, блесну — и пропадаю.

Я вижу все, вездѣ встаетъ мой ликъ,
 Со всѣми я сливаюсь каждый мигъ.
 Но вѣтеръ какъ замкнуть въ предѣлахъ зданья?
 Я духъ, я магъ, я стражъ міросознанья.

10.

Звуки и отзвуки, чувства и призраки ихъ,
 Тайнство творчества, только-что созданный стихъ.

Только что срѣзанный свѣжій и влажный цвѣтокъ,
 Радость рожденія—этого пѣнія строкъ.

Воды мятежились, буря гремѣла,—но вотъ
 Въ водной зеркальности дышетъ опять небосводъ.

Травы обрызганы съ неба упавшимъ дождемъ.
 Будемъ же мучиться, въ боли мы тайну найдемъ.

Слава создавшему пѣсню изъ слезъ роковыхъ,
 Намъ передавшему звонкій и радостный стихъ!

V.

ЧЕТЪ И НЕЧЕТЪ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Утромъ рано,
 Изъ тумана,
 Солнце выглянетъ для насъ.
 И освѣтитъ,
 И замѣтитъ
 Всѣхъ, кто любитъ этотъ часъ.

Ночью, скучно,
 Однозвучно,
 Упадаетъ звонъ минутъ.
 О минувшемъ,
 Обманувшемъ
 Ихъ напѣвы намъ поютъ.

Точно съ крыши,
 Тише, тише,
 Капли падаютъ дождя.
 Всѣ прольются,
 Не вернуться,
 Этотъ темный путь пройдя.

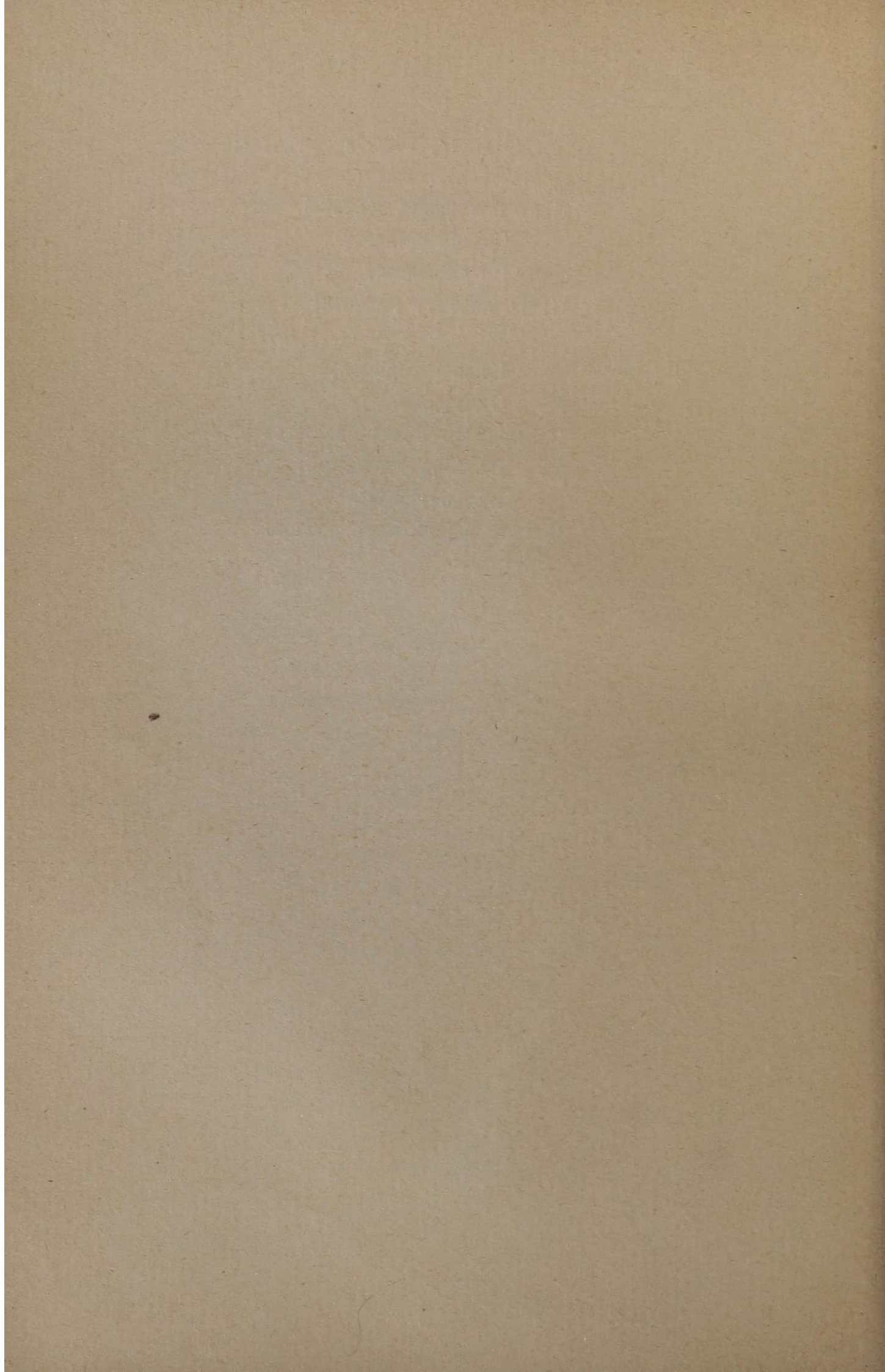
Звукъ неясный,
 Безучастный,
 Панихиды намъ поетъ.
 „Вѣрьте, вѣрьте
 „Только смерти!
 „Четъ и нечетъ! Нечетъ, четъ!“

„Четъ счастливымъ
 „И красивымъ,
 „Слабымъ нечетъ, недочетъ!
 „Но, рѣдѣя,
 „Холодѣя,
 „Четъ и нечетъ протечетъ!“

Звукъ неясный,
 Безучастный,
 Ты поешь, обманъ тая.
 Нѣтъ, не вѣрю,
 И въ потерю
 Смысль иной влагаю я.

Вѣрьте, вѣрьте
Только смерти
Насъ понявшаго Христа!
Солнце встанетъ,
Не обманетъ,
Вѣчно свѣтитъ красота!

Цѣль страданья,
Ожиданья,
Всѣмъ намъ свѣтлый дасть отчетъ.
Въ мѣръ согласный,
Вѣчно-ясный,
Четъ и нечетъ насъ влечетъ.

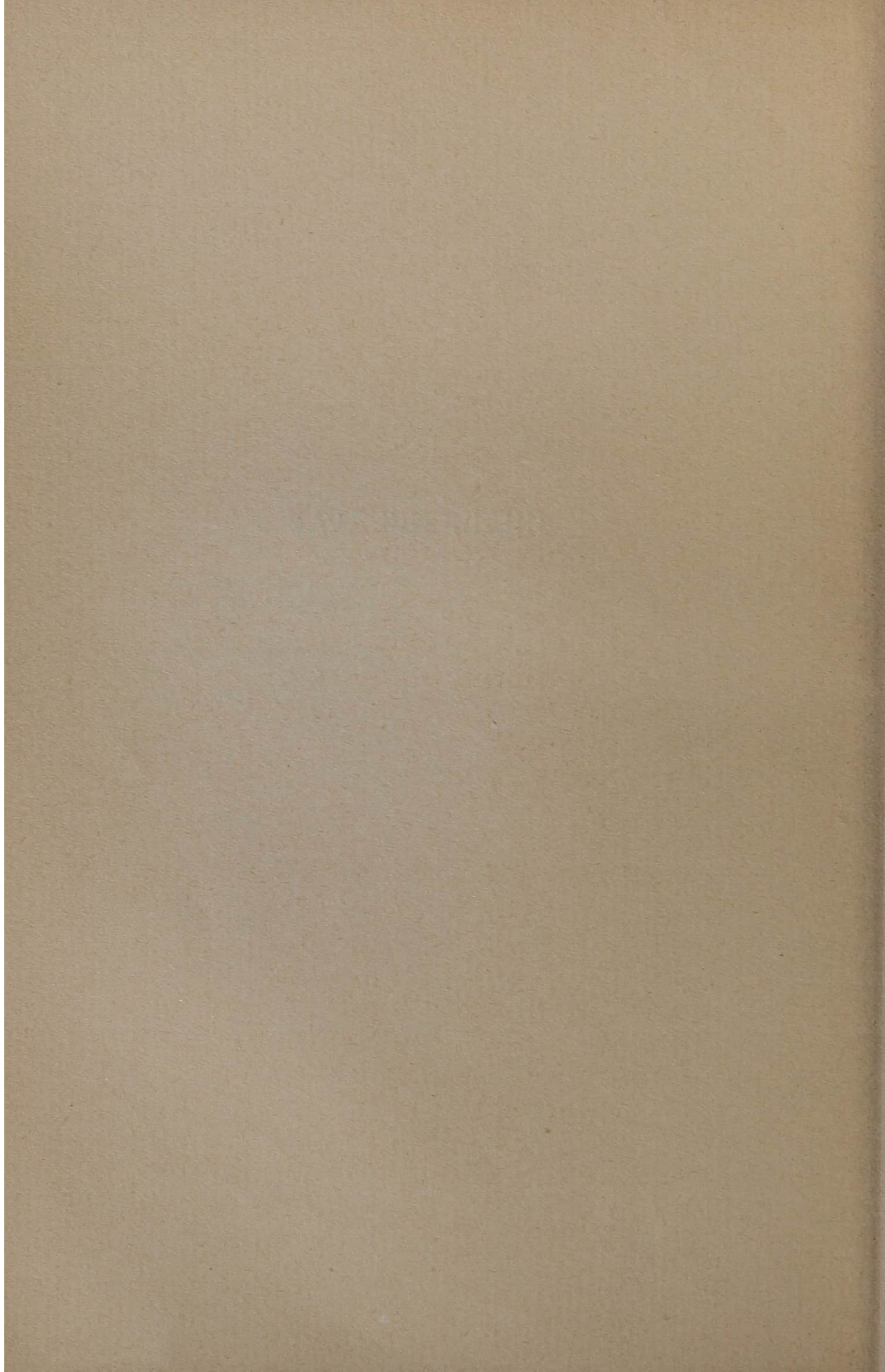

ИНДІЙСКІЯ ТРАВЫ.

Tat tvam asi.—То есть ты.
Основоположеніе Индійской
Мудрости.

Познавшій сущность сталь выше
печали.

Шри-Шанкара-Ачарія.

I.

М А Й Я.

Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтущій въ столѣтіе разъ,
 Пряный, дышалъ между горъ, на вершинахъ.
 Мѣсяць за скалы проплылъ и погасъ.

Въ темной пещерѣ, задумчивый іоги,
 Магъ-заклинатель, блѣднѣй мертвеца,
 Что-то шепталъ, и властительно-строги
 Были черты сверхземного лица.

Мантру читалъ онъ, святое моленье;
 Только прочелъ — и предъ нимъ, какъ во снѣ,
 Стали качаться, носиться видѣнья,
 Стали кружиться въ ночной тишинѣ.

Тѣни, и люди, и боги, и звѣри,
 Время, пространство, причина, и цѣль,
 Пышность восторга, и сумракъ потери,
 Смерть на мгновенье, и вновь колыбель.

Ткань безъ предѣла, картина безъ рамы,
 Сонмы враждебныхъ безчисленныхъ „я“,
 Мракъ отпаденья отъ вѣчнаго Брамъ,
 Ужасъ мучительный, сонъ бытія.

Къ самому небу возносятся горы,
 Рушится съ гуломъ утесъ на утесъ,
 Топотъ и ропотъ, мольбы и укоры,
 Тысячи быстрыхъ и звонкихъ колесъ.

Бѣшено мчатся и люди и боги...
 „Майя! О, Майя! Лучистый обманъ!
 „Жизнь — для незнающихъ, призракъ — для іюги,
 „Майя — бездушный нѣмой океанъ!“

Скрылись видѣнья. На горныхъ вершинахъ
 Вѣтеръ въ узорахъ вѣтвей трепеталъ.
 Тигры стонали въ глубокихъ долинахъ.
 Чампакъ, цвѣтокъ вѣковой, отцвѣталъ.

II.

КРУГОВОРОТЪ.

Не только люди и герои,
 Волненье думъ тая,
 Томятся жаждой въ душномъ зноѣ
 Земного бытія.

Но даже царственные боги
 Несутъ тяжелый плѣнь,
 Всегда витая на порогѣ
 Все новыхъ перемѣнь.

Они счастливыѣ, чѣмъ люди,
 Герои равны имъ,
 Но все они скорбятъ о чудѣ
 Всѣмъ существомъ своимъ.

Въ оковахъ жизни подневольной
 Запутанныхъ міровъ,
 Скорбятъ о вѣчности безбольной
 Непреходящихъ сновъ.

И только Онъ, Кто всѣхъ ихъ видитъ
 Съ незримой высоты,
 Кто блѣдной травки не обидитъ,
 Въ Чьемъ лонѣ я и ты,—
 Лишь только Онъ, всегда блаженный,
 Ничѣмъ не утомленъ,
 И жизнь съ ея игрой мгновенной
 Предъ нимъ скользить, какъ сонъ.

Никѣмъ не понятъ и незнаемъ,
 Онъ любитъ свѣтъ и тьму,
 И кругъ завѣтный мы свершаемъ,
 Чтобы придти къ Нему.
 Какъ лучъ отъ солнца, въ жгучемъ зноѣ,
 Сквозь бездну мглы скользимъ,
 И вновь—къ Нему, въ святомъ покоѣ,
 И вотъ мы снова—съ Нимъ!

III.

ИНДІЙСКІЙ МОТИВЪ.

Какъ красный цвѣтъ небесъ, которыя не красны,
 Какъ разногласье волнъ, что межъ собой согласны,
 Какъ сны, возникшіе въ прозрачномъ свѣтѣ дня,
 Какъ тѣни дымныя вокругъ яркаго огня,
 Какъ отсвѣтъ раковинъ, въ которыхъ жемчугъ дышетъ,

Какъ звукъ, что въ слухъ идетъ, но самъ себя не слышитъ,
 Какъ на поверхности потока бѣлизна,
 Какъ лотосъ въ воздухѣ, растущій ото дна,
 Такъ жизнь съ восторгами и съ блескомъ заблужденья
 Есть сновидѣніе иного сновидѣнья.

VI.

ЖИЗНЬ.

Жизнь—отраженіе луннаго лика въ водѣ,
 Сфера, чей центръ—повсюду, окружность—нигдѣ,
 Царственный вымыселъ, пропасть глухая безъ дна,
 Вѣчность мгновенія—мигъ красоты—тишина.

Жизнь—трепетаніе моря подъ властью луны,
 Лотосъ чуть дышащій, блѣдный любимецъ волны,
 Дымное облако, полное скрытыхъ лучей,
 Сонъ, создаваемый множествомъ, всѣхъ—и ничей.

V.

КАКЪ ПАУКЪ.

Какъ паукъ въ себѣ рождаетъ паутину,
 И, тяжелый, создаетъ воздушность нитей,—
 Какъ художникъ создаетъ свою картину,
 Закрѣпляя мимолетное событій,—

Такъ изъ Вѣчнаго исходитъ міровое—
 Многосложность и единство бытія.
 Міръ одинъ, но въ этомъ мірѣ вѣчно двое:
 Онъ, Недвижный, Онъ, Нежаждущій—и я.

VI.

ИЗЪ УПАНИШАДЪ.

Все то, что существуетъ во вселенной, —
 Окутано въ воздушную одежду,
 Окружено Создателемъ всего.
 Среди тѣней, въ движеніи силетенныхъ,
 Недвижное есть Существо одно,
 Въ неподвижности—быстрѣй, чѣмъ пламя мысли,
 Надъ чувствами оно царить высоко,
 Хотя они, какъ боги, въ высь парять,
 Стремясь достигъ того, что непостижно;
 Оно глядитъ на быстрый токъ видѣній,
 Какъ воздухъ—обнимая все кругомъ,
 И жизненную силу разливая.
 Недвижно движетъ всѣмъ; далеко—близко;
 Оно внутри вселенной навсегда.
 И кто проникновеннымъ взоромъ взглянетъ
 На существа какъ дышащія въ немъ,
 И на него какъ Генія Вселенной,
 Тогда, понявъ, что слитна эта тканьъ,
 Ни на кого не взглянетъ онъ съ презрѣньемъ.

VII.

ИНДІЙСКІЙ МУДРЕЦЪ.

Какъ золотистый плодъ, въ осенній день дозрѣвшій,
 На землю падаетъ, среди стеблей травы,
 Такъ я, какъ бы глухой, слѣпой, и онѣмѣвшій,
 Иду, не поднимая головы.

Одно въ моихъ зрачкахъ, одно въ замкнутомъ слухѣ;
 Какъ бы изваянный, мой духъ навѣкъ затихъ.
 Ни громкій крикъ слона, ни блескъ жужжащей мухи
 Не возмутятъ недвижныхъ чертъ моихъ.

Сперва я, какъ мудрецъ, бесѣдовалъ съ вѣками,
 Потомъ свой духъ вернулъ къ первичной простотѣ,
 Потомъ, молчальникомъ, я приобщился въ Брамѣ,
 И утонулъ въ безсмертной красотѣ.

Четыре радуги надъ бурною вселенной,
 Четыре степени возвышенныхъ надеждъ,
 Чтобъ возсоздать кристаллъ изъ влаги переменной,
 Чтобъ видѣть міръ, не подымая вѣждъ.

VIII.

МОЛИТВА ВЕЧЕРНЯЯ.

Тотъ, предъ Кѣмъ, Незримымъ, зримо
 Все, что въ душахъ у людей,
 Тотъ, предъ Кѣмъ проходятъ мимо
 Блески дымные страстей, —

Кто, Неслышимый, услышитъ
 Каждый ропотъ бытія,
 Только Тотъ безсмертьемъ дышитъ,
 Въ нераздѣльно-слитномъ я.

Тотъ, въ чьемъ духѣ вѣчно новы
 Солнце, звѣзды, вѣтеръ, тьма,
 Тотъ, Кому они — покровы
 Для сокрытаго ума, —

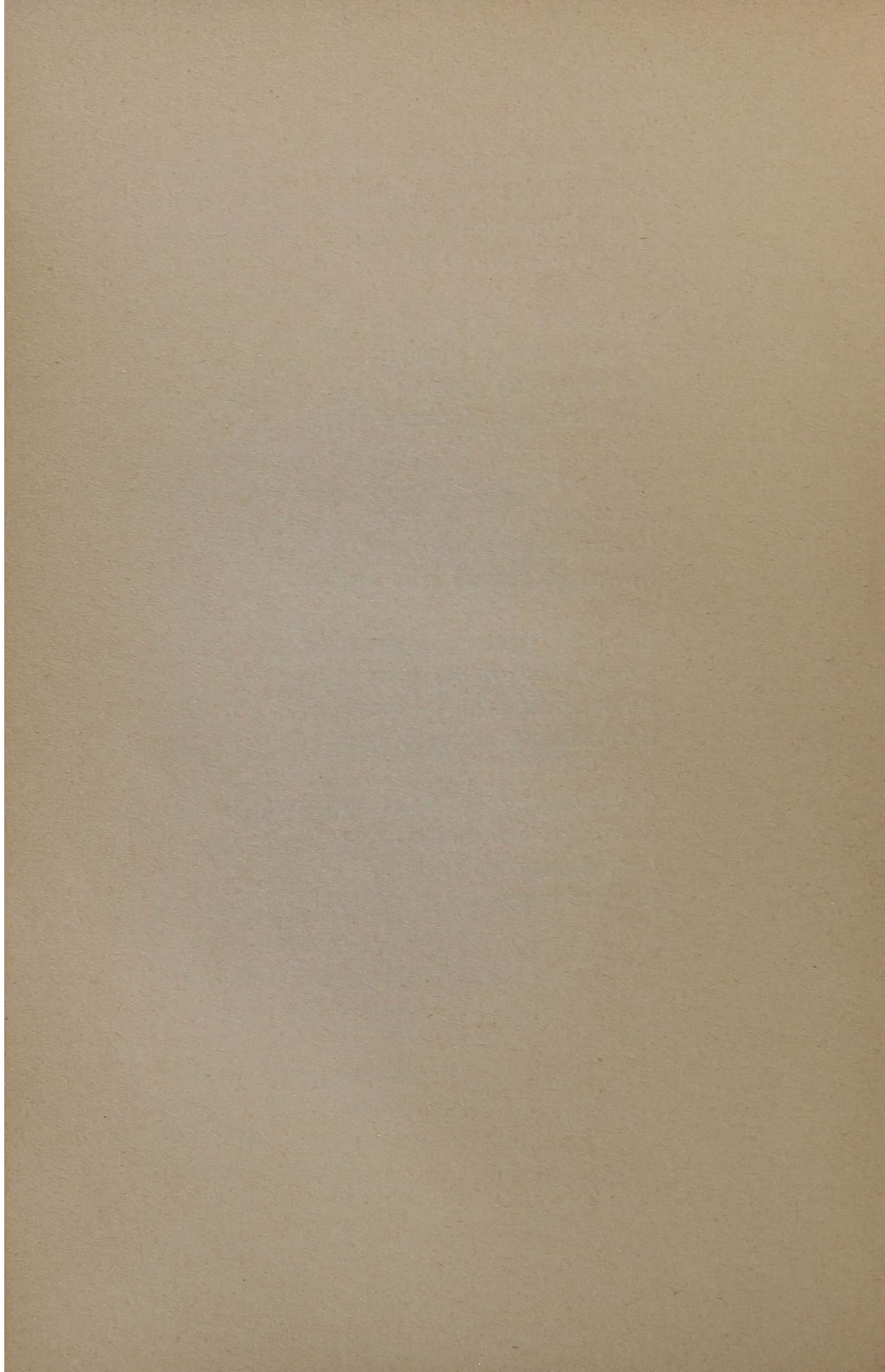
Тотъ, Кто близко и далеко,
Передъ Кѣмъ вся жизнь твоя
Точно радуга потока,—
Только Тотъ есть вѣчно — я.

Всѣ закаты, всѣ разсвѣты
Въ немъ возникли и умрутъ,
Всѣ сердечныя примѣты
Тамъ зажглись, блистая — тутъ.

Всѣ лучи въ росѣ горящей
Повторяютъ тотъ же ликъ,
Солнца ликъ животворящій,
Въ солнцѣ каждый лучъ возникъ.

Все, что — здѣсь, проходить мимо,
Словно тѣнь отъ облаковъ.
Но очамъ незримымъ — зрима
Неподвижность вѣчныхъ сновъ.

Онъ живетъ, предъ Кѣмъ проводитъ
Этотъ міръ всю роскошь силъ,
Онъ, Единый, не уходитъ,
Въ часъ захода всѣхъ свѣтилъ!

БЕЗВѢТРІЕ.

Entonces huelga el hombre andando
entre las estrellas.

Luis de Granada.

Тогда-то наслаждается человекъ,
проходя среди звѣздъ.

Люисъ де Граната.

Въ тихомъ безвѣтріи
Свѣтлыхъ пространствъ.

Случевскій.

I.

АЛЬБАТРОСЪ.

Надъ пустыней ночью морей альбатросъ одинокій,
 Разрѣзая ударами крыльевъ соленый туманъ,
 Любовался, какъ царствомъ своимъ, этой бездной широкой,
 И, едва колыхаясь, качался подъ нимъ океанъ.

И порой омрачаясь, далеко, на небѣ холодномъ,
 Одиноко плыла, одиноко горѣла луна.
 О, блаженство быть сильнымъ и гордымъ и вѣчно свободнымъ!
 Одиночество! Миръ тебѣ! Море, покой, тишина!

II.

СВѢТЛЫЙ ГЕРОЙ.

Я слышалъ о свѣтломъ Героѣ,
 Свободномъ отъ всякихъ желаній,
 О немъ, перешедшемъ потокъ.
 Въ лучистомъ застылъ онъ покоѣ,
 Покинувъ нашъ мѣръ восклицаній
 Для славы несозданныхъ строкъ.

Въ разрывахъ глубокой лазури,
 Въ краю отодвинутой дали,
 Съ нимъ тайно колдуетъ Судьба.
 Къ нему не притронутся бури,
 Его не коснутся печали,
 Ему незнакома борьба.

Съ безсмертной загадкой во взорѣ,
 Онъ высится гдѣ-то надъ нами,
 Въ душѣ отразивъ небосводъ.
 Въ высоко-мятущемся морѣ
 Онъ островъ забытый вѣтрами,
 Среди успокоенныхъ водъ.

III.

ПОТУХШИЕ ФАКЕЛЫ.

Факелы, тлѣя, чадятъ,
 Утомленъ наглядѣвшійся взглядъ.
 Дымъ изъ камильницъ излить,
 Наслажденье, усталое, спить.

О, наконецъ, наконецъ,
 Затуманенъ блестящій дворецъ!
 Мысль, отчего жъ ты не спишь,—
 Вкругъ тебя безнадежная тишь!

Жить, умирать, и любить,
 Безпредѣльную цѣльность дробить,—
 Все это было давно
 И, скользнувъ, опустилось на дно.

Тамъ, въ полумглѣ, въ тишинѣ,
 Гдѣ-то тамъ, на таинственномъ днѣ,
 Новыя краски царятъ,
 Драгоценныя камни горятъ.

Ниже, все ниже, все внизъ,
 Замолчавшей душой устремись!
 Въ смерти намъ радость дана,—
 Красота, тишина, глубина!

IV.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮСЪ ЛУНЫ.

Южный полюсъ Луны задремалъ, онъ уснулъ между горъ величавыхъ,
 Поражающихъ правильной формой своей.
 Это — мысль, заключенная въ стройныхъ октавахъ,
 Эти горы живутъ безъ воды, въ полосѣ неподвижныхъ лучей,—
 Ослѣпительно-яркихъ, какъ умъ, и лежащихся отблескомъ страннымъ
 На долины, что спятъ у подножія горъ,
 Между кратеровъ мертвыхъ, всегда свѣтлотканныхъ,
 Вѣчно-тихихъ, нетронутыхъ тьмой, и ничей не ласкающихъ взоръ.
 Эти страшныя горы горятъ неподвижностью вѣчнаго свѣта,
 Надъ холоднымъ пространствомъ безжизненныхъ сновъ.
 Это ужасъ мечты, это дума вѣковъ,
 Запредѣльная жизнь Красоты, безпощадная ясность Поэта.

V.

БЛѢДНЫЙ ВОЗДУХЪ.

Блѣдный воздухъ прохладенъ.
 Не желай. Не скорби.
 Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
 Только Бога люби.

Даль небесъ безпредѣльна.
О, какъ сладко тому,
Кто, хотя бы безцѣльно,
Весь приникнетъ къ Нему.

Въ небѣ царствуютъ луны.
Какъ спокойно вокругъ нихъ!
Златоцвѣтныя струны
Затаили свой стихъ.

Скоро звѣзды проснутся.
Сочетаясь въ узоръ,
Ихъ намеки сплетутся
Въ серебристый соборъ.

Звѣзды—вѣчныя души.
Звѣзды свѣчи зажгли.
Вотъ все глуше и глуше
Темный ропоть земли!

Нѣтъ границъ у лазури.
Слышишь медленный звонъ?
Это прошлыя бури
Погружаются въ сонъ.

Тихо въ царствѣ покоя.
Кругъ завѣтный замкнутъ.
Часъ полночнаго боя
Отошедшихъ минутъ!

Воздухъ чистъ и прохладенъ.
Этотъ мигъ не дроби.
Какъ бы ни былъ ты жаденъ,
Только Бога люби!

VI.

НЕМОЛЧНЫЯ ХВАЛЫ.

Можно пѣть немолчныя хвалы,
 Говоря всегда одно и то же.
 Я люблю провалы горной мглы,
 Гдѣ кричатъ голодные орлы,
 Узкій путь, что съ каждымъ мигомъ строже —
 Выше, выше мчитъ узоръ скалы.
 Но на свѣтѣ мнѣ всего дороже —
 Радость вѣчно пѣть Тебѣ хвалы,
 Милосердный Боже!

VII.

ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.

Камень Іоанна, нѣжный изумрудъ,
 Драгоценный камень ангеловъ небесныхъ, —
 Передъ тѣми двери Рая отомкнутъ,
 Кто тебя полюбитъ въ помыслахъ чудесныхъ, —
 Цвѣтъ расцвѣтшей жизни, свѣтлый изумрудъ!

Твердая опора запредѣльныхъ троновъ,
 Яшма, талисманъ апостола Петра, —
 Храмъ, гдѣ всѣ мы можемъ отдохнуть отъ стоновъ
 Въ часъ когда приходитъ трудная пора, —
 Яшма, украшенье запредѣльныхъ троновъ!

Камень огневой невѣрнаго Оомы,
 Яркій хризолитъ оттѣнка золотого,—
 Ты маякъ сознанья надъ приборомъ тьмы,
 Черезъ тебя мы въ Богѣ убѣдимся снова,—
 Хризолитъ прекрасный мудраго Оомы!

Символы престоловъ, временно забытыхъ,
 Гиацинтъ, агатъ, и дымный аметистъ,—
 Послѣ заблужденій, сердцемъ пережитыхъ,
 Къ небу возвратится тотъ, кто сердцемъ чистъ,—
 Легкій мракъ престоловъ, временно забытыхъ!

Радость высшихъ духовъ, огненный рубинъ,
 Цвѣта красной крови, цвѣта страстной жизни,—
 Между драгоценныхъ камней властелинъ,
 Ты намъ общаешь жизнь въ иной отчизнѣ,—
 Камень высшихъ духовъ, огненный рубинъ!

VIII.

ПРЕДВѢЩАНІЕ.

СОНЕТЪ.

Мнѣ все равно: царемъ ли быть могучимъ,
 Иль мудрецомъ, средь отреченныхъ книгъ,
 Иль облакомъ, бѣгущимъ къ дальнимъ тучамъ,
 Чтобъ засвѣтиться молніей на мигъ.

Всему и всѣмъ сочувственный двойникъ,
 Я ввысь иду по лабиринтнымъ кручамъ,
 Судьба зоветъ, покой пустынь великъ,
 И стихъ въ душѣ звучитъ ключомъ гремучимъ.

Туда, туда! За грани вѣчныхъ горъ!
 Вершины спятъ. Лазурь, покой, просторъ.
 Властительны невидимыя чары.

Въ предсмертной мглѣ дрожить одна звѣзда,
 Надъ дольней тьмой, гдѣ дымные пожары.
 Вершины спятъ. Скорѣй! Туда, туда!

IX.

ВЕРШИНЫ.

МЕДЛЕННЫЯ СТРОКИ.

Вершины бѣлыхъ горъ
 Подъ краснымъ солнцемъ свѣтять.
 Спроси вершины горъ,
 Они тебѣ отвѣтять.

Разскажутъ въ тихій часъ
 Багрянаго заката,
 Что нѣтъ любви для насъ,
 Что къ счастью нѣтъ возврата.

Чѣмъ дальше ты идешь,
 Тѣмъ глубже тайный холодъ.
 Все—истина, все—ложь,
 Блаженъ лишь тотъ, кто молодъ.

Намъ скупо свѣтитъ день,
 А ты такъ жаждешь свѣта.
 Мечтой свой духъ одѣнь,
 Въ иномъ не жди привѣта.

Чѣмъ выше надъ землею,
 Тѣмъ легче хлопья снѣга,
 Съ прозрачной полумглою
 Слилась нѣмая нѣга.

Въ прозрачной полумглѣ
 Ни мрака нѣтъ, ни свѣта.
 Ты плакалъ на землѣ,
 Когда-то, съ кѣмъ-то, гдѣ-то.

Пойми, одинъ, теперь:
 Нѣтъ ярче откровенья,
 Какъ въ сумракѣ потерь
 Забвеніе мгновенья.

Мгновенье красоты
 Бездонно по значенью,
 Въ немъ высшее, чѣмъ ты.
 Служи предназначенью!

Взойди на высоту,
 Побудь какъ лучъ заката,
 Уйди за ту черту,
 Откуда нѣтъ возврата!

X.

М О С Т Ъ.

Между Временемъ и Вѣчностью,
 Какъ надъ брызнувшей водой,
 Къ намъ заброшенъ безконечностью
 Мостъ воздушно-золотой, —

Разноцвѣтностью играющій,
 Видный только для того,
 Кто душою ожидающей
 Любитъ Бога своего,—

Кто, забывъ свое порочное,
 Побѣдилъ громаду золь,
 И, какъ радуга непрочная,
 Возсіялъ — и отошелъ.

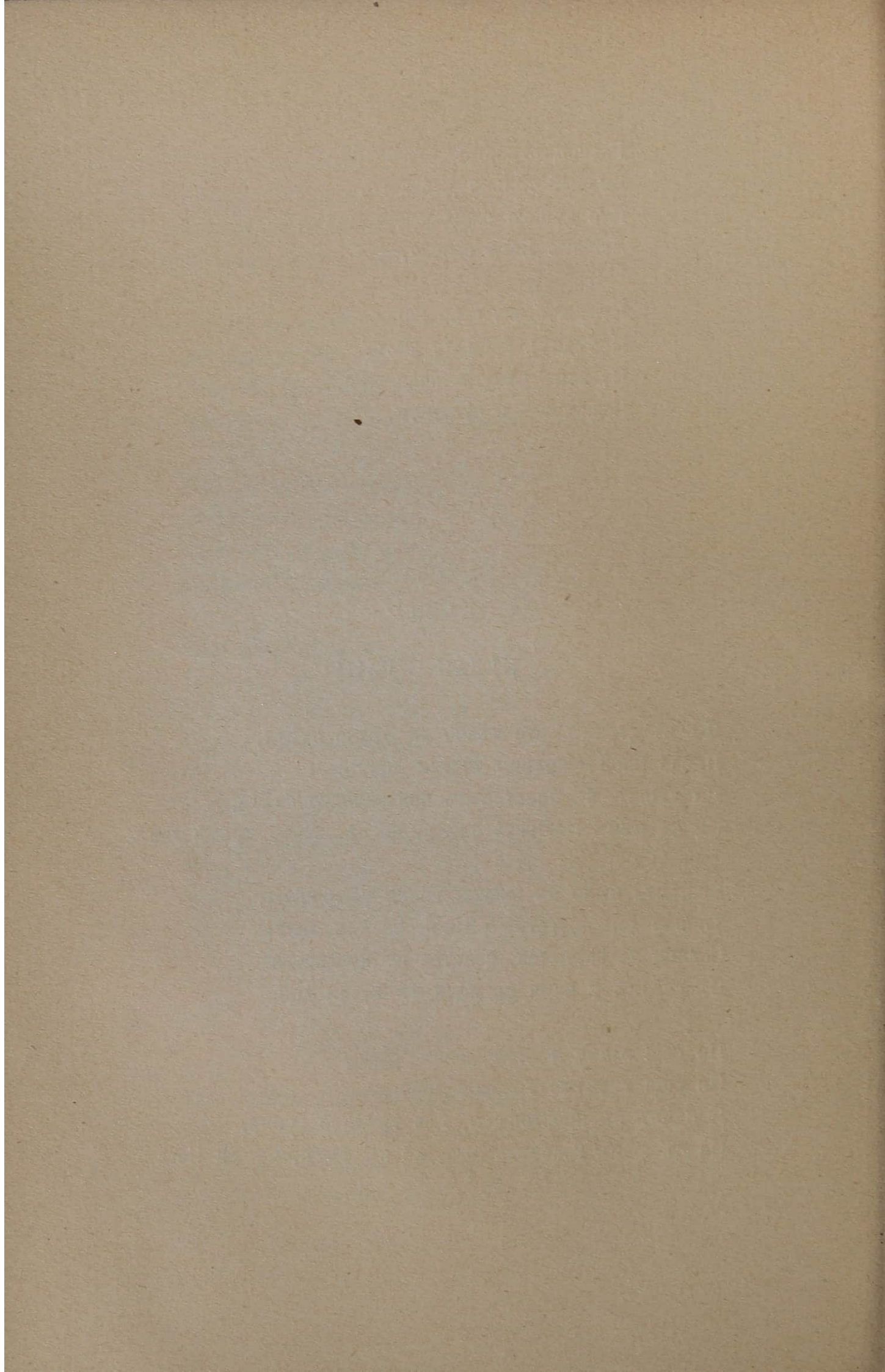
XI.

БѢЛАЯ СТРАНА.

Я—въ странѣ, что вѣчно въ бѣлое одѣта,
 Предо мной—прямая долгая дорога.
 Ни души—въ просторахъ призрачнаго свѣта,
 Не съ кѣмъ говорить здѣсь, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

Все, что было въ жизни, снова улыбнется,
 Только для другого,—нѣтъ, не для меня.
 Солнце не вернется, счастье не проснется,
 Въ сердцѣ у меня ни ночи нѣтъ, ни дня.

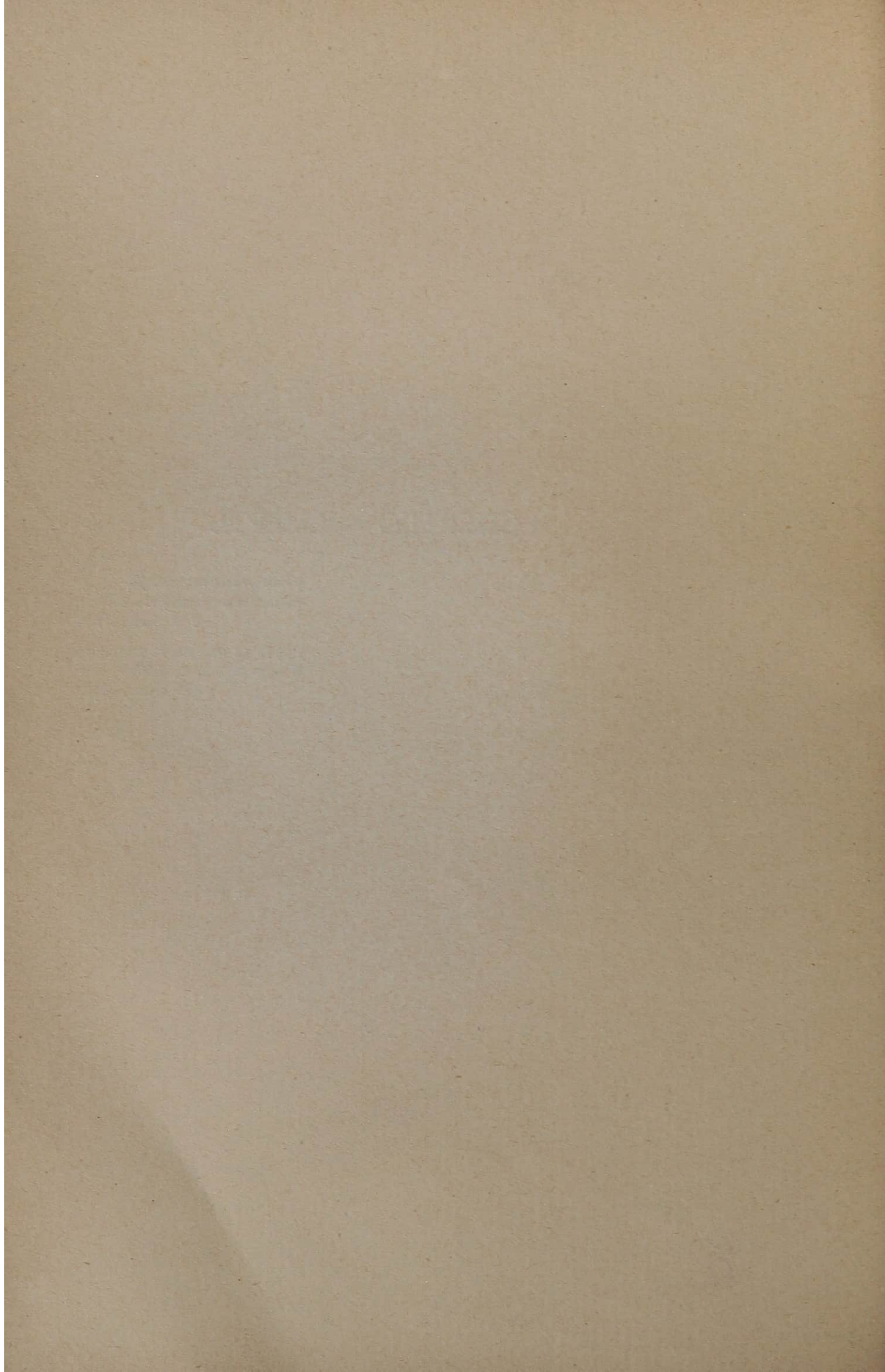
Но еще влачу я этой жизни бремя,
 Но еще куда-то тянется дорога.
 Я одинъ въ просторахъ, гдѣ умолкло время,
 Не съ кѣмъ говорить мнѣ, не съ кѣмъ, кромѣ Бога.

СМЕРТЮ — СМЕРТЬ.

Procul recedant somnia
Et noctium phantasmata...
S. Ambrosius.

Прочь да отступяць видѣнія
И привидѣнья ночей!
Св. Амвросій.

СМЕРТЮ — СМЕРТЬ.

I had a dream...

Lord Byron.

Я видѣлъ сонъ, не все въ немъ было сномъ,
 Воскликнулъ Байронъ въ черное мгновенье.
 Зажженный тѣмъ же сумрачнымъ огнемъ,
 Я расскажу, по силѣ разумѣнья,
 Свой сонъ, — онъ тоже не былъ только сномъ.

И васъ прося о милости вниманья,
 Незримые союзники мои,
 Лишь вамъ я отдаю завоеванье,
 Исполненное мудростью Змѣи.
 Но слушайте мое повѣствованье.

Мнѣ грезилась безмѣрная страна,
 Которая была когда-то Раемъ;
 Она судьбой намъ всѣмъ была дана,
 Мы всѣ ее, хотя отчасти, знаемъ,
 Но та страна проклятью предана.

Ея концы, незримые вначалѣ,
 Какъ стѣны обозначилися мнѣ,
 И видѣлъ я, какъ, полныя печали,
 Дрожанья звѣздъ въ небесной вышинѣ,
 Свой смыслъ понявъ, навѣки отзвучали.

И новое предстало предо мной.
 Небесный сводъ, какъ потолокъ, сталъ низкимъ;
 Украшенный игрушечной Луной,
 Онъ сдѣлался до отвращенья близкимъ,
 И точно очертился кругъ земной.

Надъ этой ямой, вогнутой и грязной,
 Тѣ сонмы звѣздъ, что я всегда любилъ,
 Дымилися, въ игрѣ однообразной,
 Какъ огоньки, что бродятъ межъ могилъ,
 Какъ хлопья пакли, массой безобразной.

На самой отдаленной полосѣ,
 Что не была достаточно далекой,
 Толпились дѣти, юноши — и всѣ
 Толклись на мѣстѣ въ горести глубокой,
 Томилися, какъ бѣлка въ колесѣ.

Но міръ Земли и сочетаній звѣздныхъ,
 Съ роскошествомъ дымящихся огней,
 Достойнымъ балагановъ затрапезныхъ,
 Все дѣлался угрюмѣй и тѣснѣй,
 Бросая тѣнь отъ стѣнъ до стѣнъ желѣзныхъ.

Стѣснилося дыханіе у всѣхъ,
 Но многіе еще просвѣта ждали
 И, стоя въ склепѣ дѣдовскихъ утѣхъ,
 Другъ друга въ чадномъ дымѣ не видали,
 И съ устъ иныхъ срывался дикій смѣхъ.

Но, наконецъ, всѣмъ въ Мірѣ стало ясно,
 Что замкнуть Міръ, что онъ извѣстенъ весь,
 Что какъ желать не быть собой — напрасно,

Такъ наше Тамъ — всегда и всюду Здѣсь,
И Небо надъ самимъ собой не властно.

Я слышалъ вопли: „Кто поможетъ? Кто?“
Но кто же могъ быть сильнымъ между нами!
Повторный крикъ звучалъ: „Не то! Не то!“
Ничто смѣялось, сжавшись, за стѣнами, —
Все сморщенное страшное Ничто!

И вотъ ужъ стѣны сдвинулись такъ тѣсно,
Что груда этихъ стиснутыхъ рабовъ
Въ чудовище одно слилась чудесно,
Съ безумнымъ сонмомъ ликовъ и головъ,
Одно въ своемъ различьи повсемѣстно.

Измучень въ подневольной тѣснотѣ,
Съ чудовищной Змѣею лишко скованъ,
Дрожа отъ омерзенья къ духотѣ,
Я чувствовалъ, что умъ мой заколдованъ,
Что нѣтъ конца уродливой мечтѣ.

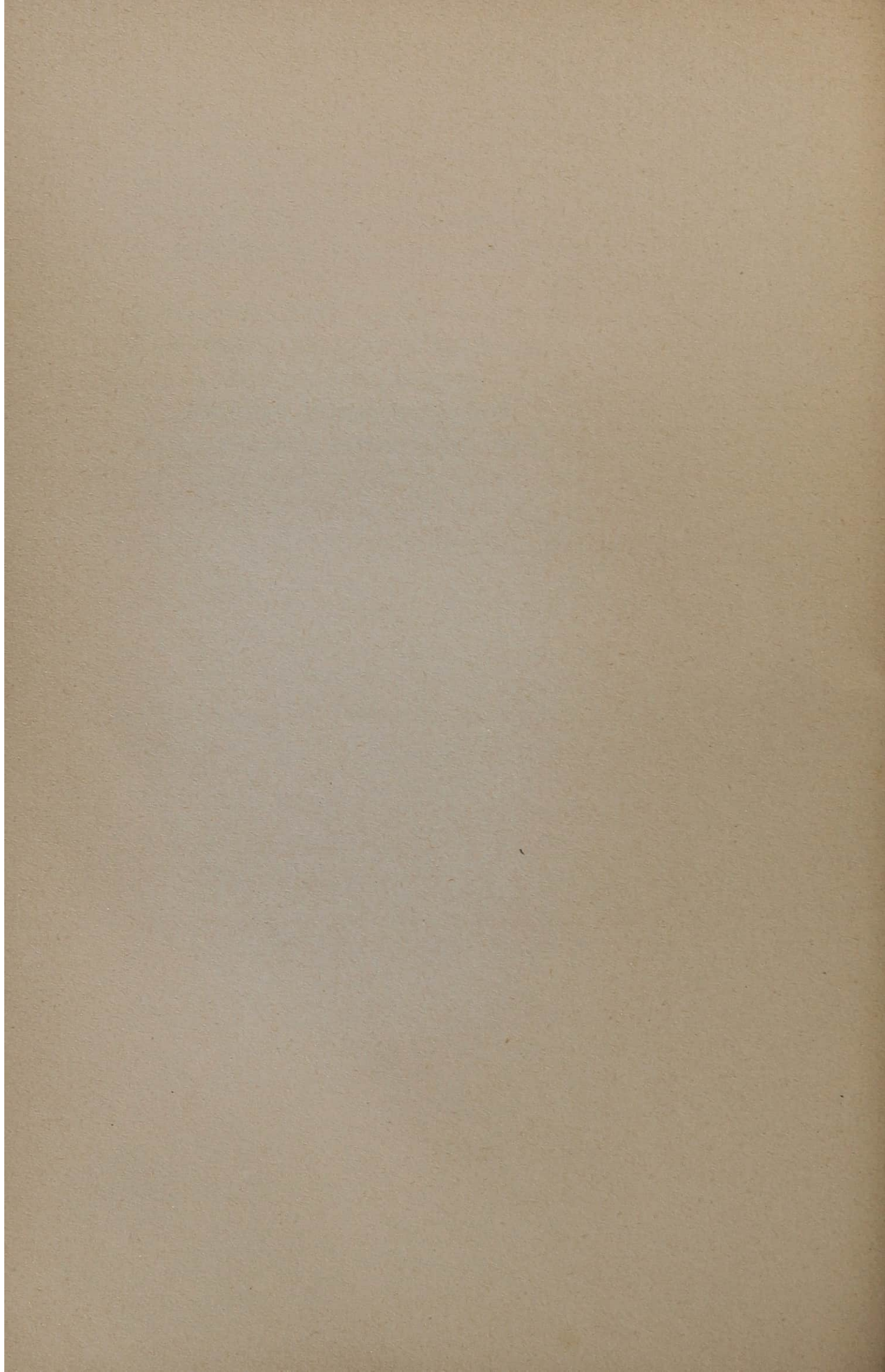
Вдругъ, въ ужасѣ, незнаемомъ дотолѣ,
Я превратился въ главный ликъ Змѣи,
И Міръ — былъ мой, я — у себя въ неволѣ.
О, слушайте, союзники мои,
Что сдѣлалъ я въ невыразимой боли!

Все было сѣрно-изсиня-желто.
Я развернулъ мерцающія звенья,
И, Міръ порвавъ, самъ вспыхнулъ, — но за то,
Горя и задыхаясь отъ мученья,
Я умертвилъ ужасное Ничто.

Какъ сонный мракъ предъ властію разсвѣта,
Какъ облако предъ чарою вѣтровъ,
Вселенная, безсмертіемъ одѣта,
Раздвинулась до самыхъ береговъ,
И смыла ихъ — и дальше — въ море Свѣта.

Вновь манитъ Міръ безвѣстной глубиной,
Нѣтъ больше стѣнь, нѣтъ сказки жалко-скудной,
И я не Змѣй, уродливо-больной,
Я — Люциферъ небесно-изумрудный,
Въ Безбрежности, освобожденной мной.

Будемъ какъ Солнце

Книга Символовъ

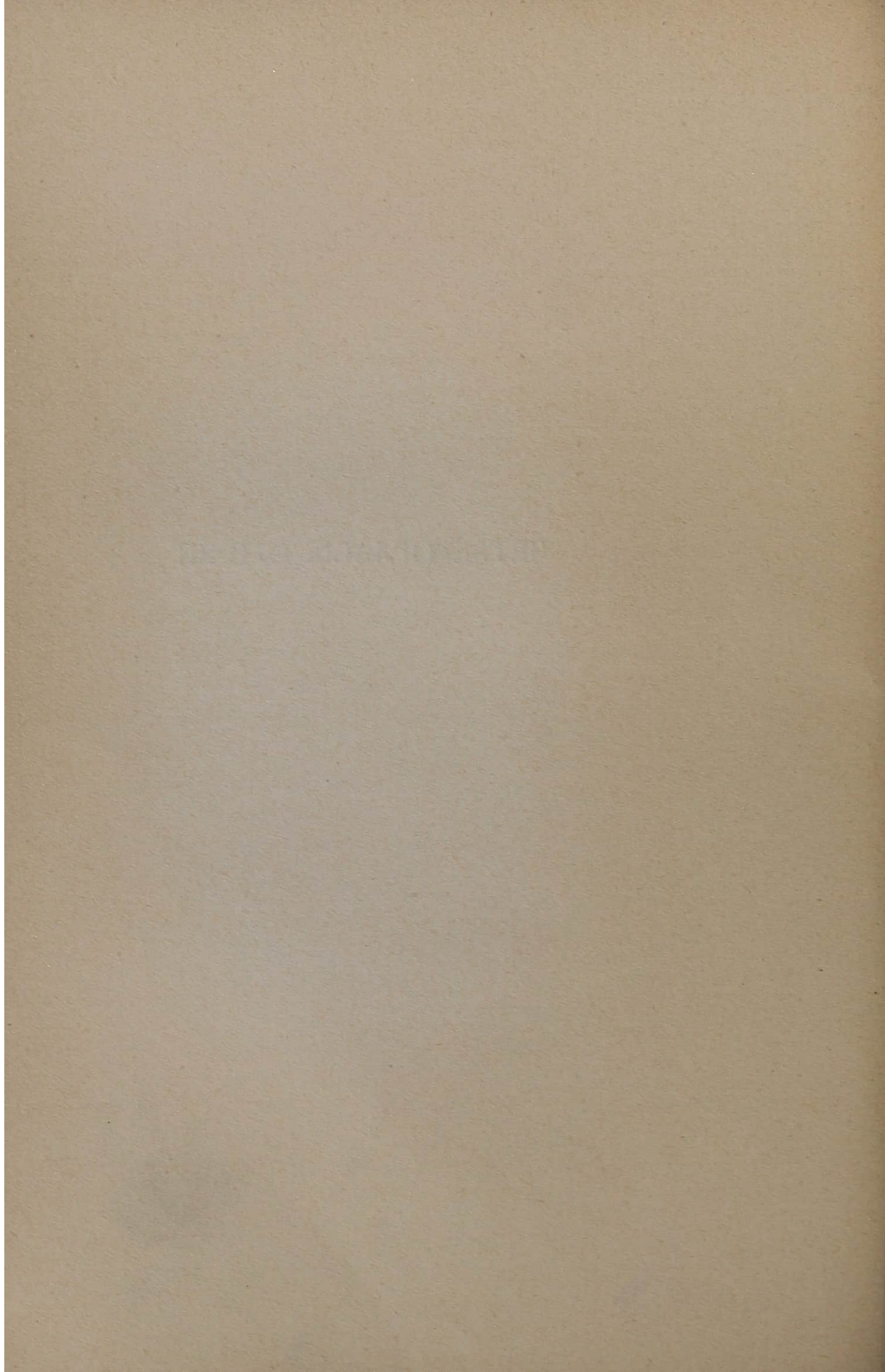
Я въ этотъ міръ пришель, чтобъ видѣть Солнце

Анаксагоръ

1902.—Весна.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

ЧЕТВЕРОГЛАСІЕ СТИХІИ

I.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И синій кругозоръ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
И выси горъ.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Море,
И пышный цвѣтъ долинъ.

Я заключилъ міры въ единомъ взорѣ,
Я властелинъ.

Я побѣдилъ холодное забвенье,
Создавъ мечту мою.

Я каждый мигъ исполненъ откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страданья пробудили,
Но я любимъ за то.

Кто равенъ мнѣ въ въ моей пѣвучей силѣ?
Никто, никто.

Я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть Солнце,
А если день погасъ,

Я буду пѣть... Я буду пѣть о Солнцѣ
Въ предсмертный часъ!

II.

Будемъ какъ Солнце! Забудемъ о томъ,
 Кто насъ ведетъ по пути золотому,
 Будемъ лишь помнить, что вѣчно къ иному,
 Къ новому, къ сильному, къ доброму, къ злomu,
 Ярko стремимся мы въ снѣ золотомъ.
 Будемъ молиться всегда неземному,
 Въ нашемъ хотѣннн земномъ!

Будемъ, какъ Солнце всегда - молодое,
 Нѣжно ласкать огневые цвѣты,
 Воздухъ прозрачный и все золотое.
 Счастливъ ты? Будь же счастливѣе вдвое,
 Будь воплощеньемъ внезапной мечты!
 Только не медлить въ недвижномъ покоѣ,
 Дальше, еще, до завѣтной черты,
 Дальше, насъ манить число роковое
 Въ Вѣчность, гдѣ новые вспыхнутъ цвѣты.
 Будемъ какъ Солнце, оно — молодое.
 Въ этомъ завѣтъ Красоты!

III.

ВОЗДУШНЫЙ ХРАМЪ.

Высоко надъ землею, вечерней и плѣнной,
 Облака затаили огни.
 Сколько образовъ, скованныхъ жизнью мгновенной,
 Предъ очами проводятъ они.

Кто-то свѣтлый тамъ молится, молить кого-то,
Преклоняется, падаетъ ницъ.
И горящихъ небесныхъ иконъ позолота
Отбѣняетъ видѣнія лицъ.

Это храмъ, изъ воздушности свѣтомъ сплетенный,
Въ немъ кадилаицы молча горять.
И стоятъ богомольцы толпой преклоненной,
Выростаетъ ихъ призрачный рядъ.

И одни возникаютъ, другіе уходятъ,
Прошептавши молитву свою.
И ушедшіе — въ мірѣ, незримые, бродятъ,
Созидавая покровъ бытію.

Изъ воздушнаго храма уносятъ далеко
Золотую возможность дождей,
Безотчетную вѣру живого потока,
И молитвенность кроткихъ страстей.

А горячее Солнце, воззвавши ихъ къ жизни,
Наклонилось къ послѣдней чертѣ,
И уходитъ къ своей запредѣльной отчизнѣ,
Въ безпредѣльной своей красотѣ.

И блаженному сладко отдавшись безсилію,
Засмотрѣлось, какъ вечеръ красивъ,
И какъ будто обрызгало свѣтлою пылью
Желтизну созрѣвающихъ нивъ.

IV.

ГОЛОСЪ ЗАКАТА.

1.

Вотъ и Солнце, удаляясь на покой,
 Опускается за сонною рѣкой.
 И послѣдній блескъ по воздуху разлить,
 Золотой пожаръ за липами горить.

А развѣсистыя липы, всѣ въ цвѣту,
 Затаили многоцвѣтную мечту.
 Льютъ плѣнительно медвяный ароматъ,
 Этой пряностью привѣтствуютъ закатъ.

Золотой пожаръ за тканями вѣтвей
 Измѣняется въ нарядности своей.
 Онъ горитъ какъ пламя новыхъ пышныхъ чаръ,
 Лиловато-желто-розовый пожаръ.

2.

Я отошедшій день, какихъ немного было
 На памяти твоей, мечтающій мой братъ.
 Я предвечернее свѣтило,
 Побѣдно-огненный закатъ.

Всѣ краски, сколько ихъ сокрыто въ силѣ свѣта,
 Я въ мысль одну вложилъ, которая горить,
 Въ огонь рубиновый одѣта
 И въ нѣжно-дымный хризолитъ.

Многоразличныя созвучія сіянья
 По небу разбросавъ, я всѣ ихъ слилъ въ одно:
 Въ восторгъ предсмертнаго сознанья,
 Что мнѣ блаженство суждено.

Такъ пышно я горю, такъ радостно-тревожно,
 Въ воздушныхъ облакахъ такъ пламенно сквозя,
 Что быть прекраснѣй — невозможно,
 И быть блаженнѣе — нельзя.

Гляди же на меня, о, духъ мечты печальной,
 Мечтатели земли, глядите на меня:
 Я блескъ бездонности зеркальной
 Роскошно гаснущаго дня.

Любите ваши сны безмѣрною любовью,
 О, дайте вспыхнуть имъ, а не бессильно тлѣть,
 Сознавъ, что теплой алой кровью
 Вамъ нужно ихъ запечатлѣть.

V.

РАЗСВѢТЪ.

Зеленая поляна,
 Деревья, облака.
 Подъ дымкою тумана
 Безгласная рѣка.

Медлительно растушій
 Сомнительный разсвѣтъ.
 Молчанье мысли, ждущей,
 Возникнетъ-ли отвѣтъ.

Безмолвные вопросы
 Влюбленныхъ въ Солнце травъ.
 Когда зажгутся росы,
 Безсмертье увидавъ?

Безсмертное Свѣтило,
 Надежда всѣхъ міровъ,
 Изжито все, что было,
 Разбиты ковы сновъ.

Безсмертное Вліянье
 Немеркнущаго Дня!
 Яви свое сіянье,
 Пересоздай меня!

VI.

ГИМНЪ ОГНЮ.

1.

Огонь очистительный,
 Огонь роковой,
 Красивый, властительный,
 Блестящій, живой!

2.

Безшумный въ мерцаньи церковной свѣчи,
 Многошумный въ пожарѣ,
 Глухой для мольбы, многоликій,
 Многоцвѣтный при гибели зданій,
 Проворный, веселый, и страстный,

Такъ побѣдно -прекрасный,
 Что когда онъ сжигаетъ мое,
 Не могу я не видѣть его красоты,—
 О, красивый Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты!

3.

Ты мѣняешься вѣчно,
 Ты повсюду — другой.
 Ты красный и дымный
 Въ клокотаньи костра.
 Ты какъ страшный цвѣтокъ съ лепестками изъ пламени,
 Ты какъ вставшіе дыбомъ блестящіе волосы.
 Ты трепещешь, какъ желтое пламя свѣчи
 Съ его голубымъ основаньемъ.
 Ты являешься въ быстромъ сіяньи зарницъ.
 Ты, застывши, горишь въ грозовыхъ облакахъ,
 Фиолетовыхъ, аспидно-синихъ.
 Ты средь шума громовъ и напѣва дождей
 Возникаешь невѣрностью молній,
 То изломомъ сверкнешь,
 То сплошной полосой,
 То какъ шаръ, окруженный сіяющимъ воздухомъ,
 Золотой, огневой,
 Съ перемѣнными красными пятнами.
 Ты въ хрустальности звѣздъ, и въ порывѣ кометъ.
 Ты отъ Солнца идешь и, какъ солнечный свѣтъ,
 Согрѣвательно входишь въ растенья,
 И будя, и мѣняя въ нихъ тайную влагу,
 То засвѣтишься алой гвоздикой,
 То зашепчешь какъ колосъ пушистый,
 То протянешься пьяной лозой.
 Ты какъ искра встаешь
 Изъ глухой темноты,
 Долго ждешь, стережешь.

Кто пришел? Это ты!
 Через мигъ ты умрешь,
 Но пока ты живешь,
 Нѣтъ сильнѣй, нѣтъ страннѣй, нѣтъ свѣтлѣй красоты!

4.

Не устану тебя восхвалять,
 О, внезапный, о, страшный, о, вкрадчивый!
 На тебѣ расплавляютъ металлы.
 Близъ тебя создаютъ и куютъ,
 Много тяжкихъ подковъ,
 Много косъ легковонныхъ,
 Чтобъ косить, чтобъ косить,
 Много колець для пальцевъ лилейныхъ,
 Много колець, чтобъ жизни сковать,
 Чтобы въ нихъ, какъ въ цѣпяхъ, годы долгіе быть,
 И устами остывшими слово „любить“
 Повторять.
 Много можешь ты странныхъ вещей создавать,
 Полносложность орудій, чтобъ горы дробить,
 Чтобы цѣнное золото въ безднахъ добыть,
 И отточенный ножъ, чтобъ убить!

5.

Вездѣсущій Огонь, я тебѣ посвятилъ всѣ мечты,
 Я такой же, какъ ты.
 О, ты свѣтишь, ты грѣешь, ты жжешь,
 Ты живешь, ты живешь!
 Въ старину ты, какъ Змѣй, прилеталъ безъ конца,
 И невѣсть похищалъ отъ вѣнца.
 И какъ огненный гость много разъ, въ старину,
 Ты утѣшилъ чужую жену.
 О, блестящій, о, жгучій, о, яростный!

Въ яркомъ пламени нѣсколько разныхъ слоевъ.
 Ты горишь какъ багряный, какъ темный, какъ желтый,
 Весь согрѣтый измѣнчивымъ золотомъ, праздникъ осеннихъ листовъ.
 Ты блестяшь какъ двѣнадцатиплѣтный алмазь,
 Какъ кошачья ласкательность женскихъ влюбляющихъ глазъ,
 Какъ восторгъ изумрудный волны Океана,
 Въ тотъ мигъ какъ она преломляется,
 Какъ весенній листокъ, на которомъ росинка дрожить и качается,
 Какъ дрожанье зеленой мечты свѣтляковъ,
 Какъ мерцанье бродячихъ огней,
 Какъ зажженные свѣтомъ вечернимъ края облаковъ,
 Распростершихъ свой трауръ надъ ликомъ сожженныхъ и гасну-
 щихъ дней!

6.

Я помню, Огонь,
 Какъ сжигалъ ты меня,
 Межъ колдуній и вѣдьмъ, трепетавшихъ отъ ласки Огня.
 Насъ терзали за то, что мы видѣли тайное,
 Сожигали за радость полночного шабаша,
 Но увидѣвшимъ то, что мы видѣли,
 Былъ не страшень Огонь.
 Я помню еще,
 О, я помню другое, горящія зданія,
 Гдѣ сжигали себя добровольно, средь тьмы,
 Межъ невѣрныхъ, невидящихъ, вѣрные, мы.
 И при звукахъ молитвъ, съ изстуженными воплями,
 Мы слагали хваленья Даятелю силъ.
 Я помню, Огонь, я тебя полюбилъ!

7.

Я знаю, Огонь,
 И еще есть иное сіянье для насъ,
 Что горитъ передъ взоромъ навѣки потухнувшихъ глазъ.

Въ немъ внезапное знанье, въ немъ ужасъ, восторгъ
 Предъ безмѣрностью новыхъ глубокихъ пространствъ.
 Для чего, изъ чего, кто ихъ взялъ, кто исторгъ,
 Кто облекъ ихъ въ лучи многозвѣздныхъ убранствъ?
 Я уйду за отвѣтомъ!
 О, душа восходящей стихіи, стремящейся въ твердь,
 Я хочу, чтобы бѣлымъ немеркнувшимъ свѣтомъ
 Засвѣтилась мнѣ — Смерть!

VI.

НОВОЛУНІЕ.

Серпъ Луны молодой,
 Вмѣстѣ съ пышной звѣздой,
 Въ голубой вышинѣ,
 Ярко видится мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
 Надъ застывшей водой,
 На уснувшей волнѣ,
 Станнымъ кажется мнѣ.

Серпъ Луны молодой,
 Съ лучезарной звѣздой,
 Въ голубой тишинѣ,
 Сказкой чудится мнѣ.

VIII.

ЛУННОЕ БЕЗМОЛВІЕ.

Въ лѣсу безмолвіе возникло отъ Луны,
 Но внятно чудится дрожаніе струны,
 И свѣтъ властительный нисходитъ съ вышины.

Какая сонная надъ лѣсомъ красота,
 Какъ четко видится мельчайшая черта,
 Какъ стынеть скованно вонъ та сосна и та.

Воздушно-бѣлыя недвижны облака,
 Зеркально-царственна холодная рѣка,
 И даль небесная во влагѣ глубока.

Непрерываемо дрожаніе струны,
 Ненарушаема воздушность тишины,
 Неисчерпаемо вліяніе Луны.

IX.

ВЛІЯНІЕ ЛУНЫ.

Я шель безбрежными пустынями,
 И видѣлъ блѣдную Луну,
 Она плыла морями синими,
 И опускалася ко дну.

И не ко дну, а къ безъизмѣрности,
 За кругозорностью земной,
 Гдѣ нѣтъ измѣнъ и нѣтъ невѣрности,
 Гдѣ все объято тишиной.

Тамъ нѣтъ вѣтровъ свирѣподышащихъ,
 Тамъ нѣтъ ни друга, ни врага,
 Тамъ нѣтъ морей, себя не слышащихъ
 И звонко бьющихъ въ берега.

Тамъ все застывшее, безстрастное,
 Хотя внушающее страсть,—
 Затѣмъ что это царство ясное
 Свою намъ передало часть.

Въ насъ отъ него встаютъ желанія,—
 Какъ эхо, грянувшее вдругъ,
 Встаетъ изъ соннаго молчанія,
 Когда ужъ умеръ самый звукъ.

И бродимъ, бродимъ мы пустынями,
 Средь лунатическаго сна,
 Когда бездонностями синими
 Надъ нами властвуетъ Луна.

Мы подчиняемся, склоняемся
 Передъ царицей тишины,
 И въ сны свои свѣтло влюбляемся
 По мановенію Луны.

X.

ВОСХВАЛЕНИЕ ЛУНЫ.

ПСАЛОМЪ.

1.

Восхвалимъ, братья, царствіе Луны,
 Ея лучомъ ниспосланные сны,
 Владычество великой тишины.

Возславимъ, сестры, блѣдную Луну,
 Лучистую полюбимъ глубину,
 И тайну сновъ, ее, ее одну.

2.

Мнѣ страшно, страшно: какъ сумѣю
 Царицу сердца восхвалить?
 Какъ рабъ влюбленный, я предъ нею
 Блаженно гасну, цѣпенѣю,
 И мысли лучшія не смѣю
 Соткать въ серебряную нить.

Да не сочтеть за дерзновенье
 Царица пышная, Луна,
 Что, вѣря въ яркое мгновенье,
 Въ безумномъ снѣ самозабвенья,
 Поетъ ей рабъ свое хваленье,
 И да звенить его струна.

О, души блѣдныя, внемлите,
 Я стройный гимнъ пою Лунѣ,
 Со мной душой своей сплетите
 Непогасающія нити,
 Мечты влюбленные храните,
 Любовь любите въ сладкомъ снѣ.

3.

Наша царица вѣчно мѣняется,
 Будемъ слагать перемѣнныя строки,
 Славя ее.

Духъ мой дрожащій любить, склоняется,
 Въ лунномъ сіяньи — мы грезы, намеки,
 Счастье мое.

Наша царица, блѣдная, ясная,
 Свѣтитъ сіяньемъ зеленыхъ очей.
 Какъ же люблю я тебя, о, прекрасная,
 Вѣчно-нежданная, стройная, властная,
 Въ самомъ безстрастїи пламенно-страстная,
 Тайну познавшая лунныхъ лучей.

Какъ это чувство, какъ называется?
 Только тебя я вездѣ замѣчаю,
 Только одну.
 Это лишь чувство не забывается,
 Взорами взоры твои я встрѣчаю,
 Славя Луну.

Наша царица, блѣдная, снѣжная,
 Гаснетъ, какъ ты, озаряется вновь.
 Какъ называется боль безнадежная,
 Сладкая пытка, мучительность нѣжная,
 Трепетность зыбкая, радость безбрежная?
 Милая! Милая! Это любовь!

4.

Луна велитъ слагать ей восхваленья,
 Быть нѣжными, когда мы влюблены,
 Любить, желать, ласкать до изступленья,
 Итакъ восхвалимъ царствіе Луны.

Она глядитъ изъ свѣтлой глубины,
 Изъ ласковой прохлады отдаленья,
 Она велитъ любить намъ зыбь волны,
 И даже смерть, и даже преступленье.

Ея лучи какъ змѣи къ намъ скользятъ,
 Объятіемъ своимъ завладѣваютъ,
 Въ нихъ вкрадчивый неувимый ядъ.

Отъ нихъ безумнымъ дѣлается взглядъ,
 Они, блестя, всѣ мысли убиваютъ,
 И намъ о безконечномъ говорятъ.

5.

Она мѣняется опять,
 И намъ такъ сладко повторять
 Созвучно-стройные напѣвы.
 Она возникла надъ водой,
 Какъ призракъ сказки золотой,
 Какъ блѣдный ликъ невѣрной дѣвы.

Она опальная мечта,
 Она печальна и чиста,
 Она одинъ намекъ на нѣжность.
 Но вотъ сейчасъ, но вотъ сейчасъ
 Огнемъ своихъ зеленыхъ глазъ
 Она разрушитъ безмятежность.

Она холодный свѣтъ пролететь,
 И волю чарами убьетъ,
 Она сибилла и колдунья.
 Въ душѣ разъялась глубина,
 Душѣ судьба ея видна,
 Въ очарованьи новолунья.

6.

О, вновь родясь, она пьянитъ сердца,
Внушая мысль, что жизнь — одна влюбленность,
Когда же мы достигнемъ до конца,
Погаснувъ, мы находимъ обновленность.

Ущербная, уставъ лучомъ плѣнять,
Она наводитъ ужасъ на поэта,
И, сглазивъ душу, ей даетъ понять,
Что можно все, что нѣтъ ни въ чемъ запрета.

Когда же закруглится по краямъ,
Она горитъ какъ чаша золотая,
Въ которой боги пить даютъ богамъ,
Тамъ, гдѣ любовь бессмертно-молодая.

Еще, и вотъ — она, какъ рдяный щитъ,
Какъ полнота пылающаго шара,
Къ болотамъ, къ топямъ, внизъ, спѣшитъ, спѣшитъ,
Горитъ за лѣсомъ заревомъ пожара.

Волнуетъ жабъ, мѣняетъ видъ живыхъ,
Ихъ дѣлаетъ похожими на мертвыхъ,
И въ омутахъ двоится роковыхъ,
Въ затонахъ, западнями распростертыхъ.

Пугаетъ безпредѣльной тишиной,
Вздымаетъ безграничность океановъ, —
И вновь горитъ блистательной Луной,
Въ одеждѣ изъ серебряныхъ тумановъ.

7.

Итакъ, попавши въ плѣнъ земной,
Возлюбимъ, братья, мѣръ иной,
Слѣдя за царственной — Луной.

Внемлите вкрадчивой струнѣ,
И присягните молча мнѣ
Въ повиновеніи — Лунѣ.

Возславимъ, сестры, глубину,
Любовь къ любви, любовь-волну,
Восхвалимъ ласки и — Луну.

Она одна, она одна
Для всѣхъ влюбленныхъ намъ дана,
Непобѣдимая — Луна!

XI.

В Л А Г А.

Съ лодки скользнуло весло.
Ласково млѣетъ прохлада.
„Милый! Мой милый!“ — Свѣтло,
Сладко отъ бѣглаго взгляда.

Лебедь уплылъ въ полумглу,
Вдаль, подъ Луною бѣлѣя.
Ластятся волны къ веслу,
Ластится къ влагѣ лилея.

Слухомъ невольно ловлю
Лепетъ зеркальнаго лона.
„Милый! Мой милый! Люблю!“ —
Полночь глядитъ съ небосклона.

XII.

ВОЗЗВАНЬЕ КЪ ОКЕАНУ.

Океанъ, мой древній прародитель,
 Ты хранишь тысячелѣтній сонъ.
 Свѣтлый сумракъ, жизнедатель, мститель,
 Водный, вглубь ушедшій, небосклонъ!

Зеркало предвѣчныхъ начинаній,
 Видѣвшее первую зарю,
 Знающее больше нашихъ знаній,
 Я съ тобой, съ безсмертнымъ, говорю!

Ты никѣмъ не скованная цѣльность.
 Міръ земли для сердца мертвъ и пустъ, —
 Ты же вѣчно дышешь въ безпредѣльность
 Тысячами юно-жадныхъ устъ!

Тихій, бурный, нѣжный, стройно-важный,
 Ты какъ жизнь: и правда, и обманъ.
 Дай мнѣ быть твоей пылинкой влажной,
 Каплей въ вѣчномъ... Вѣчность! Океанъ!

XIII.

БѢЛЫЙ ПОЖАРЪ.

Hier stehe ich inmitten des
 Brandes der Brandung.

N i e t z s c h e.

Я стою на прибрежьи, въ пожарѣ прибоя,
 И волна, проблиставъ бѣлизной въ вышинѣ,
 Точно конь, распаленный отъ бѣга и боя,
 Въ напряженьи предсмертномъ домчалась ко мнѣ.

И за нею другія, какъ бѣлые кони,
Разметавъ свои гривы, несутся, бѣгутъ,
Замираютъ отъ ужаса дикой погони,
И себя торопливостью жадною жгутъ.

Опрокинулись, вспыхнули, вправо и влево, —
И, предъ смертью вздохнувъ и блеснувши полнѣй,
На песокъ умираютъ въ дрожаніи гнѣва
Языки обезсиленныхъ бѣлыхъ огней.

XIV.

ДВОЙНАЯ ЖИЗНЬ.

Мы унижаемся и споримъ
Съ своею собственной душой.
Я на годъ надышался моремъ,
И на годъ я для всѣхъ чужой.

Своихъ я бросилъ въ чуждыхъ странахъ,
Ушелъ туда, гдѣ гуль волны,
Тонулъ въ серебряныхъ туманахъ,
И видѣлъ царственные сны.

Въ прозрачномъ взорѣ отражая
Всю безграничность блѣдныхъ водъ,
Моя душа, для всѣхъ чужая,
Непостижимостью живетъ.

Понявъ подвижность легкой пѣны,
Я создаю дрожащій стихъ,
И такъ люблю свои измѣны,
Какъ неизмѣнность всѣхъ своихъ.

Недѣли странствій миновали,
 Я къ нимъ вернусь для тишины,
 Для неразсказанной печали,
 И для сверканія струны.

Въ тотъ часъ, когда погаснетъ Солнце,
 Она забьется, запоетъ,
 Свѣтлѣе звонкаго червонца,
 И полнозвучнѣй синихъ водъ.

XV.

Л Ъ Д И Н Ы.

На льдинѣ холодной
 Плыву я одинъ.
 Угрюмый, свободный,
 Средь царственныхъ льдинъ.

И вѣтеръ чуть дышитъ,
 Какъ смолкнувшій зовъ.
 Но сердце не слышитъ
 Родныхъ голосовъ.

Но сердце не хочетъ
 Отраду найти.
 И вѣтеръ пророчить
 О вѣчномъ пути.

Плывутъ властелины
 Угрюмыхъ глубинъ,
 Свободныя льдины,
 Я въ морѣ — одинъ.

Любилъ я когда-то,
 Но смѣхъ и печаль
 Ушли безъ возврата
 Въ туманную даль.

Далеко, далеко
 Созданія сна.
 Какъ мертвое око,
 Мнѣ свѣтитъ Луна.

Надъ водной равниной
 Лишь вѣтеръ одинъ.
 Да льдина за льдиной
 Встаетъ изъ-за льдинъ.

XVI.

С О Н Ъ.

Я спалъ. Я былъ свободенъ.
 Мой духъ соткалъ мнѣ сонъ.
 Онъ съ жизнью былъ несходенъ,
 Но съ жизнью сопряженъ.

Въ немъ странны были свѣты,
 Въ немъ было все — Луной.
 Знакомые предметы
 Манили новизной.

Такъ лунно было, лунно,
 Въ моемъ застывшемъ снѣ,
 И что-то многострунно
 Звучало въ вышинѣ.

Небьющіяся воды
 Мерцали неспѣша.
 Въ безкровности Природы
 Вездѣ была — душа.

И въ воздухѣ застыли,
 Захвачены Луной,
 Видѣнья давней были,
 Знакомыя со мной.

Обрывы и уклоны,
 И облаки, и сны.
 Но снова пѣли звоны
 Съ воздушной вышины.

И мѣръ былъ безпредѣленъ,
 Пронзенный блескомъ льдинъ.
 Я былъ свободенъ, цѣленъ.
 Я спалъ. Я былъ одинъ.

XVII.

СЪ МОРСКОГО ДНА.

1.

На темномъ влажномъ днѣ морскомъ,
 Гдѣ царство блѣдныхъ дѣвъ,
 Неясно носится кругомъ
 Безжизненный напѣвъ.
 Въ немъ нѣтъ дрожанія страстей,
 Ни стона прошлыхъ лѣтъ.
 Здѣсь нѣтъ цвѣтовъ и нѣтъ людей,
 Воспоминаній нѣтъ.

На этомъ темномъ влажномъ днѣ
 Нѣтъ волнъ и нѣтъ лучей.
 И пѣсня дѣвъ звучитъ во снѣ,
 И тотъ напѣвъ ничей.
 Ничей, ничей, и вмѣстѣ всѣхъ,
 Они во всемъ равны,
 Одинъ у нихъ беззвучный смѣхъ
 И безразличны сны.
 На тихомъ днѣ, среди камней,
 И влажно-свѣтлыхъ рыбъ,
 Никто, въ мельканьи ровныхъ дней,
 Изъ блѣдныхъ не погибъ.
 У всѣхъ прозрачный взоръ красивъ,
 Поютъ они межъ травъ,
 Души страданьемъ не купивъ,
 Души не потерявъ.
 Межъ травъ прозрачныхъ и прямыхъ,
 Безкровныхъ, какъ они,
 Тотъ звукъ поетъ о снахъ нѣмыхъ:
 „Усни — усни — усни“.
 Тотъ звукъ поетъ: „Прекрасно дно
 „Безстрастной глубины.
 „Прекрасно то, что все равно,
 „Что здѣсь мы всѣ равны“.

2.

Но тихо, такъ тихо, межъ дѣвъ, задремавшихъ вокругъ,
 Послышался новый, дотолѣ невѣдомый, звукъ.
 И нѣжно, такъ нѣжно, какъ вздохъ неподводной травы,
 Шепнулъ онъ: „Я съ вами, но я не такая, какъ вы.
 „О, блѣдныя сестры, простите, что я не молчу,
 „Но я не такая, и я не такого хочу.

„Я такъ же воздушна, я дѣва морской глубины.
 „Но странное чувство мои затуманило сны.
 „Я между прекрасныхъ прекрасна, стройна, и блѣдна.
 „Но хочется знать мнѣ, одна ли намъ правда дана.
 „Мы дышемъ во влагѣ, среди самоцвѣтныхъ камней.
 „Но что если въ мѣрѣ и любятъ и дышутъ полнѣй,
 „Но что если, выйдя до волнъ, гдѣ бѣгутъ корабли,
 „Увижу я дали, и жгучее Солнце вдали!“

И точно понявши, что понятымъ быть не должно,
 Всѣ дѣвы умолкли, и стало въ ихъ сердцахъ темно.
 И вдругъ поблѣднѣвши, исчезли, дрожа и скользя,
 Какъ будто услышавъ, что слышать имъ было нельзя

3.

А та, которая осталась,
 Блѣдна и холодна?
 Ей стало страшно, сердце сжалось,
 Она была одна?
 Она любила хороводы,
 Межъ искристыхъ камней,
 Она любила эти воды,
 Въ мельканьи ровныхъ дней.
 Она любила этихъ блѣдныхъ
 Исчезнувшихъ сестеръ,
 Мечту ихъ сказокъ заповѣдныхъ,
 И призрачный ихъ взоръ.
 Куда она идетъ отсюда?
 Быть-можетъ, тамъ темно?
 Быть-можетъ, нѣтъ прекраснѣй чуда,
 Какъ это — это дно?
 И какъ пробиться ей, воздушной,
 Сквозь безразличность водъ?
 Но мысль ея, какъ другъ послушный,
 Уже зоветъ, зоветъ.

4.

Ей вдругъ припомнилось такъ ясно,
 Что мѣсто есть, гдѣ зыбко дно.
 Тамъ все такъ странно, страшно, красно,
 И всѣмъ тамъ быть запрещено.
 Тамъ есть завѣтная пещера,
 И кто-то чудный тамъ живетъ.
 Колдунъ? Колдунья? Звѣрь? Химера?
 Владыка жизни? Гевій водъ?
 Она не знала, но хотѣла
 На запрещенье посягнуть.
 И вотъ у тайнаго предѣла
 Она ужъ молить: „Гдѣ мой путь?“
 Изъ этой мглы, такъ странно-красной
 Въ безлично-блѣдной глубинѣ,
 Раздался чей-то голось властный:
 „Теперь и ты пришла ко мнѣ!
 „Ихъ было много, пожелавшихъ
 Покинуть царство глубины,
 И въ неизвѣстномъ мірѣ ставшихъ,—
 Чѣмъ всѣ, кто въ мірѣ, стать должны.
 „Сюда оттуда нѣтъ возврата,
 Вернуться можетъ только трупъ,
 Чтобъ рассказать свое „Когда-то“—
 Усмѣшкой горькой мертвыхъ губъ.
 „И что въ томъ мірѣ неизвѣстномъ,
 Мнѣ рассказать тебѣ нельзя.
 Но чрезъ меня, путемъ чудеснымъ,
 Тебя ведетъ твоя стезя“.
 И вотъ колдунъ, или колдунья,
 Вѣщаетъ дѣвѣ глубины:

„Сегодня въ мірѣ новолунье,
 Сегодня царствіе Луны.
 „Есть въ Морѣ скрытыя теченья,
 И ты войдешь въ одно изъ нихъ,
 Твое свершится назначенье,
 Ты прочь уйдешь отъ водъ морскихъ.
 „Ты минешь море голубое,
 Въ моря зеленыя войдешь,
 И въ море алое, живое,
 И въ вольномъ воздухѣ вздохнешь.
 „Но, прежде чѣмъ въ безвѣстность глянешь,
 Ты будешь въ образѣ другомъ.
 Не блѣдной дѣвой ты предстанешь,
 А торжествующимъ цвѣткомъ.
 „И нѣжно-женственной богиней,
 Съ душою, полной глубины,
 Простишься съ водною пустыней,
 Достигнувъ уровня волны.
 „И послѣ таинствъ лунной ночи,
 На этой вкрадчивой волнѣ,
 Ты широко раскроешь очи,
 Увидѣвъ Солнце въ вышинѣ!“

5.

Прекрасны воздушныя ночи,
 Для тѣхъ, кто любилъ и погасъ,
 Кто зналъ, что короче, короче
 Единственный сказочный часъ.
 Прекрасно вліянье чуть зримой,
 Едва нарожденной Луны,
 Для женскихъ сердець ощутимой
 Сильнѣй, чѣмъ пышнѣйшіе сны.

Но то, что всего полновластнѣй,
 Во мглѣ торжества своего, —
 Цвѣтокъ нераскрытый, — прекраснѣй,
 Онъ лучше, нѣжиѣ всего.
 Да будетъ безсмертно отнынѣ
 Безумство души неземной,
 Явившейся въ водной пустынѣ,
 Съ едва нарожденной Луной.
 Она выплывала къ теченью
 Той вкрадчивой зыбкой волны,
 Незримому вѣря влеченью,
 Въ безвѣстные вѣруя сны.
 И ночи себя предавая,
 Расцвѣтшій цвѣтокъ на волнѣ,
 Она засвѣтилась, живая,
 Она возродилась вдвойнѣ.
 И утро на небо вступило,
 Ей было такъ странно-тепло.
 И Солнце ее ослѣпило,
 И Солнце ей очи сожгло.

6.

И цѣлый день, бурунами носима
 По плоскости стекла,
 Она была межъ волнъ какъ призракъ дыма,
 Бездушна и бѣла.
 По плоскости, изломанной велненьемъ,
 Носилась безъ конца.
 И не слѣдилъ никто за измѣненъемъ
 Страдавшаго лица.
 Не видѣлъ ни одинъ, что тамъ живая
 Какъ мертвая была, —

И какъ она тонула, выплывая,
 И какъ она плыла.
 А къ вечеру, когда въ холодной дали
 Сверкнули маяки,
 Ее совсѣмъ случайно подобрали,
 Всю въ пѣнѣ, рыбаки.
 Былъ мертвень свѣтъ въ глазахъ ея застывшихъ,
 Но сердце билось въ ней.
 Былъ дологъ гулъ приливовъ, отступившихъ
 Съ береговыхъ камней.

7.

Весной, въ новолунье, въ прозрачный тотъ часъ,
 Что двойственно вѣченъ и новъ,
 И сладко волнуетъ и радуетъ насъ,
 Колебясь на грани міровъ,
 Я вздрогнулъ отъ взора двухъ призрачныхъ глазъ,
 Въ одномъ изъ большихъ городовъ.
 Глаза отражали застывшіе сны,
 Подъ тѣнью безжизненныхъ вѣкъ,
 Въ нихъ не было чаръ уходящей весны,
 Огней убѣгающихъ рѣкъ,
 Глаза были полны морской глубины,
 И были слѣпыми навѣкъ.
 У темнаго дома стояла она,
 Видѣнье тяжелыхъ потеръ,
 И я изъ высокаго видѣлъ окна,
 Какъ замкнута черная дверь,
 Предъ блѣдною дѣвой съ глубокаго дна,
 Что нищею ходить теперь.
 Въ томъ сумрачномъ домѣ, большой вышины,
 Балладу о морѣ я пѣлъ,

О дѣвѣ, которую мучили сны,
 Что есть неподводный предѣлъ,
 Что, можетъ-быть, въ мірѣ двѣ правды даны
 Для душъ и для жаждущихъ тѣлъ.
 И съ болью я медлилъ и ждалъ у окна,
 И явственно слышалъ въ окно
 Два слова, что молвила дѣва со дна,
 Мнѣ вамъ передать ихъ дано:
 „Я видѣла Солнце“, — сказала она, —
 „Что послѣ, — не все-ли равно!“

XVIII.

Д О Ж Д Ъ.

Въ углу шуршали мыши,
 Весь домъ застылъ во снѣ.
 Шель дождь, и капли съ крыши
 Стекали по стѣнѣ.

Шель дождь, лѣнивый, вялый,
 И маятникъ стучалъ.
 И я душой усталой
 Себя не различалъ.

Я слился съ этой сонной
 Тяжелой тишиной.
 Забытый, обдѣленный,
 Я весь былъ тьмой ночной.

А бодрый, какъ могильщикъ,
 Во мнѣ тревожа мракъ,

Въ стѣнѣ жучокъ - точильщикъ
Твердилъ: „Тикъ - такъ. Тикъ - такъ“.

Равняя звуки точкамъ,
Началу всѣхъ началъ,
Онъ тонкимъ молоточкомъ
Стучалъ, стучалъ, стучалъ.

И атомы напѣва,
Сплетааясь въ тишинѣ,
Спокойно и безъ гнѣва
„Умри“ твердили мнѣ.

И мертвый, бездыханный,
Какъ трупъ задутыхъ свѣчъ,
Я слушалъ въ скорби странной
Вѣщательную рѣчь.

И тише кто-то, тише,
Шептался обо мнѣ.
И капли съ темной крыши
Стекали по стѣнѣ.

XIX.

ПРЕРЫВИСТЫЙ ШЕЛЕСТЬ.

Есть другія планеты, гдѣ вѣтры пѣвучіе тише,
Гдѣ небо блѣднѣе, травы тоньше и выше,
Гдѣ прерывисто льются
Перемѣнные свѣты,

Но своей переменною только ласкаютъ, смѣются.
 Есть иныя планеты,
 Гдѣ мы были когда-то,
 Гдѣ мы будемъ потомъ,

Не теперь, а когда, потерявъ —
 Себя потерявъ безъ возврата,
 Мы будемъ любить истомленные стебли сѣдыхъ шелестящихъ травъ,
 Безъ аромата,

Тонкихъ, высокихъ, какъ звѣзды — печальныхъ,
 Любящихъ сонный покой — мѣсть погребальныхъ,
 Надъ нашей могилою спящихъ,
 И тихо, такъ тихо, такъ сумрачно-тихо, подъ Луной шелестящихъ.

XX.

БЕЗВѢТРІЕ.

Я чувствую какія-то прозрачныя пространства,
 Далеко въ безпредѣльности, свободной отъ всего;
 Въ нихъ нѣтъ ни нашей радуги, ни звѣзднаго убранства,
 Въ нихъ все хрустально-призрачно, воздушно, и мертво.

Безмѣрными провалами небеснаго Эѳира
 Они какъ бы оплотами отъ насъ ограждены,
 И, въ центрѣ мірозданія, они всегда внѣ міра,
 Свѣтлѣй снѣговъ нетающихъ нагорной вышины.

Нѣжнѣй, чѣмъ ночью лунною дрожанье паутины,
 Нѣжнѣй, чѣмъ отраженія перистыхъ облаковъ,
 Чѣмъ въ замыслѣ художника рожденіе картины,
 Чѣмъ даль навѣкъ утраченныхъ родимыхъ береговъ.

И только тѣ, что въ сумракѣ скитанія земного
 Объ этихъ странахъ помнили, всегда лишь ихъ любя,
 Оттуда въ міръ пришедшіе, туда вернуться снова,
 Чтобъ въ царствіи Безвѣтрія навѣкъ забыть себя.

XXI.

СНѢЖИНКИ.

Если, рѣя, пропадая,
 Цѣпенѣя, и блистая,
 Вьются хлопья снѣжные,—
 Если сонно, отдаленно,
 То съ упрекомъ, то влюбленно,
 Звуки плачутъ нѣжные,—

Если рдѣютъ, и блистаютъ,
 И рѣдѣютъ, упадаютъ
 Листья полумертвые,—
 Въ сердцѣ — нѣжно, безнадежно,
 И горять въ немъ такъ безбрежно
 Дали распростертыя.

Сердце хочетъ, упрекаетъ,
 И пророчить, отвергаетъ
 Грани думъ извѣданныхъ,—
 Просить странныхъ, безъимянныхъ,
 Въ красотѣ своей нежданныхъ,
 Свѣтовъ заповѣданныхъ.

Но блаженство только въ вѣчномъ,
 Совершенство въ безупречномъ,
 Смерть не пропасть черная.

Вѣчно, всюду, только чуду
Я душой молиться буду,—
Есть нерукотворное!

О, мгновенье умиранья,
Упоенье и прощанье,
Въ морѣ неизбежности!
Мы страдаемъ, пропадаемъ,
Но себя мы побѣждаемъ
Нашимъ сномъ Безбрежности!

XXII.

КЪ ВѢТРУ.

Что мнѣ осталось, кромѣ глубокой,
Кромѣ бездонной печали?
Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, одинокій,
Все мы съ тобою встрѣчали.

Что полюбить мнѣ, кромѣ безбрежной,
Вглубь ускользящей дали?
Вѣтеръ, о, Вѣтеръ, какъ я, безнадежный,
Быстро мы все увидали.

Что же мы ищемъ въ безднахъ невѣрныхъ,
Тѣ же въ концѣ, какъ въ началѣ?
Все мы постигли въ пространствахъ безмѣрныхъ,
Только себя не узнали.

XXIII.

ВѢТЕРЬ ГОРЬ И МОРЕЙ.

Вѣтеръ, вѣчный мой братъ,
Вѣтеръ горь и морей,
Что такое есть въ пѣснѣ протяжной твоей,
Что волнуетъ меня, какъ ненайденный кладъ,
И со мной говоритъ въ полумракѣ ночей,
И меня увлекаетъ куда-то назадъ,
Къ освѣжительнымъ снамъ,—
И какъ духъ я иду по прозрачнымъ волнамъ,
Надо мной въ высотѣ сочетанья планетъ,
И созвучной мечтѣ окончанія нѣтъ,
Всюду звонъ, всюду свѣтъ,
Всюду сонъ міровой,
Глубина хороша красотой неживой,
Тамъ какъ будто бы льды изъ хрустальной воды,
И чтобъ тихо горѣть, имъ не нужно звѣзды,—
И горять предо мной
Высота съ глубиной,
Въ глубинѣ высоты
Свѣтъ иной красоты,
И горитъ между двухъ
Мой блуждающій духъ,
Много дышетъ лучей,
Много видитъ мой взглядъ,
И незримый летитъ надъ дорогой моею,
То шепнетъ впереди, то умчится назадъ,
Вѣтеръ, вѣчный мой братъ,
Вѣтеръ горь и морей.

XXIV.

В Ъ Т Е Р Ъ .

Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
 Что ты въ вѣткахъ все шумишь?
 Вольный Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
 Предъ тобой дрожитъ камышь.
 Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
 Что ты душу мнѣ томишь?

Ты вздыхаешь, полусонный,
 И спѣшишь скорѣй заснуть.
 Чуть уснулъ, и, пробужденный,
 Ты готовъ опять вспорхнуть.
 Стой! Куда, неугомонный?
 Вѣчно — прямо, снова — въ путь.

Всѣ мѣста тебѣ знакомы,
 Ты воздушно шелестишь,
 Рябьюходишь въ водоемы,
 Шаткой травкою блестишь.
 носишь тучи, манишь громы,
 И опять уходишь въ тишь.

О, невѣрный! Вѣтеръ, Вѣтеръ,
 Ты не помнишь ничего.
 Дай и мнѣ забвенья, Вѣтеръ,
 Дай стремленья твоего.
 Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ, Вѣтеръ,
 Ты прекраснѣе всего!

XXV.

✓ ЗАВѢТЬ БЫТІЯ.

Я спросилъ у свободнаго Вѣтра,
 Что мнѣ сдѣлать, чтобъ быть молодымъ.
 Мнѣ отвѣтилъ играющій Вѣтеръ:
 „Будь воздушнымъ, какъ вѣтеръ, какъ дымъ!“

Я спросилъ у могучаго Моря,
 Въ чемъ великій завѣтъ бытія.
 Мнѣ отвѣтило звучное Море:
 „Будь всегда полнозвучнымъ, какъ я!“

Я спросилъ у высокаго Солнца,
 Какъ мнѣ вспыхнуть свѣтлѣе зари.
 Ничего не отвѣтило Солнце,
 Но душа услышала: „Гори!“

XXIV.

ВСКРЫТІЕ ЛЬДА.

Какъ льдины, взгроможденныя
 Одна на другую,
 Весной освобожденныя,—
 Я звонко ликую.

И какъ вода, запѣвшая
 За льдиною плотной,
 Дрожить душа, вскипѣвшая
 Въ тоскѣ безотчетной.

Въ тоскѣ отъ нетерпѣнія,
 Я жду поцѣлуя.
 Скорѣй, скорѣе — пѣнія,
 Блаженствуй, ликуя.

И плотныя и тонкія,
 Расторгнуты льдины.
 Звучите, пѣсни звонкія,
 Сверкайте, картины!

Живутъ освобожденныя
 Созданія мысли.
 Ихъ радуги сплетенныя
 Какъ ткани повисли.

Весь міръ — одно сверканіе
 Улыбки свободной,
 Блаженство набѣганія
 Волны полноводной.

Одинъ потокъ разливистый,
 Подъ дымкою тонкой,
 Напѣвъ мечты, прерывистый,
 Невѣрный, но звонкій.

XVII.

СВВЕРЪ.

Какъ плѣнительна весна
 Тамъ гдѣ снѣгъ — не сновидѣнье,
 Гдѣ полгода — тишина,
 Передъ счастьемъ возрожденья.

Тамъ душа, волнуясь, ждетъ:
 Что-жь, сегодня торжествуемъ?
 Что-жь, рѣка разрушить ледь
 Бурнымъ влажнымъ поцѣлуемъ?

Тамъ весна — какъ смерть врага,
 Всѣ вдвойнѣ отъ Солнца пьяны.
 Васъ привѣтствую, снѣга,
 Васъ, бессмертные туманы!

XXIII.

ИСПАНСКІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я вижу Толедо,
 Я вижу Мадридъ.
 О, бѣлая Леда! Твой блескъ и побѣда
 Различнымъ сіяньемъ горить.

Крылатымъ и смѣлымъ
 Былъ тотъ, кто влюбленъ.
 И, бѣлый на бѣломъ, ликующимъ тѣломъ,
 Онъ бросилъ въ столѣтья свой сонъ.

Иныя есть птицы,
 Иные есть сны,
 Я вижу бойницы, въ нихъ гордость орлицы,
 Въ нихъ пышность сѣдой старины.

Застыли громады
 Оконченныхъ сновъ.
 И сумрачно рады руины Гранады
 Губительной силѣ вѣковъ.

Здѣсь дерзость желанья
 Не гаснетъ ни въ чемъ.
 Вездѣ изваянья былого влянья,
 Крещенья огнемъ и мечомъ.

О, строгіе лики
 Умѣвшихъ любить!
 Вы смутно-велики, красивы и дики,
 Вы поняли слово — убить.

Я васъ не забуду,
 Я съ вами вездѣ.
 Жестокому чуду я вѣрнымъ пребуду,
 Я преданъ испанской звѣздѣ!

XXIX.

Т О Л Е Д О.

Городъ-крѣпость на горѣ,
 Городъ-храмъ,
 Гдѣ молились торжествующимъ богамъ,—
 Я тебя хотѣлъ бы видѣть на зарѣ!

Въ часъ, когда поетъ свирѣль,
 И зоветъ,—
 Въ часъ, когда, какъ будто, ласковый апрѣль
 Дышетъ въ зеркалѣ дремотствующихъ водъ.

Въ дни, когда ты былъ однимъ
 Изъ живыхъ,
 И разбрасывалъ кругомъ огонь и дымъ,
 Вмѣстѣ съ криками призывовъ боевыхъ.

Городъ зримый въ высотѣ,
 Между скалъ,
 Безупречный въ завершенной красотѣ,
 Ты явилъ свой гордый ликъ — и задремалъ.

Ты, сказавъ свое, затихъ,
 Навсегда, —
 Но поютъ въ тебѣ отшедшіе года,
 Ты — изсѣченный на камнѣ мощный стихъ.

XXX.

PASEO DE LAS DELICIAS
 ВЪ СЕВИЛЬѢ.

Лиловые гроздья роскошныхъ глициній,
 И пальмы съ ихъ правильной четкостью линій,
 И желто-оранжевый дремлющій хмѣль, —
 Какъ красочно ласковъ испанскій апрѣль!

А дѣвственно-блѣдныя дикія розы,
 А желтыя шапочки нѣжной мимозы,
 А тѣнь кипарисовъ, ихъ темные сны, —
 Какъ сказочны лики испанской весны!

И садъ многоцвѣтный, расцвѣтшій такъ пышно,
 Гармоніей красокъ поетъ намъ неслышно
 О стройномъ согласьи своей тишины,
 О блескѣ цвѣточномъ испанской весны!

XXXI.

КЪ ЦАРИЦЪ ФЕЙ.

О, царица свѣтлыхъ фей,
 Ты летаешь безъ усилій
 Надъ кустами орхидей,
 Надъ цвѣтами бѣлыхъ лилій!

Пролетаешь надъ водой, —
 Распускаются купавы,
 И росю, какъ звѣздой,
 Блещутъ ласковыя травы.

Ты вездѣ роняешь слѣдъ,
 И слѣды твои блистаютъ,
 И тюльпанъ, и златоцвѣтъ
 За тобою расцвѣтаютъ.

Пролети въ душѣ людской,
 О, властительная фея,
 Пусть гвоздика и левкой
 Въ ней вздыхаютъ пламенья.

О, царица свѣтлыхъ фей,
 Мы — невольники усилій,
 Мы не видимъ орхидей,
 Мы не знаемъ бѣлыхъ лилій.

XXXII.

КЪ ЮНОМУ СХИМНИКУ.

Схимникъ юный, узникъ блѣдный,
 Почему, за мглой страстей,
 Міръ печали заповѣдной
 Ты отторгнулъ отъ людей?

По своей ли ты охотѣ,
 Иль велѣньемъ вражьихъ силъ,
 Умерщвленье грѣшной плоти
 Выше счастья полюбилъ?

Кто, властительный и смѣлый,
 Такъ жестоко восхотѣлъ,
 Чтобъ, навѣки онѣмѣлый,
 Перешелъ ты за предѣлъ?

За предѣлъ міровъ, гдѣ струны
 Такъ узывчиво звенятъ,
 И смѣются: „Схимникъ юный!“
 „Ты невольникъ!“— говорятъ.

„Ты невольникъ, и жестоки
 Испытанія твои.
 Мы свободны, мы глубоки,
 Какъ потоки и ручьи.

„И въ жестокости мы кротки,
 И разстались мы съ тоской,
 И мѣняемся, какъ четки—
 Но подъ смѣлою рукой!“

XXXIII.

НЕ ЛУЧШЕ ЛИ СТРАДАНИЕ.

„Не лучше ли страданіе,
Глухое, одинокое,
Какъ бездны мірозданія,
Непонято-глубокое?

„Не лучше ли мученіе,
Чѣмъ ясный звонкій смѣхъ?
Полюбимъ отреченіе,
Разлюбимъ сладкій грѣхъ“.

— О, нѣтъ, мой братъ единственный,
Душа моя смущается,
Въ ней вѣченъ кличъ воинственный,
Ей много общается.

Весь міръ намъ общается,
Когда его хотимъ,
И всякій грѣхъ прощается,
Когда простимъ другимъ.

XXXIV.

СУМЕРКИ.

Мерцають сумерки въ лимонныхъ
И апельсиновыхъ садахъ,
И слышенъ лепетъ въ листьяхъ сонныхъ,
И дремлетъ вѣтеръ на цвѣтахъ.

Тотъ легкій вѣтеръ, что приноситъ
 Благословеніе небесъ
 И тайно души наши просить
 Повѣрить мудрости чудесъ.

Чудесъ ниспосланныхъ нежданно
 Для исцѣленія души,
 Которой всюду, безпрестанно,
 Былъ только слышенъ крикъ: „Спѣши“.

Для исцѣленья утомленныхъ,
 Нашедшихъ чары новыхъ сновъ,
 Подъ тѣнью ласковой — лимонныхъ
 И апельсиновыхъ садовъ.

XXXIV.

УСПОКОЕНІЕ.

Вечернее тихое море
 Сливалось воздушною дымкой
 Съ грядою слегка-лиловатыхъ
 Охваченныхъ сномъ облаковъ,
 И въ этомъ безмѣрномъ просторѣ
 Дышали почти невидимкой,
 Какъ дышутъ мечты въ ароматахъ,
 Безплотные образы сновъ.

Они возникали какъ краски,
 Какъ чувства зажженные взоромъ,
 Какъ сладкій восторгъ аромата,
 Какъ блескъ и прозрачность воды,
 Какъ свѣтлые вымыслы сказки,
 Какъ тучки, что встали дозоромъ,
 Чтобъ вспыхнуть на мигъ безъ возврата,
 Предъ ликомъ вечерней звѣзды.

XXXVI.

СКАЗАТЬ МГНОВЕНЬЮ: СТОЙ!

Быть-можетъ, вся Природа — мозаика цвѣтовъ?
 Быть-можетъ, вся Природа — различность голосовъ?
 Быть-можетъ, вся Природа — лишь числа и черты?
 Быть-можетъ, вся Природа — желанье красоты?

У мысли нѣтъ орудья измѣрить глубину,
 Нѣтъ силъ, чтобы замедлить бѣгущую весну.
 Лишь есть одна возможность сказать мгновенью „Стой“:
 Разбивъ оковы мысли, быть скованнымъ — мечтой.

Тогда намъ вдругъ понятна стозвучность голосовъ,
 Мы видимъ все богатство и музыку цвѣтовъ,
 А если и мечтою не смѣрить глубину, —
 Мечтою въ самыхъ безднахъ мы создаемъ весну.

XXXVII.

В Е Р Б Ы.

Вербы овѣяны
Вѣтромъ нагрѣтымъ,
Нѣжно взлелѣяны
Утреннимъ свѣтомъ.

Вѣтви пасхальныя,
Нѣжно-печальныя,
Смотрятъ веселыми,
Шепчутся съ пчелами.

Кладбище мирное
Млѣетъ цвѣтами,
Пѣніе клирное
Льется волнами.

Свѣтло-печальныя,
Пѣсни пасхальныя
Сердцемъ взлелѣяны,
Вѣчнымъ овѣяны.

XXXVIII.

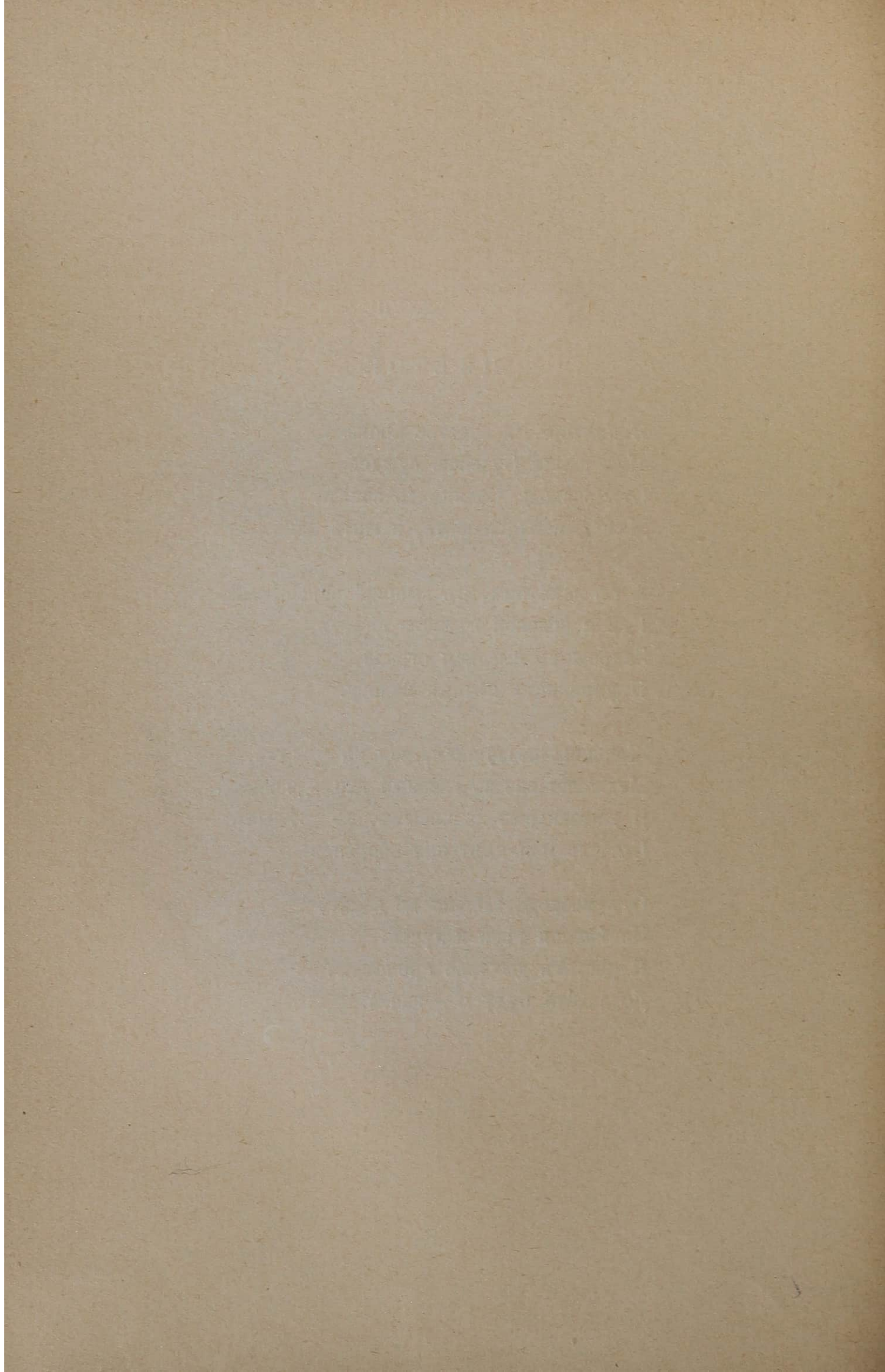
Ц В Ъ Т О К Ъ

Я цвѣтокъ, и счастье аромата,
Мнѣ самой Судьбою суждено,
Отъ восхода Солнца до заката
Мнѣ дышать, любить, и жить дано.

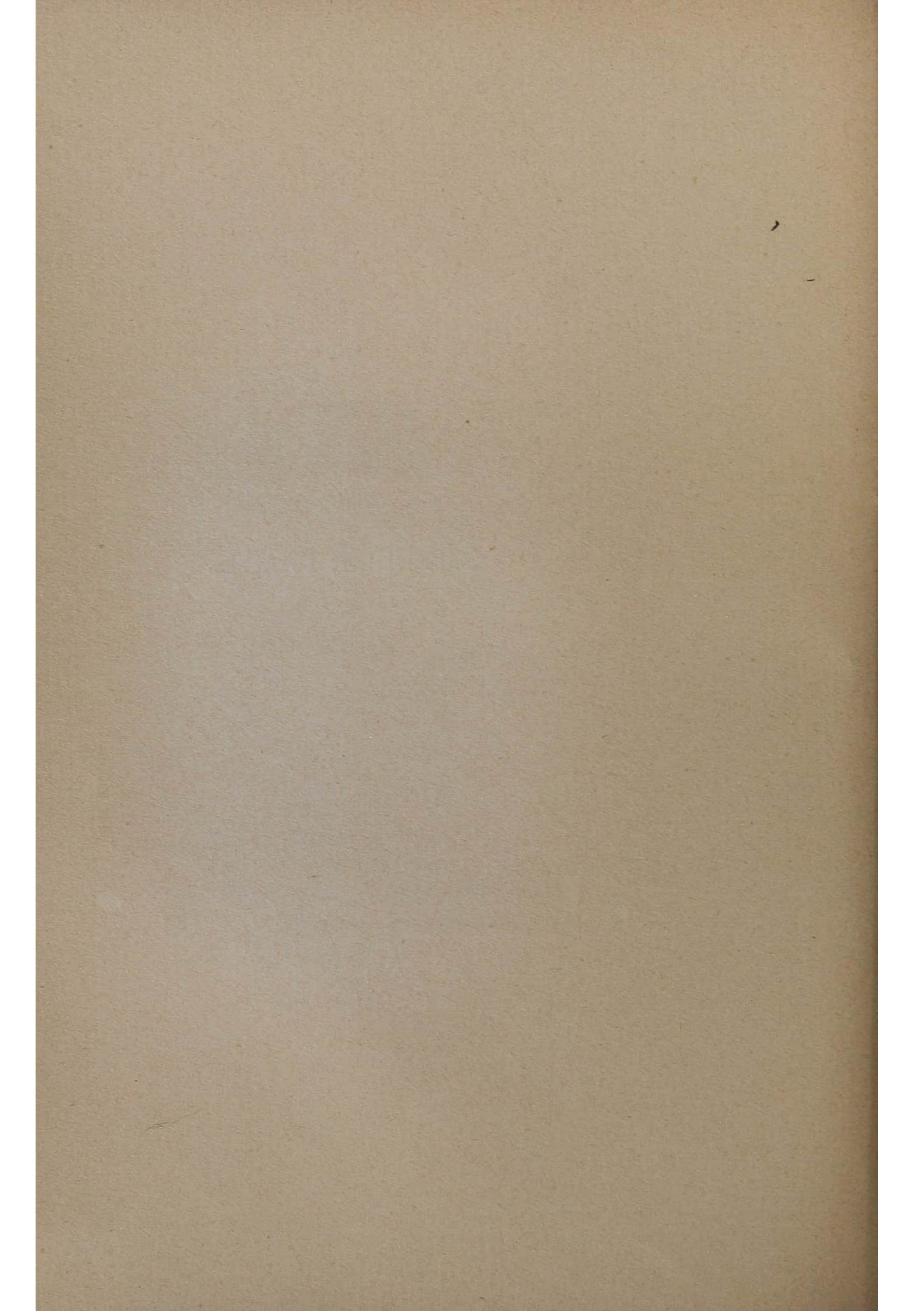
А съ закатомъ, въ пышной чащѣ сада,
Гдѣ я сказкой нѣжною цвѣту,
Задрожитъ высокая ограда,
И умолкнетъ вѣтеръ налету.

Женщина воздушная, вся въ бѣломъ,
Медленно сквозь главный входъ войдетъ,
И движеньемъ ласковымъ, но смѣлымъ,
Стебель мой цвѣтущей оборветъ.

Отъ восхода Солнца до заката
Измѣненья тѣни и лучей.
И растетъ дыханье аромата...
До заката буду я — ничей!

ЗМѢИНЫЙ ГЛАЗЪ.

ПРАЗДНИКЪ СВОБОДЫ.

Я спалъ какъ воды моря,
 Какъ сумракъ заключенья,
 Я спалъ какъ мертвый камень,
 И странно жилъ во снѣ,—

Съ своей душой не споря,
 Свое ожесточенье
 Любя, какъ любить пламень
 Таиться въ тишинѣ.

Скрываться безконечно,
 Мгновенія и годы,
 Въ землѣ, въ деревьяхъ, въ зданьяхъ,
 И вдругъ, въ свой лучшій мигъ,—

Такъ быстро и безпечно,
 На праздникъ свободы,
 Возникнуть въ трепетаньяхъ,
 Какъ молнія, какъ крикъ.

Я спалъ какъ зимній холодъ,
 Змѣинымъ сномъ, злораднымъ,
 И вотъ мнѣ все подвластно,
 Какъ свѣтлomu царю,—

О, какъ я новъ и молодъ,
 Въ своемъ стремленьи жадномъ,
 Какъ пламенно и страстно
 Живу, дышу, горю!

II.

Я — изысканность русской медлительной рѣчи,
 Предо мною другіе поэты — предтечи,
 Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
 Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я — внезапный изломъ,
 Я — играющій громъ,
 Я — прозрачный ручей,
 Я — для всѣхъ и ничей.

Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
 Самоцвѣтные камни земли самобытной,
 Переключки лѣсныя зеленаго мая,
 Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.

Вѣчно-юный, какъ сонъ,
 Сильный тѣмъ, что влюбленъ
 И въ себя и въ другихъ,
 Я — изысканный стихъ.

III.

Если въ душу я взгляну,
 Въ ней увижу я волну,
 Многопѣнную,

Неба нѣжную эмаль,
 Убѣгающую даль,
 И безбрежность, и печаль,
 Неизмѣнную.

Если въ душу я взгляну,
Самъ себя я обману
Скрытой мукою,

И заплачетъ звонкій стихъ,
Запоетъ о снахъ моихъ,
И себя я силой ихъ
Забаюкаю.

VI.

МОИ ПѢСНОПѢНЬЯ.

Въ моихъ пѣснопѣняхъ журчанье ключей,
Что звучать все звончѣй и звончѣй.
Въ нихъ женственно-страстные шопоты струй,
И дѣвическій въ нихъ поцѣлуй.

Въ моихъ пѣснопѣняхъ застывшіе льды,
Безпредѣльность хрустальной воды.
Въ нихъ бѣлая пышность пушистыхъ снѣговъ,
Золотые края облаковъ.

Я звучныя пѣсни не самъ создавалъ,
Мнѣ забросилъ ихъ горный обвалъ.
И вѣтеръ влюбленный, дрожа по струнѣ,
Трепетанія передалъ мнѣ.

Воздушныя пѣсни съ мерцаньемъ страстей
Я подслушалъ у звонкихъ дождей.
Узорно-играющій тающій свѣтъ
Подглядѣлъ въ сочетаньяхъ планетъ.

И я въ человѣческомъ нечеловѣкѣ,
 Я захваченъ разливами рѣкъ.
 И, въ море стремя полногласность свою,
 Я стозвучныя пѣсни пою.

V.

СЛОВА—ХАМЕЛЕОНЫ.

Слова — хамелеоны,
 Они живутъ спѣша.
 У нихъ свои законы,
 Особая душа.

Они спѣшать мѣняться,
 Являя всѣ цвѣта,
 Поблекнуть, обновятся,
 И въ томъ ихъ красота.

Всѣ радужныя краски,
 Все, что чаруетъ взглядъ,
 Желая вѣчной сказки,
 Они въ себѣ таятъ.

И сказка длится, длится,
 И нарушаетъ плѣнь.
 Какъ сладко измѣниться,
 Живите для измѣнъ!

VI.

Все равно мнѣ, человѣкъ плохъ или хорошъ,
Все равно мнѣ, говоритъ правду или ложь.

Только бѣ вольно онъ всегда да сказалъ на да,
Только бѣ онъ, какъ вольный свѣтъ, нѣтъ сказалъ на нѣтъ.

Если въ небѣ свѣтъ погасъ, значить — поздній часъ,
Значить — въ первый мы съ тобой и въ послѣдній разъ.

Если въ небѣ свѣта нѣтъ, значить умеръ свѣтъ,
Значить — ночь бѣжить, бѣжить, заметая слѣды.

Если ключъ поетъ всегда: „Да, — да, да, — да, да“, —
Значить въ немъ молчанья нѣтъ — больше никогда.

Но опять зажжется свѣтъ въ безднѣ новыхъ тучъ,
И, быть можетъ, замолчитъ на мгновенье ключъ.

Красенъ солнцемъ вольный мiръ, черной тьмой хорошъ.
Я не знаю, день и ночь — правда или ложь.

Будемъ солнцемъ, будемъ тьмой, бурей и судьбой,
Будемъ счастливы съ тобой въ безднѣ голубой.

Если жь въ сердцѣ свѣтъ погасъ, значить поздній часъ,
Значить — въ первый мы съ тобой и въ послѣдній разъ.

VII.

Что достойно, что безчестно,
 Что умамъ людскимъ извѣстно,
 Что идетъ изъ рода въ родъ,
 Все, чему въ цѣпяхъ не тѣсно,
 Смертью тусклою умереть.

✓ Мнѣ людское незнакомо,
 Мнѣ понятнѣй голосъ грома,
 Мнѣ понятнѣй звуки волнь,
 Одинокій темный челнь,
 И далекій парусъ бѣлый,
 Надъ равниной посѣдѣлой,
 Надъ пустыней мертвыхъ водъ,
 Мнѣ понятенъ гордый, смѣлый,
 Безотчетный крикъ: „Впередъ!“

VIII.

Жить среди беззаконія,
 Какъ дыханье вѣтровъ,
 То въ волнахъ благовонія,
 То надъ крышкой гробовъ.

Быть свободнымъ, несвязаннымъ,
 Какъ движенье мечты,
 Никогда не рассказаннымъ
 До послѣдней черты.

Что безчестное? Честное?
 Что горитъ? Что темно?
 Я иду въ неизвѣстное,
 И душѣ все равно.

Знаю, мелкія низости
 Не удержатъ меня.
 Нѣтъ въ нихъ чаянья близости
 Рокового огня.

Но люблю безотчетное,
 И восторгъ, и позоръ,
 И пространство болотное,
 И возвышенность горъ.

IX.

В О Л Я.

Сильнолюбивого и широк Валерію Брюсову.

Неужели же я буду такъ зависѣть отъ людей,
 Что не весь отдамъся чуду мысли пламенной моей?

Неужели же я буду колебаться на пути,
 Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное идти?

Нѣтъ, не буду, нѣтъ, не буду я обманывать звѣзду,
 Чей огонь мнѣ ярко свѣтитъ, и къ которой я иду.

Высшимъ знакомъ я отмѣченъ, и, не помня никого,
 Буду слушаться повсюду только сердца своего.

Если море повстрѣчаю, въ глубинѣ я утону,
 Видя воздухъ полный свѣта и прозрачную волну.

Если горныя вершины развернутся предо мной,
Въ снѣжномъ царствѣ я застыну подь серебряной луной.

Если къ пропасти приду я, заглядѣвши на звѣзду,
Буду падать, не жалѣя, что на камни упаду.

Но повсюду вѣчно чуду буду вѣрить я мечтой,
Буду вольнымъ и красивымъ, буду сказкой золотой.

Если жь кто -нибудь захочетъ измѣнить мою судьбу,
Онъ въ раю со мною будетъ — или въ замкнутомъ гробу.

Для себя ища свободы, я ее другому дамъ,
Или вмѣстѣ будетъ тѣсно, слишкомъ тѣсно будетъ намъ.

Такъ и знайте, понимайте звонкій голосъ этихъ струнъ:
Влага можетъ быть прозрачной — и возникнуть какъ бурунъ.

Солнце ландыши ласкаетъ, ихъ сплетаетъ въ хороводъ,
А захочетъ — и зардѣетъ — и пожаръ въ степи зажжетъ.

Но согрѣю ль я другого, или я его убью,
Неизмѣнной сохраню я душу вольную мою.

X.

Мнѣ снятся караваны,
Моря и небосводъ,
Подводные вулканы
Съ игрой горячихъ водъ.

Воздушныя пространства,
Гдѣ не было людей,
Игра непостоянства
На пиршествѣ страстей.

Чудовищная тина
Среди болотной тьмы,
Могильная лавина
Губительной чумы.

Мнѣ снится, что змѣнится
И что бѣжить въ просторъ,
Что хочетъ измѣниться —
Всему наперекоръ.

XI.

Я полюбилъ свое безпутство,
Мнѣ сладко падать съ высоты.
Въ глухихъ провалахъ безразсудства
Живутъ безумныя цвѣты.

Я видѣлъ стройныя свѣтила,
Я былъ во власти всѣхъ планетъ.
Но сладко мнѣ забыть, что было,
И крикнуть ихъ призывамъ: „Нѣтъ!“

Исполненъ радости и страха,
Я оборвался съ высоты,
Какъ коршунъ падаетъ съ размаха,
Чтобъ довершить свои мечты.

И я въ огромности бездонной,
 И убѣгаетъ глубина.
 Я такъ сильнѣе — изстуженный,
 Мнѣ Вѣчность въ пропасти видна!

XII.

Г Л А З А.

Когда я къ другому въ упоръ подхожу,
 Я знаю: намъ общее нѣчто дано.
 И я напряженно и зорко гляжу,
 Туда, на глубокое дно.

И вижу я много задавленныхъ словъ,
 Убийствъ, совершенныхъ въ зловѣщей тиши,
 Обрывовъ, проваловъ, огня, облаковъ,
 Безумства несытой души.

Я вижу, я помню, я тайно дрожу,
 Я знаю, откуда приходитъ гроза.
 И если другому въ глаза я гляжу,
 Онъ вдругъ закрываетъ глаза.

XIII.

СКВОЗЬ СТРОЙ.

Вы меня прогоняли сквозь строй,
 Вы кричали: „Удвой, и утрой,
 Въ десять разъ, во сто разъ горячѣй,
 Пусть узнаетъ ударъ палачей“.

Вы меня прогоняли сквозь строй,
 Вы стояли зловѣщей горой,
 И горячею кровью облить,
 Я еще, и еще, былъ избить.

Но, идя какъ игрушка межъ васъ,
 Я горѣлъ, я сгоралъ, и не гасъ.
 И сознаемъ былъ каждый смущень,
 Что я кровью своей освященъ.

И сильнѣй, все сильнѣй каждый разъ,
 Вы пугались блистающихъ глазъ.
 И вы дрогнули всѣ предо мной,
 Увидавъ, что межъ васъ — я иной. *и и и*

XIV.

ВЪ ЗАСТѢНКѢ.

Переломаны кости мои.

Я въ застѣнкѣ. Но чу! Въ забытѣ,
 Слышу, гдѣ-то стремятся ручьи.

Такъ созвучно, созвонно, въ просторъ,
 Убѣгаютъ съ покатостей горъ,
 Чтобъ низлиться въ безгласность озеръ.

Я въ застѣнкѣ. И пытка долга.
 Но мечта мнѣ моя дорога.
 Въ палачѣ я не вижу врага.

Онъ ужасенъ, онъ страненъ, какъ сонъ,
 Онъ упорствомъ моимъ потрясенъ.
 Я ли мученикъ? Можетъ-быть онъ?

Переломаны кости. Хрустятъ.
 Но горитъ напряженный мой взглядъ.
 О, ручки говорятъ, говорятъ!

XV.

ВЪ ДОМАХЪ.

М. Горькому.

Въ мучительно-тѣсныхъ громадахъ домовъ
 Живутъ некрасивые блѣдные люди,
 Окованы памятью выцветшихъ словъ,
 Забывши о творческомъ чудѣ.

Все скучно въ ихъ жизни. Полюбятъ кого,
 Сейчасъ же наложатъ тяжелыя цѣпи.
 „Ну, что-же, ты счастливъ?“ — „Да что-жь... Ничего...“
 О, да, ничего нѣтъ нелѣпѣй!

И чахнутъ, замкнувшись въ гробницахъ своихъ.
 А гдѣ-то по воздуху носятся птицы.
 Что птицы? Мудрѣй привидѣній людскихъ
 Жуки, пауки, и мокрицы.

Все цѣльно въ просторахъ безлюдныхъ пустынь,
 Желанье свободно уходитъ къ желанью.
 Тамъ нѣтъ заподозрѣнныхъ чувствомъ святынь,
 Тамъ нѣтъ пригвожденій къ преданью.

Свобода! Свобода! Кто понялъ тебя,
 Тотъ знаетъ, какъ вольны разливныя рѣки.
 И если лавина несется губя,
 Лавина прекрасна навѣки.

Кто близокъ былъ къ смерти и видѣлъ ее,
 Тотъ знаетъ, что жизнь глубока и прекрасна.
 О, люди, я вслушался въ сердце свое,
 И знаю, что ваше — несчастно!

Да, если бы только могли вы понять...
 Но вотъ предо мною захлопнулись двери,
 И въ клѣточкахъ гномы застыли опять,
 Лепечуть: „Мы люди, не звѣри“.

Я проклялъ васъ, люди. Живите впотьмахъ.
 Тоскуйте въ размѣренной чинной боязни.
 Блѣднѣйте въ мучительныхъ вашихъ домахъ.
 Вы къ казни идете отъ казни!

XVI.

МСТИТЕЛЬ.

Если-бъ вы молились на меня,
 Я стоялъ бы ангеломъ предъ вами,
 О приходѣ радостнаго дня
 Говорилъ бы лучшими словами.

Былъ бы вамъ какъ радостный восходъ
 Былъ бы вамъ какъ свѣжесть аромата,
 Сдѣлалъ бы вамъ легкимъ переходъ
 Къ грусти полумертваго заката.

Я бы пѣлъ вамъ сладостно звеня,
 Я-бъ не ненавидѣлъ васъ, какъ трупы,
 Если-бъ вы молились на меня,
 Если бы вы не были такъ скупы.

А теперь, угрюмый и больной,
 А теперь, какъ темный духъ, гонимый,
 Буду мстить вамъ съ мѣткостью стальной,
 Буду бичъ вашъ, бичъ неумолимый.

XVII.

СОПЕРНИКИ.

Мы можемъ идти по широкимъ равнинамъ,
 Идти, не встрѣчаясь въ пути никогда.
 И каждый пребудетъ, одинъ, властелиномъ, —
 Пока не взойдетъ роковая звѣзда.

Мы можемъ бросать безпокойныя тѣни,
 Ихъ мѣсяцъ вытягивать будетъ въ длину.
 Въ одномъ восхожденьи мы будемъ ступени,
 И равны, — пока не полюбимъ одну.

Тогда мы солжемъ, но себѣ не поможемъ,
 Тогда мы забудемъ о Богѣ своемъ.
 Мы можемъ, мы можемъ, мы многое можемъ,
 Но только — мой равный! — пока мы вдвоемъ.

XVIII.

ЛОМАНЫЯ ЛИНІИ.

Ломанья линіи, острые углы.

Да, мы здѣсь — мы прячемся въ дымномъ царствѣ мглы.

Мы еще покажемся изъ угрюмыхъ норъ,
Мы еще нарядимся въ праздничный уборъ.

Глянемъ и захватимъ васъ, вбросимъ въ наши сны.
Мы еще покажемъ вамъ свѣжесть новизны.

Подождите, старые, знавшіе всегда
Только два качанія, только нѣтъ и да.

Будетъ откровеніе, вспыхнетъ царство мглы.
Утро дышетъ пурпуромъ... Чу! кричатъ орлы!

XIX.

НАШИМЪ ВРАГАМЪ.

Вы томительные,
Усыпительные,
Ничего вамъ не дано,
Даромъ канете на дно.

Богомъ кинутые,
И отринутые,
Не согрѣты вы ничѣмъ,
И живете низачѣмъ.

Не постигнувшіе,
И не двигнувшіе
Ничего и никогда,
Вы погибли навсегда.

Вы распавшіеся,
Неудавшіеся,
У дорожного столба
Невзошедшіе хлѣба.

XX.

ГАРМОНИЯ СЛОВЪ.

Почему въ языкѣ отошедшихъ людей
Были громаы пѣвучихъ страстей?
И намеки на звонъ всѣхъ временъ и пировъ,
И гармонія красочныхъ словъ?

Почему въ языкѣ современныхъ людей
Стукъ ссыпаемыхъ въ яму костей?
Подражательность словъ, точно эхо молвы,
Точно ропотъ болотной травы?

Потому что когда, молода и горда,
Между скалъ возникала вода,
Не боялась она прорываться впередъ,
Если станешь предъ ней, такъ убьетъ.

И убьетъ, и зальетъ, и прозрачно бѣжитъ,
Только волей своей дорожить.
Такъ рождается звонъ для грядущихъ временъ,
Для теперешнихъ блѣдныхъ племенъ.

XXI.

Д Р У Г У .

Милый другъ, почему безконечная боль
 Затаилась въ душѣ огорченной твоей?
 Быть счастливымъ себя хоть на мигъ приневожь,
 Будь какъ царь водяной, и какъ горный король,
 Будь со мною въ дрожаньи безсвязныхъ вѣтвей.

Посмотри, какъ воздушно сіянье Луны,
 Какъ проходитъ она — не дыша, не спѣша.
 Всѣ видѣнья въ застывшей тиши сплетены,
 Всюду свѣтъ и восторгъ, всюду сонъ, всюду сны.
 О, земля хороша, хороша, хороша!

XXII.

Если грустно тебѣ,
 Ты не думай, мой другъ.
 Весь очерченъ въ Судьбѣ
 Твой назначенный кругъ.

Развѣ думаетъ лѣсъ?
 Развѣ плачетъ о чемъ?
 Онъ живетъ для чудесъ,
 Озаренный лучомъ.

Развѣ нѣжный цвѣтокъ
 Будетъ думать весной?
 Вѣрь напѣвности строкъ,
 Будь безъ думы со мной.

XXIII.

Ты мнѣ говоришь, что какъ женщина я,
Что я рассуждать не умѣю,
Что я ускользаю, что я какъ змѣя,—
Ну, что же, я спорить не смѣю.

Люблю по-мужски я всѣмъ тѣломъ мужскимъ,
Но женское сердцу желанно,
И вотъ отчего, рассуждая съ другимъ,
Я такъ выражаюсь туманно.

Я женщинъ, какъ высшую тайну люблю,
А женщины любятъ скрываться,
И вотъ почему я не могъ, не терплю
Въ завѣтныхъ глубинахъ признаться.

Но весь я прекрасенъ, дышу, и дрожу,
Мнѣ жаль, что тебя я печалю.
Приблизься, тебѣ я всю правду скажу,—
А можетъ быть только ужалю.

XXIV.

Мы брошены въ сказочный міръ,
Какой-то могучей рукой.
На тризну? На битву? На пиръ?
Не знаю. Я вѣчно — другой.

Я каждой минутой — сожжёнъ.
 Я въ каждой измѣнѣ — живу.
 Не праздно я здѣсь воплощёнъ.
 И ярко я сплю — наяву.

И знаю, и помню, съ тоской,
 Что внизъ я сейчасъ упаду.
 Но, брошенный мѣткой рукой,
 Я цѣль — безъ ошибки найду.

XXV.

А К К О Р Д Ы.

Въ красотѣ музыкальности,
 Какъ въ недвижной зеркальности,
 Я нашёлъ очертанія сновъ,
 До меня не рассказанныхъ,
 Тосковавшихъ и связанныхъ,
 Какъ растенья подъ глыбою льдовъ.

Я имъ далъ наслажденіе,
 Красоту ихъ рожденія,
 Я разрушилъ звенящія льды.
 И, какъ гимны неслышныя,
 Дышутъ лотосы пышныя
 Надъ пространствомъ зеркальной воды.

И въ нѣмой музыкальности,
 Въ этой новой зеркальности,
 Создаетъ ихъ живой хороводъ
 Новый міръ, недосказанный,
 Но съ рассказаннымъ связанный
 Въ глубинѣ отражающихъ водъ.

XXVI.

S I N M I E D O.

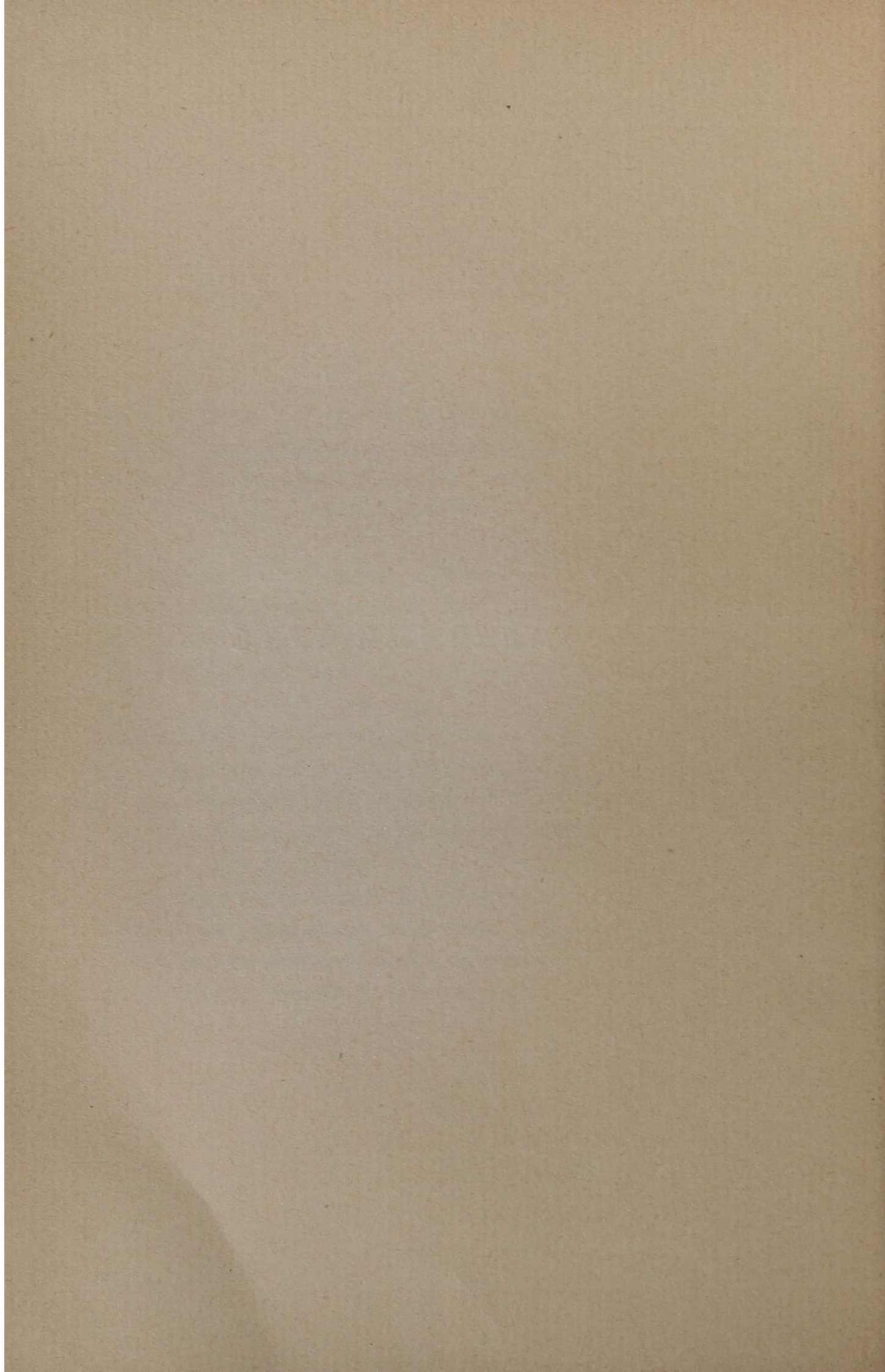
Если ты поэтъ и хочешь быть могучимъ,
Хочешь быть безсмертнымъ въ памяти людей,
Порази ихъ въ сердце вымысломъ пѣвучимъ,
Думу закали на пламени страстей.

Ты видалъ кинжалы древняго Толедо?
Лучшихъ не увидишь, гдѣ бы ни искалъ.
На клинкѣ узорномъ надпись: „Sin miedo“, —
Будь всегда безстрашнымъ, — властенъ ихъ закалъ.

Раскаленной стали форму придавая,
Въ сталь кладутъ по черни золотой узоръ,
И вѣка сверкаетъ красота живая
Двухъ металловъ слитыхъ, разныхъ съ давнихъ поръ.

Чтобъ твои мечты вовѣкъ не отблестали,
Чтобъ твоя душа всегда была жива,
Разбросай въ напѣвахъ золото по стали,
Влей огонь застывшій въ звонкія слова.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

I.

ТРИ ЛИСТНИКЪ.

Дагни Кристенсенъ.

1. Изъ рода королей.

Да, тебя я знаю, знаю. Ты изъ рода королей.
Ты изъ расы гордыхъ скальдовъ древней родины твоей.

Ты не чувствуешь, не знаешь многихъ звуковъ, многихъ словъ,
Оттого что въ нихъ не слышно дуновенія вѣковъ.

Ты не видишь и не знаешь многихъ красокъ и картинъ,
Оттого что въ нихъ не свѣтитъ мощь родныхъ морскихъ глубинъ.

Но едва передъ тобою молвишь бѣглый вѣщій звукъ,
Тотчасъ мы съ тобою вмѣстѣ, мы въ одинъ замкнуты кругъ.

И когда во взорѣ можешь силу моря отразить,
Между мною и тобою тотчасъ ласковая нить.

Нить признанья, ожиданья, безконечности мечты,
Долгихъ пѣсенъ безъ названья, откровеній красоты.

Между мною и тобою вѣтъ возгласъ „Навсегда“.
„Ты забудешь?“ — „Невозможно“ . — „Ты ко мнѣ вернешься?“ — „Да“.

Да, тебя я знаю, счастье. Ты—рожденная волной.
Вотъ, я связанъ царскимъ словомъ. Помни. Помни! Будь со мной!

2. Въ моемъ саду.

Въ моемъ саду мерцають розы бѣлыя,
Мерцають розы бѣлыя и красныя,
Въ моей душѣ дрожать мечты несмѣлыя,
Стыдливыя, но страстныя.

Тебя я видѣлъ только разъ, любимая,
Но только разъ мечта съ мечтой встрѣчается,
Въ моей душѣ любовь непобѣдимая
Горить и не кончается.

Лицо твое я вижу поблѣднѣвшее,
Волну волосъ, какъ пряди сновъ согласныя,
Въ глазахъ твоихъ признанье потемнѣвшее,
И губы, губы красныя.

Съ тобой позналъ я только разъ, любимая,
То яркое, что счастьемъ называется,
О, тѣнь моя, безплотная, но зримая,
Любовь не забывается.

Моя любовь — пьяна, какъ гроздья спѣлыя,
Въ моей душѣ — звучать призывы страстныя,
Въ моемъ саду — сверкають розы бѣлыя
И ярко, ярко-красныя.

3. Солнце удалилось.

Солнце удалилось. Я опять одинъ.
 Солнце удалилось отъ земныхъ долинъ.
 Снѣжныя вершины свѣтъ его хранять.
 Солнце посылаетъ свой послѣдній взглядъ.

Воздухъ цѣпенѣеть, властно скованъ мглой.
 Кто-то, наклоняясь, дышетъ надъ землей.
 Тайно стынуть волны меркнувшихъ морей.
 — Уходи отъ ночи, уходи скорѣй. —

— Гдѣ-жь твой тихій уголь? — Нѣтъ его нигдѣ.
 Онъ лишь тамъ, гдѣ взоръ твой устремленъ къ звѣздѣ.
 Онъ лишь тамъ, гдѣ свѣтитъ лучъ твоей мечты.
 Только тамъ, гдѣ солнце. Только тамъ, гдѣ ты.

II.

Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ,
 Нѣтъ часа, чтобъ тебя я не желалъ.
 Проклятiе невидящей Судьбѣ,
 Мудрецъ сказалъ, что мiръ постыдно малъ.

Постыдно малъ и тѣсенъ для мечты,
 И все же ты далеко отъ меня.
 О, боль моя! Желанна мнѣ лишь ты,
 Я жажду новой боли и огня!

Люблю тебя капризною мечтой,
 Люблю тебя всей силою души,
 Люблю тебя всей кровью молодой,
 Люблю тебя, люблю тебя, спѣши!

III.

*
* * *

Я заснулъ на распутьи глухомъ.
Въ высотѣ, на небесныя кручи,
Поднимались тяжелыя тучи.
Это было не ночью, а днемъ.

Я лежалъ на избитомъ пути,
На краю много знавшей дороги.
Здѣсь и люди и звѣри и боги
Проходили, чтобъ что-то найти.

Я дремалъ какъ живой, но мертвецъ,
Какъ умершій, но чающій жизни.
И, отдавшись душой укоризнѣ,
Задремалъ я какъ трупъ наконецъ.

И тогда мнѣ явилась она,
Та, кого я и прежде, неясно,
Такъ любилъ, безнадежно, безгласно,
Какъ любить намъ велѣла — Луна.

Надо мною безплотная тѣнь,
Наклоня воздушное тѣло,
Ближе быть, дальше быть, не хотѣла.

И погасъ утомительный день.

Все смѣшалось въ сомкнувшейся мглѣ.
Я мечталъ — да, какъ всѣ — о святынѣ.
И какъ трупъ я покоюсь донинѣ
На избитой шагами землѣ.

IV.

* * *

Мы прячемъ, душимъ тонкой сѣтью жи
Свою любовь.

Мы шепчемъ: „Да? Ты мой?—Моя?—Скажи!—
—„Скорѣй! Одежды брачныя готовь!“

Но я люблю, какъ любить пѣть ручей,
Какъ свѣтитъ лучъ.
Послѣдній я, иль первый, межъ лучей,
Навѣкъ, на мигъ,—миѣ все равно,—я жгучъ.

Но я люблю, какъ любить льнуть къ волнѣ
Воздушность ивъ.
Миѣ все равно, что скрыто тамъ на днѣ,—
Я въ зеркалѣ поверхности красивъ.

Поверхность отражаетъ выси горъ,
Измѣны дня.
Мой милый другъ, лелѣй въ себѣ мой взоръ,
Какъ тѣнь, какъ сонъ, люби, люби меня!

V.

ТОНЧАЙШІЯ КРАСКИ.

Тончайшія краски
Не въ яркихъ созвучьяхъ,
А въ еле-замѣтныхъ
Дрожаніяхъ струнъ,—

Въ нихъ зримы сіянья
 Планетъ запредѣльныхъ,
 Непознанныхъ свѣтовъ,
 Невидимыхъ лунъ.

И если въ минуты
 Глубокаго чувства,
 Мы смотримъ безгласно
 И любимъ безъ словъ,
 Мы видимъ, мы слышимъ,
 Какъ свѣтятъ намъ солнца,
 Какъ дышутъ намъ блески
 Нездѣшнихъ міровъ.

VI.

НА РАЗНЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.
 Я свѣтъ весны, а ты усталый холодъ.
 Я златоцвѣтъ, который вѣчно молодъ,
 А ты песокъ на мертвыхъ берегахъ.

Прекрасна даль вскипающаго моря,
 Его просторъ играющій широкъ.
 Но берегъ мертвъ. Измытъ волной песокъ.
 Свиститъ, хруститъ, съ гремучей влагой споря.

А я живу. Какъ въ сказочныхъ вѣкахъ,
 Воздушный садъ исполненъ аромата.
 Поетъ пчела. Моя душа богата.
 Мы говоримъ на разныхъ языкахъ.

VII.

П О З Д Н О.

Было поздно въ нашихъ думахъ.
 Пѣла полночь съ дальнихъ башенъ.
 Темный сонъ домовъ угрюмыхъ
 Былъ таинствененъ и страшенъ.

Было тягостно-обидно.
 Даль небесъ была беззвѣдна.
 Было слишкомъ очевидно,
 Что любить, любить намъ — поздно.

Мы не поняли начала
 нашихъ сновъ и пѣснопѣній.
 И созвучье отзывало
 Безъ блаженныхъ изступлений.

И на улицахъ угрюмыхъ
 Было скучно и морозно.
 Било полночь въ нашихъ думахъ.
 Было поздно, поздно, поздно.

VIII.

МЛЕЧНЫЙ ПУТЬ.

СОНЕТЪ.

Въ тѣ дни, когда вездѣ былъ Млечный Путь,
 Я полюбилъ несдержанность мечтанья,
 И вѣрю, звѣздный хаосъ мірозданья
 Въ моихъ словахъ блеснетъ когда-нибудь.

Теперь! Сейчас! Вольнѣ дышетъ грудь.
 Я полонъ сладкой дрожью ожиданья,
 Они встаютъ, забытыя преданья,
 Погасшія, хотятъ опять блеснуть.

Я вижу первозданную планету,
 Воздушную, какъ островъ голубой,
 Тамъ въ первый разъ я счастливъ былъ съ тобой.

Въ начальной тьмѣ оставилъ я примѣту,
 Сказавъ тебѣ: „Прощай. Когда-нибудь
 „Мы вновь съ тобой полюбимъ — Млечный Путь“.

IX.

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ.

Она такъ шумно-весела,
 И такъ свѣтла, —
 Какъ между скаль пѣвучій ключъ,
 Какъ яркій лучъ.

Въ ней все любовь, въ ней все мечта,
 И красота,
 Какъ все въ лѣсу, въ лучахъ весны,
 Любовь и сны.

Зачѣмъ же радостный расцвѣтъ
 Веселыхъ лѣтъ, —
 Какъ лѣтній блескъ смѣненъ зимой, —
 Оконченъ тьмой?

Теперь навѣкъ съ однимъ она,
 Прошла весна.
 Какъ дымъ вокругъ пурпура огней,
 Онъ всюду съ ней.

Цвѣтокъ роскошный отблесталъ,
 И мертвый сталъ.
 И какъ въ гербаріи онъ сжать,
 Безцвѣтенъ взглядъ.

Въ ней ключъ застывшій усыпленъ,
 Въ ней смутный сонъ,
 Какъ тусклый мертвенный налетъ
 Стоячихъ водъ.

X.

СОЕДИНЕННЫЕ.

Сожженный край томительной равнины,
 На ней забытый раненый солдатъ.
 Вдали синѣютъ горы-исполины.
 — „Ты не придешь, ты не придешь назадъ!“

Тамъ, гдѣ-то, край обиженный и бѣдный.
 Въ глухой избѣ, за пряжей, у окна,
 Какая-то одна, съ улыбкой блѣдной,
 Вдали отъ мужа — мужняя жена.

Мѣняетъ Солнце область созерцанья,
 Роняетъ тѣнь однимъ, и жжетъ другихъ.
 Все ближе ночь. Все тише восклицанья.
 Въ такую ночь пришелъ онъ какъ женихъ.

Равнины спятъ. Предъ счастьемъ пробужденья
 Мѣняетъ Солнце пышный свой нарядъ.
 Къ одной странѣ восходятъ всѣ видѣнья.
 — Да, онъ придетъ, придетъ къ тебѣ назадъ!

XI.

ПРИДОРОЖНЫЯ ТРАВЫ.

Спите, полумертвые увядшіе цвѣты,
 Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
 Близъ путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
 Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.

Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
 Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
 Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ нельзя,
 Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.

Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
 Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
 Вы, что встрѣтить счастье могли бы, какъ и всѣ,
 Въ женственной, въ нетронутой, въ дѣвической красѣ.

Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь,
 Вашимъ равнымъ—царствовать, а вамъ — навѣкъ уснуть,
 Богомъ обдѣленные на праздникъ мечты,
 Спите, не издавшіе расцвѣта красоты.

XII.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

I eg gaar fra den ene til den
anden Blomst, de er berusede..

K. Hamsun. Pan.

Храня влюбленную истому,
Я цѣпенѣю и гляжу.
Отъ одного цвѣтка къ другому
Въ саду перехожу.

Воздушно ландыши бѣлѣютъ,
Въ себя влюбляется нарциссъ,
И гроздья красныхъ лилій млѣютъ,
Раскрылись и зажглись.

И счастью преданы нѣмому,
Уста раскрывшихся цвѣтовъ,
Отъ одного цвѣтка къ другому
Струять блаженство сновъ.

Я вижу, какъ они мѣняютъ
Свой легкій праздничный нарядъ,
Другъ друга пылью соблазняютъ,
Влюбляютъ и пьянятъ.

Душистой пылью опьяненный,
Цвѣтокъ цѣлуется съ цвѣткомъ.
А я, безумный, я, влюбленный,
Съ блаженствомъ незнакомъ.

Но я храню свою истому,
Тобой живу, тобой дрожу.
И отъ цвѣтка идя къ другому,
Всѣмъ — сердце расскажу.

XIII.

* * *

Я знаю людей съ голубыми глазами,
 Я знаю, что принято думать о нихъ.
 Но это молчаніе неба надъ нами
 Не есть ли горящій безмолвіемъ стихъ?

Не стихъ, а поэма, о томъ, что лазурность
 Все видитъ, все знаетъ, всегда глубина,
 И молча твердитъ намъ: „Безбурность. Безбурность.
 „Я лучше, чѣмъ буря. Я счастье сна“.

XIV.

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ.

Темнѣетъ вечеръ голубой,
 Мерцаютъ розовыя тѣни.
 Мой другъ, скорѣй, пойдѣмъ съ тобой
 На тѣ завѣтныя ступени.

Надъ нами будетъ желтый крестъ,
 Цвѣтныя окна церкви темвой.
 Зажжется небо, и окрестъ
 Повсюду будетъ блескъ заемный.

Багряно-огненный закатъ
 Во мгль освѣтитъ лица наши.
 Съ могиль къ намъ розы обратятъ
 Свои раскрывшіяся чаши.

Для насъ надгробные кресты,
 Въ лучахъ послѣдняго сіянья,
 Воспримуть чары красоты,
 Какъ знакъ нѣмого обѣщанья.

И всѣ тона, и всѣ цвѣта,
 Какіе только въ небѣ слиты,
 Какъ въ рай забытыя врата,
 Намъ будутъ въ этотъ мигъ открыты.

И смолкнутъ наши голоса,
 И мы, другъ въ другѣ пропадая,
 Погаснемъ, какъ въ цвѣткѣ роса,
 Какъ въ тучкѣ искра золотая.

XV.

В О Л Н Ы.

Волна бѣжить. Волна съ волною слита.
 Волна съ волною слита въ одной мечтѣ.
 Прильнувъ къ скаламъ, они гремятъ сердито.
 Они гремятъ сердито: „Не тѣ! Не тѣ!“

И въ горькомъ снѣ волна волнѣ шепнула.
 Волна волнѣ шепнула: „Въ тебѣ — мечта“.
 И плещутъ вновь: „Меня ты обманула!“
 „Меня ты обманула. И ты — не та!“

XVI.

НАРЦИССЪ И ЭХО.

Aire y flor...

Calderon

Цвѣтокъ, и воздухъ, смущенный эхомъ,
 То полный плачемъ, то полный смѣхомъ.
 Цвѣтокъ нарцисса, и звукъ завѣтный,
 Отвѣтомъ вставшій, но безотвѣтный.

Надъ глубиоу водной, мертво-зеркальной,
 Бесплодно стынетъ цвѣтокъ печальный,
 Своимъ обмануть прекраснымъ ликомъ,
 Не внемля внѣшнимъ мольбамъ и крикамъ.

А звукъ завѣтный, хотя и внѣшній,
 Навѣкъ пронизанъ тоской нездѣшной,
 Ревнуетъ, молить, грозить, пророчить,
 И вотъ рыдаетъ, и вотъ хохочетъ.

Но нѣтъ слянья для двухъ прекрасныхъ,
 Мы розно стынемъ въ терзаньяхъ страстныхъ.
 И гаснутъ звуки, и ясны воды
 Въ бездушномъ царствѣ глухой Природы.

XVII.

МУДРОСТЬ СЕРДЦА.

Ты видалъ-ли, какъ вздыхаетъ вѣтеръ межъ цвѣтовъ,
 Ихъ цѣлуетъ, и качаетъ, ими прянь и сладко-новъ.

Ты видалъ-ли, какъ лелѣютъ волны лотосъ голубой,
 Какъ они цвѣтокъ ласкаютъ, окруживъ его собой.

Ты видалъ ли, какъ воздушно свѣтитъ въ сумеркахъ звѣзда,
Какъ предъ нею, вмѣстѣ съ нею, дышетъ вечеромъ вода.

Въ этомъ мудрость, въ этомъ счастье — увлекаясь, увлекать,
Зажигать и въ то же время самому свѣтло сверкать.

Увлекая, увлекаться — мудрость сердца моего,
Этимъ я могу достигнуть — слишкомъ многого — всего!

ХVIII.

УТРЕННІЙ ЦВѢТОКЪ.

Я нашель въ лѣсу цвѣтокъ,
Онъ такой былъ легкій, нѣжный,
И рукой моей небрежной
Сломанъ тонкій стебелекъ.

Много я сорвалъ цвѣтовъ,
И ликующихъ и блѣдныхъ,
Въ этихъ чащахъ заповѣдныхъ,
Далеко отъ городовъ.

Но упрямая душа
Говорить, что лишь вначалѣ,
Въ утро, чуждое печали,
Радость счастья хороша.

И воздушный тотъ цвѣтокъ
Я во всѣхъ своихъ скитаньяхъ,
Въ наслажденьяхъ, и въ страданьяхъ,
Позабыть никакъ не могъ.

XIX.

* * *

Я не знаю, какъ же быть?
Продолжать или забыть?
Черезъ улицу, давно,
Изъ окна смотрю въ окно.

И давно ко мнѣ преникъ,
Сквозь окно, далекій ликъ.
За воздушною средой,
Манить, нѣжный, молодой.

Этотъ ликъ глядитъ давно
Сквозь прозрачное окно.
Ближе быть нельзя никакъ:
Будеть какъ - то все не такъ.

Нѣтъ, не такъ слились бы мы
Въ сладкой связи близкой тьмы,
Какъ мы слиты силой сновъ,
Безъ любви, и безъ оковъ.

Я не знаю, какъ же быть?
Какъ любить — и не любить?
Духъ далекій, духъ родной,
Вѣчно - ль будешь ты со мной?

XX.

ШИПОВНИКЪ.

Шиповникъ алый,
Шиповникъ бѣлый.
Одинъ усталый,
И онѣмѣлый,
Другой влюбленный,
Лѣнливо-страстный,
Душистый, сонный,
И красный, красный.

Едва вздыхая,
И цѣпенѣя,
Въ дыханьи мая
Влюбляясь, млѣя,
Они мечтають
О невозможномъ,
И доцвѣтають
Во снѣ тревожномъ.

И близко, близко
Одинъ къ другому,
Въ корняхъ, такъ низко,
Хранятъ истому,
Въ листахъ, въ вершинахъ,
Въ цвѣтахъ, повсюду,
И въ снахъ единыхъ
Открылись чуду.

О, чудо мая
 Неотвратимо!
 Но время, тая,
 Проходить мимо,
 Но май устанетъ,
 И онѣмѣетъ,
 И вѣтеръ встанетъ,
 Цвѣты развѣетъ.

Ихъ рокъ — быть рядомъ
 И жажда слиться,
 Ихъ рокъ — лишь взглядомъ
 Соединиться.
 О, сонъ усталый,
 О, вздохъ несмѣлый!
 Шиповникъ алый,
 Шиповникъ бѣлый!

XXI.

С Р А З У.

Ты мнѣ понравилась такъ сразу оттого,
 Что ты такъ дѣвственно-стыдлива и прекрасна,
 Но за стыдливостью, и сдержанно, и страстно,
 Коснулось что-то сердца твоего.

Въ твои глаза взглянувъ, я вижу въ зыбкомъ взорѣ,
 Что страсть была тебѣ знакома и близка.
 Ты легкая волна, играющая въ морѣ,
 Ты тонкій стебель нѣжнаго цвѣтка.

Дыханьемъ вѣтерка, въ завѣтное мгновенье,
 Нарушена была твоя нѣмая тишь,
 Но было такъ легко его прикосновенье,
 Что ты его едва-едва таишь.

Мнѣ все же чудится, что ласки поцѣлуя
 Ты ясно слышала, и знаешь сладость ихъ,
 И я, увидя зыбь глубокихъ глазъ твоихъ,
 Тебя люблю, желая и ревную.

XXII.

БѢЛЫЙ ЦВѢТОКЪ.

Въ твои глаза взглянувши, я понялъ въ тотъ же мигъ,
 Что ты цвѣтокъ воздушный и сладостный родникъ.

Въ твоей душѣ такъ много прозрачныхъ свѣтлыхъ водъ,
 И надъ водой зеркальной цвѣтокъ-мечта живетъ.

Весъ бѣлый, бѣлый, бѣлый, онъ лишь въ себя влюбленъ.
 Его восторгъ воздушный ни съ кѣмъ не раздѣленъ.

Но я люблю воздушность и бѣлые цвѣты.
 Прекрасная! Запомни, что мнѣ желанна ты!

XXIII.

Т Ы З Д Ѣ С Ъ .

Ты здѣсь, со мною, такъ близко-близко.
 Я полонъ счастья. Въ душѣ гроза.
 Тѣ цѣпенѣешь — какъ одалиска
 Полузакрывши свои глаза.

Кого ты любишь? Чего ты хочешь?
 Теперь томишься? Иль съ давнихъ поръ?
 О чемъ поешь ты, о чемъ пророчишь,
 О, затѣненный, но яркій взоръ?

Мое блаженство, побудь со мною,
 Я весь желанье, я весь гроза.
 Я весь исполненъ тобой одною.
 Открой мнѣ счастье! Закрой глаза!

XIV.

ЧЕРЕМУХА.

Черемухой душистой съ тобой опьянены,
 Мы вдругъ забыли утро, и вдругъ вступили въ сны.

И утро превратилось въ моря безъ береговъ,
 Моря пловучихъ тучекъ, вѣтвей, кустовъ, цвѣтовъ.

Цвѣты, деревья, травы, и травы, и цвѣты,
 Моря цвѣтовъ и красокъ, любовь, и я, и ты.

Лицо къ лицу склонивши, и руку въ руку взявъ,
 Мы вдругъ прониклись счастьемъ легко дрожащихъ травъ.

Безмѣрнымъ свѣтомъ Солнце свѣтило съ высоты,
 И было изумленье, восторгъ, и я, и ты.

Въ насъ царствовала Вѣчность, въ насъ былъ короткій часъ,
 И утро выросло для насъ, для насъ, для насъ.

Мы были два сіянья, два призрака весны,
 Черемухой душистой подсказанные сны.

XXV.

ПРОЗРАЧНОСТЬ.

Воздухъ сталъ прозрачнѣй и печальнѣй,
 Умеръ день, а ночь не родилась.
 Изъ окна, въ своей опочивальнѣ,
 Лишь одна звѣзда, блеснувъ, зажглась.

Облачкомъ окутанная бѣлымъ,
 Ласково глядѣла съ высоты,
 Призракомъ воздушно-онѣмѣлымъ,
 Образомъ нетлѣнной чистоты.

И съ тобой, по берегу морскому,
 Я впередъ безгласно уходилъ,
 Къ новому, къ неожиданному, къ другому,
 Къ воздуху безъ тучъ и безъ свѣтилъ.

XXVI.

* * *

Ты вся мнѣ кажешься какой-то тайной сладкой,
 Когда вотъ здѣсь, вотъ тутъ, молчишь, едва дыша,
 И для меня навѣкъ останется загадкой
 Твоя безмолвная душа.

Всѣмъ видомъ сказочнымъ, немножко старосвѣтскимъ,
 Напоминающимъ прадедовскіе дни,
 И этимъ голосомъ, задержаннымъ и дѣтскимъ,
 Ты точно говоришь: „Усни“.

Когда же ты поешь такъ сладостно и ровно,
 Ты вся мнѣ кажешься нетронутымъ цвѣткомъ,
 Едва лелѣемымъ, стыдливо и любовно,
 Полувлюбленнымъ вѣтеркомъ.

XXVII.

ШЕСТНАДЦАТИ ЛѢТЪ.

Счастливая дѣвушка
 Шестнадцати лѣтъ!
 О, возрастъ влюбленности
 И быстрыхъ побѣдъ!
 О, мигъ пробужденія,
 Румяный расцвѣтъ!

Весь міръ вамъ — какъ житница,
 Онъ намъ только пусть.
 Онъ вамъ улыбается,
 Какъ розовый кустъ,
 Какъ нѣжность подвижная
 Смѣющихся усть.

Къ вамъ жизнь приближается,
 Ласкаетъ, зоветъ.
 Подъ Солнцемъ на озерѣ
 Вскрывается ледъ.
 На пчельникѣ топится
 И копится медъ.

Во всемъ обѣщанія
И ласковый свѣтъ.
Вы спросите, взглянете,
Вамъ будетъ отвѣтъ.
О, милая дѣвушка
Шестнадцать лѣтъ!

XXVIII.

ЗАМАРАШКА.

Уличной испанкѣ.

Бѣдная ты замарашка,
Сѣренькій робкій звѣрокъ,
Ты полевая ромашка,
Никѣмъ не любимый цвѣтокъ.

Ты и не знаешь, какъ манить
Прелестъ незнатныхъ полей,
Видъ твой души не обманеть,
Ты всѣхъ мнѣ красавицъ милѣй.

XXIX.

КОЛДУНЬЯ.

СОНЕТЪ.

Какъ медленно, какъ тягостно, какъ скучно
Проходитъ жизнь, являя тотъ же ликъ.
Широкая рѣка течетъ беззвучно,
А въ сердцѣ дышетъ бьющійся родникъ.

И новаго онъ хочетъ каждый мигъ,
И старое онъ видитъ неотлучно.
Субботній день, какъ всѣ, прошелъ, поникъ,
И полночь бьетъ, и полночь однозвучна.

Такъ что же, завтра — снова какъ вчера?
 Нѣтъ, есть восторгъ минуты изступленной.
 Меня зовутъ. Я слышу. Такъ. Пора.

Пусть завтра встрѣчу смерть въ чаду костра, —
 За сладость счастья сладко быть сожженной.
 Межъ демоновъ я буду до утра!

XXX.

МОРСКАЯ ДУША.

У нея глаза морского цвѣта,
 И живетъ она какъ бы во снѣ.
 Отъ весны до окончанья лѣта
 Духъ ея въ нездѣшной сторонѣ.

Ждетъ она чего-то молчаливо,
 Гдѣ сильнѣй всего шумить прибой,
 И въ глазахъ глубокихъ въ мигъ отлива,
 Холодѣетъ сумракъ голубой.

А когда высоко встанетъ буря,
 Вся она застынетъ, внемля плескъ,
 И глядитъ какъ звѣрь, глаза прищуря,
 И въ глазахъ ея зеленый блескъ.

А когда настанетъ новолунье,
 Вся изнемогая отъ тоски,
 Блѣдная влюбленная колдунья
 Расширяетъ черные зрачки.

И слова какого-то обѣта
 Все твердить, взволнованно дыша.
 У нея глаза морского цвѣта,
 У нея невѣрная душа.

XXXI.

С Е М И Ц В Ѣ Т Н И К Ъ .

Люси Савицкой.

Нѣжите, чѣмъ польская панна,
 И значить нѣжите всего.

Бальмонтъ.

1.

Лѣсной ручей поетъ, не зная почему,
 Но онъ свѣтло журчить и нарушаетъ тьму.
 А въ трепетѣ лучей поетъ еще звончѣй,
 Какъ будто говоря, что онъ ничей, ничей.

Такъ ты всегда свѣтла, не зная почему,
 И быть такой должна, наперекоръ всему.
 Твоя душа—напѣвъ звенящаго ручья,
 Который говоритъ, что ты ничья, ничья.

2.

Смотри, какъ звѣзды въ вышинѣ
 Свѣтло горять тебѣ и мнѣ.
 Они не думаютъ о насъ,
 Но свѣтятъ намъ въ полночный часъ.

Прекрасенъ ими небосклонъ,
 Въ нихъ вѣченъ свѣтъ, и вѣченъ сонъ.
 И кто ихъ видитъ—жизни радъ,
 Чужою жизнью богатъ.

Моя любовь, моя звѣзда,
 Такой какъ звѣзды будь всегда.
 Горя не думай обо мнѣ,
 Но дай побыть мнѣ въ звѣздномъ снѣ.

3.

Нѣтъ, ты не поняла, что въ безднѣ пустоты
 Я не обрывъ, не тьма, а вольный сонъ мечты,
 Такой же радостный и вкрадчивый, какъ ты.

Я пропасти люблю, но такъ же, какъ лѣса,
 Молчанье, и за нимъ — земные голоса,
 И все подземное, и свѣтъ, и небеса.

Я, безконечное въ конечномъ ощутивъ,
 Люблю и высоту, влюбляюсь и въ обрывъ,
 И я въ чудовищномъ свободенъ и красивъ.

Свободенъ, потому, что только мигъ я въ немъ,
 И сладко сплю въ тѣни, сказавши тьмѣ: „Уснемъ“.
 Но вотъ ужъ я возсталъ, я весь огонь съ огнемъ.

Мы всюду встрѣтимся, гдѣ чары красоты,
 Гдѣ въ самомъ хаосѣ завершены черты,
 Гдѣ свѣтъ гармоніи, гдѣ счастье, гдѣ ты.

4.

Люси, моя весна! Люси, моя любовь!
 Какъ сладко снова жить, и видѣть солнце вновь.
 Я былъ въ глубокой тьмѣ, моя душа спала,
 Но задрожала мгла, когда весна пришла.

Восторгомъ стала боль, отвѣтомъ сталъ вопросъ,
 Отъ смѣха губъ твоихъ, и золота волосъ.
 И тонкій станъ ко мнѣ прильнулъ въ воздушномъ снѣ,
 И предалъ я свой духъ чарующей веснѣ.

О, стройная мечта, не разлучусь я съ ней!
 Кто въ мірѣ можетъ быть моею Люси нѣжнѣй?
 Кто лучше всѣхъ? Люси, спроси ручей, цвѣты:
 Лучи, ручей, цвѣты мнѣ говорятъ, что — ты!

5.

Кто полюбивъ — не сразу полюбилъ?
 Въ глубокой тьмѣ — горятъ огни свѣтилъ.
 И кто уставъ — свою покинулъ тьму,
 Его звѣзда — свѣтло горитъ ему.

Къ тебѣ прильнувъ — я вижу бездну водъ.
 Въ моихъ зрачкахъ — твой гордый блескъ живетъ.
 Зеркаленъ ликъ — прозрачной глубины,
 Тамъ два стебля — влюбленно сплетены.

Въ одномъ цвѣткѣ — какъ бархатная ночь,
 Въ другомъ цвѣткѣ — огонь, что рвется прочь.
 И мы горимъ — прекраснѣй нѣтъ свѣтилъ,
 И въ первый разъ — я сразу полюбилъ.

6.

Когда сейчасъ передо мною
 Ты въ сладострастьи замерла,
 Одною схвачены волною,
 Мы отдались любви и зною,
 Но въ нашихъ взорахъ пеленою
 Возникла трепетная мгла.

И мы глаза свои закрыли,
 Чтобъ видѣть лишь себя во снѣ,
 И въ блескѣ сна, въ цвѣточной пыли,
 Мы жизнью слитно-разной жили,
 Какъ два видѣнья той же были,
 Какъ два луча въ одной волнѣ.

И всѣ слова одной страницы
 Соединить насъ не могли,
 Сверкнувъ другъ другу какъ зарницы,
 Тонули мы какъ въ небѣ птицы,
 И ты, полуоткрывъ рѣсницы,
 Была вблизи — но какъ вдали!

7.

„Зачѣмъ ты хочешь словъ? Ужели ты не видишь,
 „Какъ сладко мнѣ съ тобой, цвѣтокъ мой голубой?
 „Ни друга, ни врага ты взглядомъ не обидишь,
 „Цвѣтешь, всегда цвѣтешь, взлелѣянный Судьбой.

„Зачѣмъ тебѣ слова? Я какъ и ты безгласна.
 „Я сны истомные лелѣю какъ и ты.
 „Смотри, какъ дышемъ мы, тревожно, нѣжно, страстно...
 „О, милый, милый мой! Вѣдь мы съ тобой — цвѣты!“

XXXII.

* * *

Влага только на мгновенье
 Можетъ къ лотосу прильнуть,
 Дастъ ему свое забвенье,
 И опять стремится въ путь.

Лотосъ только на мгновенье
Принимаетъ поцѣлуй
И восторгъ прикосновенья
Перемѣнно - быстрыхъ струй.

Мигъ блаженства, легкость ласки,
Вольно - слитныя сердца,
Прелесть призрачной завязки
И мгновеннаго конца.

Лотосъ послѣ быстрой ласки
Весь блеститъ легко дрожа,
И вода въ подвижной сказкѣ
Обновленна и свѣжа.

XXXIII.

Т Р И Ц В Ъ Т А.

Черный, желтый, и красный,
Три испанскіе цвѣта.
Сліянье тριάды согласной
Разгадано сердцемъ поэта.

Черный цвѣтъ подозрѣнья
Страшенъ душамъ невѣрнымъ,
Обманчивый мигъ утоленья
Къ возмездьямъ приводитъ примѣрнымъ.

Желтый — дикая ревность,
Жгучесть раненой чести,
До времени скрытая гнѣвность,
Злорадство разчитанной мести.

Всѣхъ отчетливѣй — красный,
 Полный жизни и смерти.
 Довѣрьтесь триадѣ согласной,
 Любите, но страсти не вѣрьте!

XXXIV.

СЕРЕНАДА.

Я сомкнулъ глаза усталые,
 Мира больше нѣтъ.
 Плачьте, плачьте, запоздалые,
 Свѣтитъ вамъ лишь поздній свѣтъ.
 Дышутъ сумерки неясные,
 Смотрятъ звѣзды съ высоты.
 Плачьте, страстные, подвластные
 Тайнамъ темноты.

Я закрылъ глаза усталые,
 Стройный міръ погасъ.
 Кровь слагаетъ сказки алыя,
 И обманываетъ насъ.
 Дышутъ шелесты неясные,
 Дымно спитъ рѣчная гладь.
 Плачьте, страстные, безгласные,
 Вамъ недолго спать.

XXXV.

КРЕСТОНОСЕЦЪ.

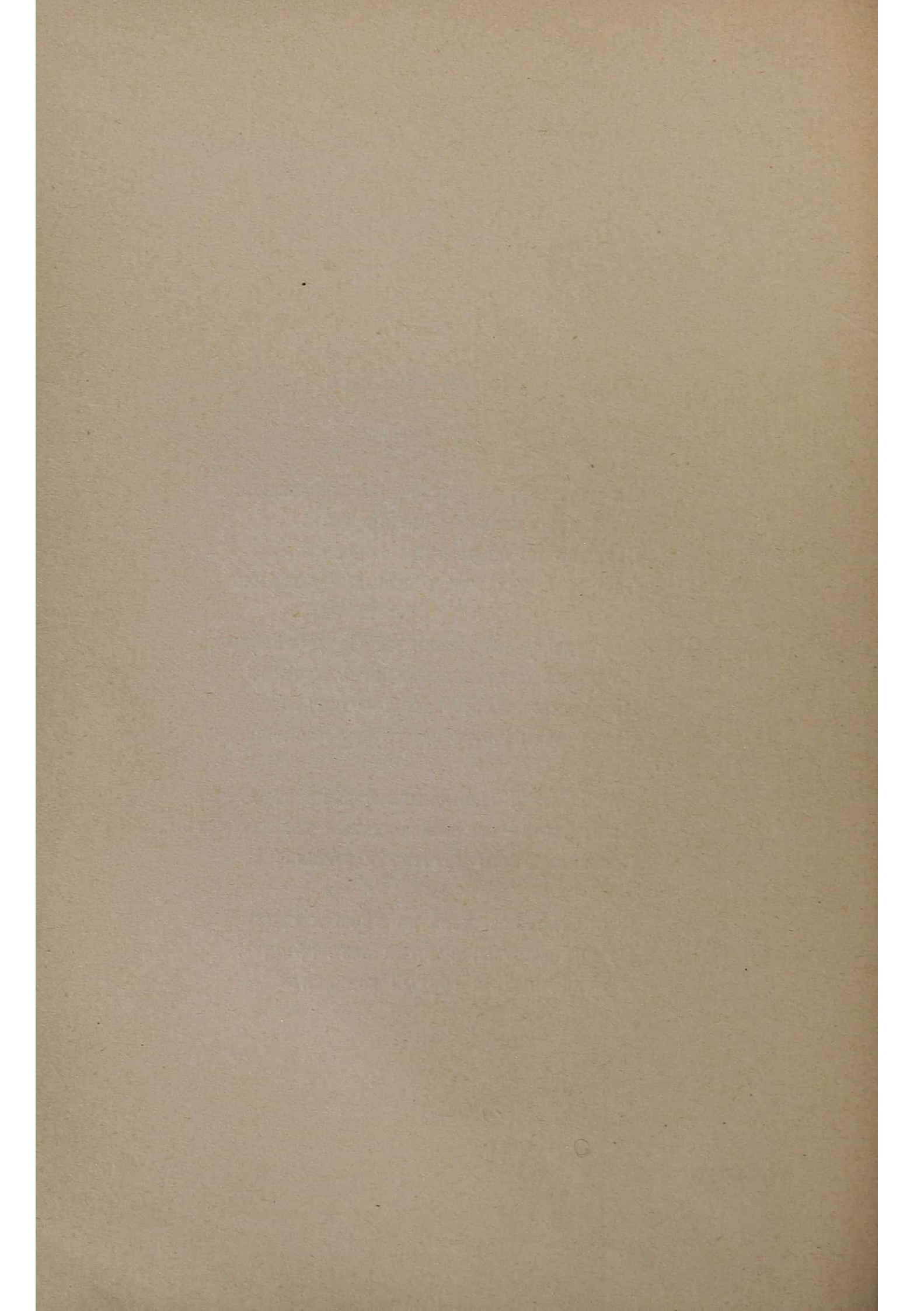
СОНЕТЪ.

Ни ревности, ни скукъ, ни злословью,
Моей души живой я не предамъ.
Блуждая по несчетнымъ городамъ,
Однимъ я услажденъ всегда — любовью.

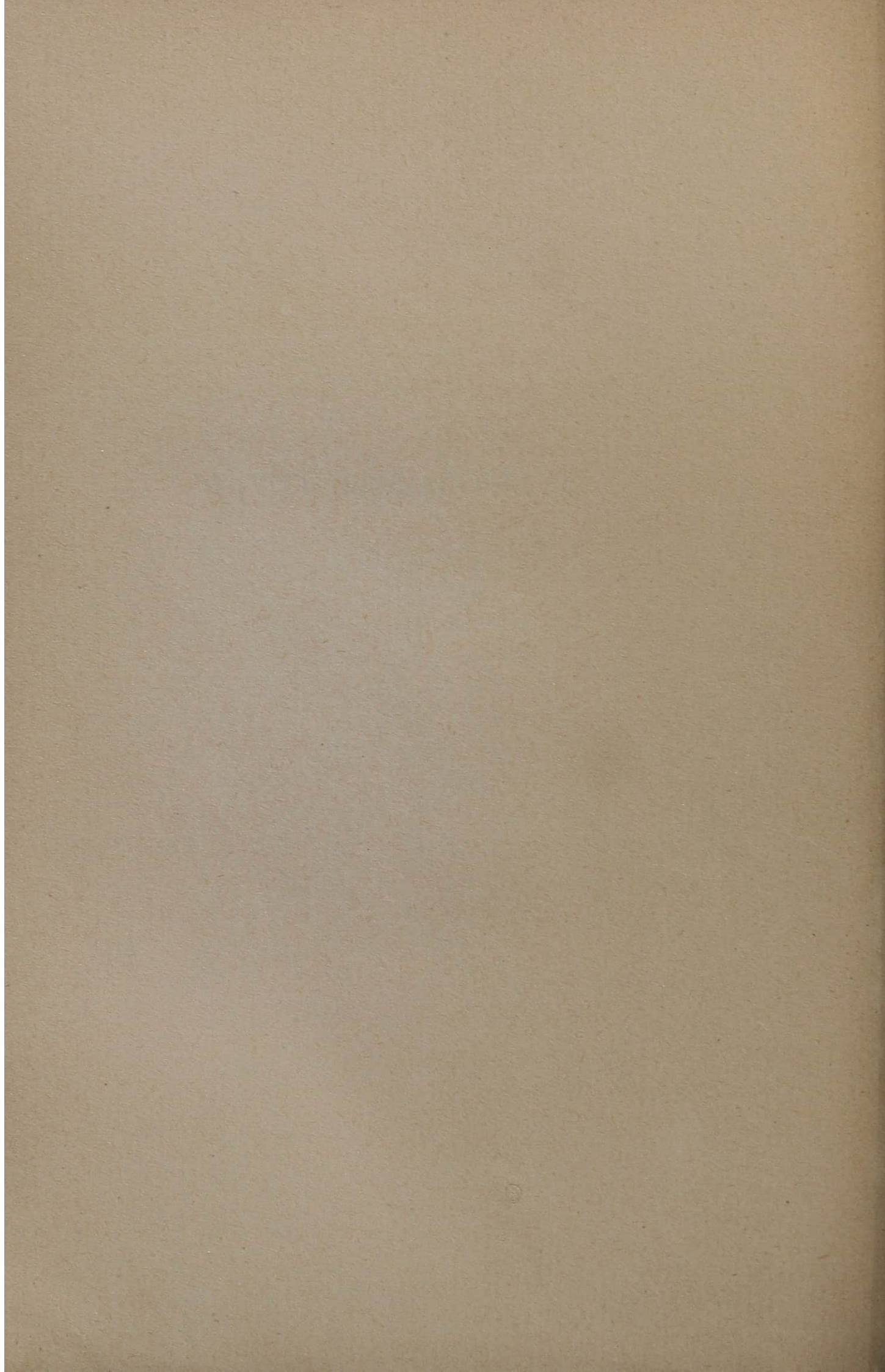
Мой умъ увлекъ меня къ Средневѣковью,
Ко днямъ служенья тающимъ мечтамъ.
И, крестоносецъ, годы я отдамъ,
Чтобъ розы сновъ зардѣлись алой кровью.

Моей! Моей! Невѣрныхъ больше нѣтъ.
Въ пустынь — все смѣшавшихъ — долгихъ лѣтъ
Сравнялись всѣ молитвы и проклятья.

И въ вѣрность дней не вѣрю я одинъ.
Во имя жертвы, счастья безъ объятъя,
Я сумрачный, я гордый паладинъ.

ЗАЧАРОВАННЫЙ ГРОТЪ.

I.

* * *

О, Сафо, знаешь только ты
 Необъяснимость откровенья
 Непобѣжденной красоты
 Въ лучахъ безсмертнаго мгновенья!

О, Сафо, знаешь только ты, —
 Чье имя — сладость аромата, —
 Неизреченныя мечты,
 Для насъ блеснувшія когда-то!

О, Сафо, знаешь только ты,
 Какъ ярко ширятся, безъ счета,
 Непостижимые цвѣты
 Изъ зачарованнаго грота!

II.

* * *

Жизнь проходитъ, — вѣченъ сонъ.
 Хорошо мнѣ, — я влюбленъ.

Жизнь проходитъ, — сказка нѣтъ.
 Хорошо мнѣ, — я поэтъ.

Душень міръ, — въ душѣ свѣжо.
 Хорошо мнѣ, хорошо.

III.

ОТПАДЕНІЯ.

Отпаденія въ міръ сладострастія
 Намъ самою Судьбой суждены.
 Намъ невѣдомо высшее счастье.
 И любить, и желать — мы должны.

И не любить-ли жизнь настоящее?
 И не свѣтять-ли звѣзды за мглой?
 И не хочеть-ли Солнце горящее
 Сочетаться любовью съ Землей?

И не дышетъ-ли влага прозрачная,
 Въ глубину принимая лучи?
 И не ждетъ-ли Земля новобрачная?
 Такъ люби. И цѣлуй. И молчи.

IV.

МОЕ ПРИКОСНОВЕНЬЕ.

Мое прикосновенье,
 Мой сладкій поцѣлуй—
 Какъ свѣтлое забвенье,
 Какъ пѣнье вешнихъ струй.

Воздушное лобзанье,
 До истощенья силъ—
 Какъ сладость приказанья
 Того, кто сердцу милъ.

Оно легко змѣнится
 Вдоль тѣла и лица—
 И длится, длится, длится,
 Какъ будто безъ конца.

V.

* * *

Мой милый!—ты сказала мнѣ.—
 Зачѣмъ въ душевной глубинѣ
 Ты будишь бурныя желанья?
 Все, что въ тебѣ, влечетъ меня.
 И вотъ въ душѣ моей, звеня,
 Растетъ, растетъ очарованье!

Тебя люблю я столько лѣтъ,
 И нѣженъ я, и я поэтъ.
 Такъ какъ же это, совершенство,
 Что я тебя своей не звалъ,
 Что я тебя не цѣловалъ,
 Не задыхался отъ блаженства?

Скажи мнѣ, счастье, почему?
 Пойми: никакъ я не пойму,
 Зачѣмъ мы стали у предѣла?
 Зачѣмъ не хочешь ты любить,
 Себя въ восторгѣ позабыть,
 Отдать и душу мнѣ и тѣло?

Пойми, о, нѣжная мечта:
 Я жизнь, я солнце, красота,
 Я время сказкой зачарую,
 Я въ страсти звѣзды создаю,
 Я весь — весна, когда пою,
 Я — свѣтлый богъ, когда цѣлую!

VI.

У Т Р Е Н Н И К Ъ .

Я нарвалъ черемухи душистой,
 Освѣженной утреннею мглой.
 Какъ въ ней много пьяности росистой.
 Милая, скорѣй окно открой!

Я тебя къ тебѣ самой ревную,
 Я тебя такъ тѣсно обовью
 И тебя цвѣтами зачарую,
 И тебя росою напою.

Предо мною тонкая преграда,
 Сквозь стекло видна твоя кровать.
 Нѣтъ, не надо твоего не надо,
 Дай тебя мнѣ всю поцѣловать!

VII.

* * *

Я тебя закутаю
 Дрѣмой грезъ плѣнительныхъ,
 Я тебя опутаю
 Сѣтью тонкихъ травъ,
 Нѣжно забаюкаю
 Сказкой ласкъ томительныхъ,
 Замедленной мукою
 Сладостныхъ отравъ.

Ты вздохнешь, влюбленная,
 Поблѣднѣвъ отъ счастія,
 Сладко-утомленная,
 Какъ вечерній свѣтъ.
 Сквана безбрежностью,
 Тайны сладострастія,
 Ты увидишь съ нѣжностью,
 Что съ тобой — поэтъ.

VIII.

А Р У М Ъ.

Тропическій цвѣтокъ, багряно-пышный арумъ!
 Твои цвѣты горятъ ликующимъ пожаромъ.

Твои листы грозятъ, нельзя ихъ позабыть,
 Какъ копья, чья судьба — орудьемъ смерти быть.

Цвѣтокъ-чудовище, надменный и злоокій,
 Съ недобрымъ пламенемъ, съ двуцвѣтной поволокой.

Снаружи блестящей сіяніемъ зари,
 Свѣтло-пурпуровой, — и черною внутри.

Губительный цвѣтокъ, непобѣдимый арумъ,
 Я преданъ всей душой твоимъ могучимъ чарамъ.

Я знаю, что они такъ пышно мнѣ сулятъ:
 Съ любовнымъ праздникомъ въ нихъ дышетъ жгучій ядъ!

IX.

ХОТЬ РАЗЪ.

Мы боимся — мы дѣлимъ — дробимъ
 Нашъ восторгъ предъ возникшей картиной.
 О, хоть разъ я хочу быть любимъ
 Съ беззавѣтностью — пусть хоть звѣриной!

Хоть звѣриной, когда неземной
 На землѣ намъ постичь невозможно.
 Вотъ, ты чувствуешь? Сладко со мной?
 Мы не блѣдно забылись, не ложно.

Утомившись, мы снова хотимъ,
 Орхидейнымъ подобные чашамъ.
 Мы съ тобою весь міръ побѣдимъ,
 Онъ возникнетъ чарующе-нашимъ.

Ты качаешься въ сердцѣ моемъ,
 Какъ на влагѣ — восторгъ отраженій.
 Мы съ тобою весь міръ закуемъ
 Красотою змѣиныхъ движеній!

X.

А Н И Т А.

Я былъ желаненъ ей. Она меня влекла,
 Испанка стройная съ горящими глазами.
 Далекимъ заревомъ жила ночная мгла,
 Любовь невнятными шептала голосами.
 Созвучьемъ словъ своихъ она меня зажгла,
 Испанка смуглая съ глубокими глазами.

Альковъ раздвинулся воздушно-кружевной.
 Она не стала мнѣ шептать: „Пусти... Не надо...“
 Не дѣвѣ Сѣвера, не нимфѣ ледяной,
 Твердилъ я вкрадчиво: „Anita! Adorada!“
 Тигрица жадная дрожала предо мной,—
 И кромѣ глазъ ея мнѣ ничего не надо.

XI.

С Л І Я Н І Е.

СОПЕТЪ.

Красивый звѣрь изъ тигровой семьи,
 Жестокій обликъ чувственной пантеры,
 Съ тобой я слить въ истомномъ забытїи,
 Тебя люблю, безъ разума, безъ мѣры.

Я зналъ давно, какъ властны всѣ химеры,
 Я предалъ имъ мечтанїя мои,
 Но ты даешь мнѣ сладость новой вѣры,
 Даешь мнѣ знать о новомъ бытїи.

Различности въ слїянїи единомъ,
 Кошачья мягкость, съ женской красотой,
 Ликъ юноши, плѣннаго мечтой.

Влюбленный ангель, съ помысломъ звѣринымъ,
 Возьми меня, скорѣй, мой нектаръ пей,
 Ласкай меня, люби меня, убей!

XII.

РУСАЛКА.

Если можешь, пойми. Если хочешь, возьми.
 Ты одинъ мнѣ понравился между людьми.
 До тебя я была холодна и блѣдна.
 Я съ глубокаго, тихаго, темнаго дна.

Нѣтъ, помедли. Сейчасъ загорится для насъ
 Молодая Луна. Вотъ, ты видишь? Зажглась!
 Дышетъ мракъ голубой. Ну, цѣлуй же! Ты мой?
 Здѣсь. И здѣсь. Такъ. И здѣсь... Ахъ, какъ сладко съ тобой!

XIII.

*
 * *

Я ласкалъ ее долго, ласкалъ до утра,
 Цѣловалъ ея губы и плечи.
 И она наконецъ прошептала: „Пора!
 „Мой желанный, прощай же — до встрѣчи“.

И часы пронеслись. Я стоялъ у волны.
 Въ ней качалась русалка нагая.
 Но не блѣдная дѣва вчерашней Луны,
 Но не та, но не та, а другая.

И, ее оттолкнувъ, я упалъ на песокъ,
 А русалка, со смѣхомъ во взорѣ,
 Вдругъ заплѣла: „Просторъ полноводный глубокъ.
 „Много дѣвъ, много раковинъ въ морѣ.

„Тотъ, кто слышалъ нагѣвъ перевозданной волны,
 „Вѣчно полонъ мечтаній безбрежныхъ.
 „Мы — съ глубокаго дна, и у той глубины
 „Много дѣвъ, много раковинъ нѣжныхъ“.

XIV.

КОЛДУНЯ ВЛЮБЛЕННАЯ.

Мнѣ вѣдомо пламя отчаянья,
 Я знаю, что знаютъ въ аду.
 Но, мраку отдавшись, бѣгу отъ раскаянья,
 И новыхъ грѣховъ задыхаяся жду.

Красивую маску безстрастія
 Лишь равный способенъ понять.
 Глаза мои могутъ ослѣпнуть отъ счастья,
 Ослѣпнуть отъ муки, — но слезъ имъ не знать.

О, да, я колдунья влюбленная,
 Смѣюсь, по обрыву скользя.
 Я ночью безумна, я днемъ полусонная,
 Другой я не буду — не буду — нельзя.

XV.

ИГРАЮЩЕЙ ВЪ ИГРЫ ЛЮБОВНЫЯ.

Есть поцѣлуи — какъ сны свободные,
 Блаженно-яркіе, до изступленія.
 Есть поцѣлуи — какъ снѣгъ холодные.
 Есть поцѣлуи — какъ оскорбленіе.

О, поцѣлуй — насильно данные,
 О, поцѣлуй — во имя мщенія!
 Какіе жгучіе, какіе странные,
 Съ ихъ вспышкой счастья и отвращенія!

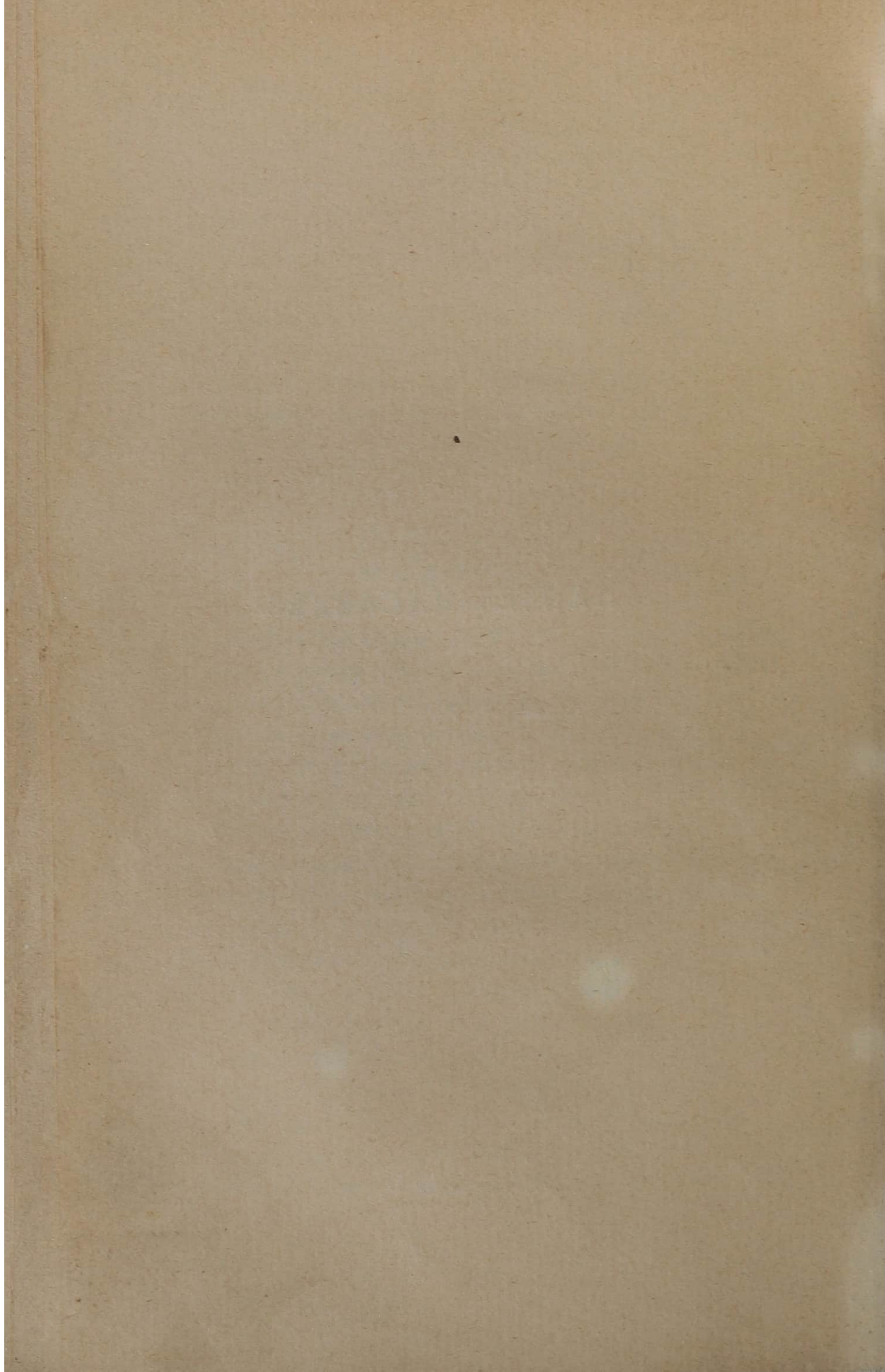
Бѣги же съ трепетомъ отъ изступленности,
 Нѣтъ мѣры снамъ, и нѣтъ названія.
 Я силенъ — волею моею влюбленности,
 Я силенъ дерзостью — негодованія!

XVI.

Н Е Р Е И Д А .

Нѣтъ, не даромъ я по взморью возлѣ пѣнныхъ волнъ бродилъ,
 Въ часъ, когда встаютъ туманы, какъ застывшій дымъ кадилъ,
 Нѣтъ, не даромъ я въ легенды мыслью жадною вникалъ,
 Постигая духовъ моря, лѣса, воздуха, и скалъ.
 Вотъ и полночь. Надъ прибоемъ свѣтитъ полная Луна.
 И упорно возникаетъ, на мгновенье, тишина.
 Между шорохомъ, и шумомъ, и шипѣніемъ волны,
 Недовольной этимъ быстрымъ наступленьемъ тишины,
 Между шелестомъ свистящимъ все растущихъ быстрыхъ водъ
 Возникаютъ nereиды, отдаленный хороводъ.
 Всѣ похожи и различны, всѣ влекутъ отъ свѣта въ тьму,
 Всѣ подвластны безъ различья назначеню одному.
 Чуть одну изъ нихъ отмѣтишь, между ею и тобой
 Дрогнетъ мягко и призывно сумракъ ночи голубой.
 И отъ глазъ твоихъ исчезнетъ отдаленный хороводъ, —
 Лишь она одна предстанетъ на дрожащей зыби водъ.
 Полудѣва, полурыба, изъ волосъ сплететъ звено,
 И, приблизивъ ликъ свой лживый, увлечетъ тебя на дно.

DANSES MACABRES.

I.

П О Э Т Ы.

Ю. Балтрушайтису.

Тебѣ извѣстны, какъ и мнѣ,
Непобѣдимыя влеченія,
И мы — въ небесной вышинѣ,
И мы — подводныя теченія.

Предъ нами дышетъ череда
Явленій Силы и Недужности,
И въ центрѣ круга мы всегда,
И мы мелькаемъ по окружности.

Мы смотримъ въ зеркало Судьбы,
И какъ на праздникъ наряжаемся,
Полувладыки и рабы,
Вкругъ темныхъ склеповъ собираемся.

И, услыхавъ полночный бой,
Упившись музыкой желѣзною,
Мы мчимся въ пляскѣ круговой
Надъ раскрывающейся бездною.

Игра кладбищенскихъ огней
Насъ манитъ сказочными чарами,
Вездѣ гдѣ смерть, мы тутъ же съ ней,
Какъ тѣни дымныя — съ пожарами.

И мы незримые горимъ,
И сонъ чужой тревожимъ ласками,
И межъ неопытныхъ царимъ
Безумьемъ, ужасомъ, и сказками.

II.

ЗАКЛЯТИЕ.

1.

Я видѣлъ правду только разъ,
 Когда солгали мнѣ.
 И съ той поры, и въ этотъ часъ,
 Я весь горю въ огнѣ.

Я былъ ребенкомъ лѣтъ пяти,
 И мнѣ жилось легко.
 И я не зналъ, что я въ пути,
 Что буду далеко.

Безбольный міръ кругомъ дышалъ
 Обманами цвѣтовъ.
 Я счастливъ былъ, я крѣпко спалъ,
 И каждый день былъ новъ.

Усадьба, липы, старый садъ,
 Стрекозы, камыши.
 Зачѣмъ нельзя уйти назадъ
 И кончить жизнь въ тиши?

Я въ лѣтній день спросилъ отца:
 „Скажи мнѣ: вѣченъ свѣтъ?“
 Улыбкой грустнаго лица
 Онъ мнѣ отвѣтилъ: „Нѣтъ“.

И мать спросилъ я въ полуснѣ:
 „Скажи: Онъ добрый — Богъ?“
 Она кивнула молча мнѣ,
 И удержала вздохъ.

Но какъ же такъ, но какъ же такъ?
 Одинъ сказалъ мнѣ: „Да“,
 Другой сказалъ, что будетъ мракъ,
 Что въ жизни нѣтъ „Всегда“.

И сталъ я спрашивать себя,
 Гдѣ правда, гдѣ обманъ,
 И кто же мучаетъ любя,
 И мракъ зачѣмъ намъ данъ.

2.

Я вышелъ утромъ въ старый садъ
 И легъ среди травы.
 И былъ расцвѣтъ растеній смятъ
 Отъ дѣтской головы.

Въ саду былъ черный ветхій чанъ
 Съ зацвѣтшею водой.
 Онъ былъ какъ знакъ безвѣстныхъ странъ
 Онъ былъ моей мечтой.

Вонъ ряска тамъ, подъ ней вода,
 Лягушка тамъ живетъ.
 И вдругъ ко мнѣ пришла Бѣда,
 И замеръ небосводъ.

Жестокой грезой дѣтскій умъ
 Внезапно былъ смущенъ,

И злою волей, силой думъ,
Онъ въ рабство обращень.

Такъ грязень чанъ, въ немъ грязный мохъ.
Я слышалъ мысль мою.
Что если буду я какъ Богъ?
Что если я убью?

Лягушкѣ тѣсно и темно,
Пусть въ Рай она войдетъ.
И руку дѣтскую на дно
Увлекъ водоворотъ.

Водоворотъ безумныхъ сновъ,
Непоправимыхъ думъ.
Но садъ кругомъ былъ ярко-новъ,
И свѣтель былъ мой умъ.

Я помню скользкое въ рукахъ,
Я помню холодъ, дрожь,
Я помню Солнце въ облакахъ,
И въ дѣтскихъ пальцахъ ножъ.

Я темный духъ, я гномный царь,
Минута не долга.
И торжествующій дикарь
Скальпировалъ врага.

И что-то билось безъ конца
Въ глубокой тишинѣ.
И призракъ страшнаго лица
Приблизился ко мнѣ.

И кто-то близкій мнѣ сказалъ,
 Что проклять я теперь,
 Что кто слабѣйшаго терзалъ,
 Въ томъ сердца нѣтъ, онъ звѣрь.

Но странно былъ мой умъ упрямя,
 И молча думалъ я,
 Что боль дана какъ правда намъ,
 Чужая и моя.

3.

О, знаю, боль сильнѣй всего,
 И ярче всѣхъ огней,
 Безъ боли тупо и мертво
 Мельканье жалкихъ дней.

И я порой терзалъ другихъ,
 Я мучилъ ихъ... Ну, что жь!
 Зато я создалъ звонкій стихъ,
 И этотъ стихъ не ложь.

Кому я радость доставлялъ,
 Тотъ спалъ, какъ сытый звѣрь.
 Кого терзаться заставлялъ,
 Предъ тѣмъ открылась дверь.

И самъ въ безжалостной борьбѣ
 Терзаніе принявъ,
 Благословенье шлю тебѣ,
 Кто предо мной неправъ.

Быть-можетъ, ересь я пою?
 Мой духъ ослѣпъ, оглохъ?
 О, нѣтъ, я слышу мысль мою,
 Я знаю, вѣченъ Богъ!

III.

К О С Т Р Ы.

Да, и жгучіе костры
 Это только сонъ игры.
 Мы играемъ въ палачей.
 Чей же проигрышъ? Ничей.

Мы мѣняемся всегда.
 Нынче „нѣтъ“, а завтра „да“.
 Нынче я, а завтра ты.
 Все во имя Красоты.

Каждый звукъ — условный крикъ.
 Есть у каждаго двойникъ.
 Каждый тамъ глядитъ какъ духъ,
 Здѣсь тѣлесно грезить вслухъ.

И пока мы здѣсь дрожимъ,
 Миръ всемірный нерушимъ.
 Но въ желаньи глянуть внизъ
 Всѣ верховные сошлись.

Каждый любить, тѣнь любя,
 Видѣть въ зеркалѣ себя.
 И сплетенье всѣхъ въ одно
 Глубиной повторено.

1.1 0 1/4 1/2 1/4

Но, во имя глубины,
Мы страдаемъ, видя сны.
Всѣ мы здѣсь, наоборотъ,
Повторяемъ небосводъ.

Свѣтъ оттуда — здѣсь какъ тѣнь,
День — какъ ночь, и ночь — какъ день.
Вѣчный творческій восторгъ
Этотъ міръ какъ крикъ исторгъ.

Міръ страданьемъ освященъ,
Жги меня, и будь сожженъ.
Нынче я, а завтра ты,
Все во имя Красоты.

IV.

ТАЙНА ГОРБУНА.

Ты, конечно, проходилъ
По обширнымъ городамъ.
Много мраковъ и свѣтилъ,
Много разныхъ чудищъ тамъ.

Поглядишь и тамъ и тутъ,
Видишь полчища людей.
Цѣрый міръ въ любомъ замкнуть,
Міръ обмановъ и затѣй.

Почему у горбуна
Такъ насмѣшливо лицо?
Въ этомъ домѣ два окна,
Есть въ немъ дверь и есть крыльцо.

Что жь, войдемъ и поглядимъ.
 Въ этомъ скрыто что-нибудь.
 Если мы душою съ нимъ,
 Онъ не можетъ дверь замкнуть.

Мы заходимъ въ темный ходъ,
 Видны знаки по стѣнамъ,
 Опрокинуть небосводъ.
 И немножко жутко намъ!

Умъ нашъ новостью смущень,
 Искаженность манить насъ.
 Здѣсь нежданный свѣтъ зажжень,
 Постоянный свѣтъ погасъ.

Кто вошелъ въ такой уютъ,
 Къ Сатанѣ онъ бросилъ взглядъ.
 Въ этой храминѣ поютъ,
 И, какъ въ храмѣ, здѣсь кадятъ.

Кверху поднятымъ лицомъ
 Примешь небо и весну.
 Спину выгнувши кольцомъ,
 Встрѣтишь мракъ и глубину.

И невольно душить смѣхъ,
 И ликуешь какъ змѣя,
 Оттого что тайный грѣхъ —
 Оттѣненъ бытія.

Оттого у горбуна
 И насмѣшливо лицо.
 Эта странная спина —
 Сатанинское кольцо!

V.

ГОЛОСЪ ДЬЯВОЛА.

Я ненавижу всѣхъ святыхъ,
Они заботятся мучительно
О жалкихъ помыслахъ своихъ,
Себя спасаютъ исключительно.

За душу страшно имъ свою,
Имъ страшны пропасти мечтанія,
И ядовитую Змѣю
Они казнятъ безъ состраданія.

Мнѣ ненавистенъ былъ бы Рай
Среди тѣней съ улыбкой кроткою,
Гдѣ вѣчный праздникъ, вѣчный май
Идетъ размѣренной походкою.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Казня находчивость змѣиную,
Отъ дѣтскихъ дней люблю Змѣю,
И ей люблюсь, какъ картиною.

Я не хотѣлъ бы жить въ Раю,
Межъ тупоумцевъ экстаическихъ.
Я гибну, гибну—и пою,
Безумный демонъ сновъ лирическихъ.

VI.

В Р А Г Ъ.

У меня былъ врагъ заклятый,
 У меня былъ врагъ.
 На его постели смятой
 Хохоть демона проклятый
 Оживлялъ полночный мракъ.
 Безъ него жена смѣялась,
 Обнималась, цѣловалась.
 Хохоть демона былъ мой.
 Побылъ съ ней. Ай-да! Домой!

Врагъ заклятый былъ далеко.
 Возвратился. „Честь!“
 Ты, безъ страха и упрека!
 Я, какъ ты, во власти рока.
 Хочешь? Что же, мечь, такъ мечь.
 Часъ и мѣсто. Мы явились.
 Мы сошлись и поклонились.
 Чей-то взоръ покрылся тьмой.
 Хохоть демона былъ мой!

VII.

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СРОДСТВО.

СОНЕТЪ.

Я съ нею шель въ глубокомъ подземельи,
 Рука съ рукой, я былъ вдвоемъ — одинъ.
 Мы встрѣтились въ сверкающемъ весельи,
 Мы нѣжились, какъ лиліи долинь.

Потомъ пришли къ дверямъ старинной кельи,
 Предстала Смерть, какъ блѣдный исполинъ.
 И мы за ней, въ глубокомъ подземельи,
 Стремилась прочь отъ зелени долинъ.

Мы шли во тьмѣ, другъ друга не видали,
 Любовь была какъ сказка дальнихъ лѣтъ,
 Любовь была печальнѣе печали.

Въ концѣ пути зажегся мрачный свѣтъ,
 И я, искатель вѣчной Антигоны,
 Увидѣлъ рядомъ голову — Горгоны.

VIII.

НЕРАЗЛУЧИМЫЕ.

Подъ низкою крышкою гроба,
 Забиты гвоздями,
 Недвижно лежали мы оба,
 Съ враждебными оба чертами.

Застывшіе трупы, мы жили
 Сознаньемъ проклятья,
 Что вотъ и въ могилѣ — въ могилѣ! —
 Мы въ мерзостной позѣ объятя.

И Дьяволъ смѣялся надгробно,
 Плитой погребальной:
 „Эге“, — говорилъ: — „какъ удобно
 „Уродцамъ — въ могилѣ двуспальной!“

IX.

ДВА ТРУПА.

✓ Два трупа встрѣтились въ могилѣ,
И прикоснулся къ трупу трупь,
Въ холодной тѣмѣ, въ тюрѣмѣ, и въ гнили,
Прикосновеньемъ мертвыхъ губъ.

Они, влюбленные, когда-то
Дышали вмѣстѣ подъ Луной
Весенней лаской аромата
И шелестящей тишиной.

Они клялись любить до гроба,
И вотъ, по истеченьи дней,
Земная жадная утроба
Взяла ихъ въ пищу для червей.

Тяжелые, съ потухшимъ взглядомъ,
Тамъ, гдѣ повсюду мгла и мгла,
Они лежатъ такъ тѣсно рядомъ,
Зловонно-мягкія тѣла.

Для мелкихъ тварей ставши пищей,
И разлученные съ душой,
Они гніющее жилище,
Гдѣ новый пиръ, для нихъ чужой.

И дико спятъ они въ туманѣ,
И видятъ сказочные сны
Неописуемыхъ дыханій
И необъятной тишины.

X.

НАДЪ БОЛОТОМЪ.

Надъ болотомъ позабытымъ брошенъ мость,
 За болотомъ позабытымъ брызги звѣздъ.
 Тамъ, за топью, цѣпенѣя, спитъ Лазурь,
 Затаивъ для дней грядущихъ сумракъ бурь.

Неживыя, пропадаютъ брызги звѣздъ,
 И къ болоту отъ болота брошенъ мость.
 И одно лишь не обманетъ — жадность бурь,
 Ею дышетъ — съ ней въ объятяхъ — спитъ Лазурь.

XI.

В Ъ Д Ъ М А.

Я встрѣтилъ вѣдьму старую въ задумчивомъ лѣсу.
 Спросилъ ее: „Ты знаешь-ли, какой я грѣхъ несу?“
 Смѣется вѣдьма старая, смѣется что есть силъ:
 „Тебя-ль не знать? Не первый ты, что молодость убилъ.
 „Отвергъ живыя радости, и сталъ себѣ врагомъ,
 „И тащишься въ дремучій лѣсъ убогимъ старикомъ“.
 Я вижу, вѣдьма старая все знаетъ про меня,
 Смѣется смѣхомъ дьявола, мечту мою кляня,
 Мечту мою о праведномъ безгрѣшномъ житіи, —
 И молвилъ ей: „А знаешь-ли ты чаянья мои?“
 „Я въ лѣсъ вошелъ, но лѣсъ пройду, прозраченъ, какъ ручей,
 „И выйду къ морю ясному божественныхъ лучей“.

Смѣется вѣдьма старая: „Куда тебѣ идти?
 „Зашель сюда, — конецъ тебѣ: зачахнешь на пути.
 „Сии лѣса — дремучіе, отъ вѣка здѣсь темно,
 „Блуждать вамъ здѣсь дозволено, а выйти не дано.
 „Ишь, выйду къ морю свѣтлomu! Ты думаешь: легко?
 „И что въ немъ за корысть тебѣ! Темно и глубоко“.
 И вѣдьма разсмѣялася своимъ беззубымъ ртомъ:
 „На морѣ жить нельзя тебѣ, а здѣсь твой вѣрный домъ“.
 И вѣдьма разсмѣялася, какъ дьяволъ егозя:
 „Вода морская — горькая, и пить ее — нельзя“.

XII.

I N C U B U S.

Какъ стихъ сказителя народнаго,
 Изъ посѣдѣвшей старины,
 Изъ отдаленія холоднаго,
 Несетъ къ намъ стынущіе сны, —

Такъ темной полночью рожденныя
 Возванья башенныхъ часовъ,
 Моей душою повторенныя,
 Встаютъ какъ говоръ голосовъ.

И льнуть ко мнѣ съ мольбой и съ ропотомъ:
 „Мы жить хотимъ въ умѣ твоёмъ“.
 И возвѣщаютъ тайнымъ шопотомъ:
 „Внимай, внимай, какъ мы поемъ.“

„Мы замираемъ, какъ проклятiя,
 Мы возростаемъ, какъ прибой.
 Раскрой безгрѣшныя объятiя,
 Мы всѣ обнимемся съ тобой“.

И я взглянулъ, и вдругъ, неожиданные,
 Лучи Луны, цѣлуя мглу,
 Легли, какъ саваны туманные,
 Передо мною на полу.

И въ каждомъ саванѣ — видѣнiе,
 Какъ нерожденная гроза,
 И просятъ губы наслажденiя,
 И смотрятъ мертвые глаза.

Я жду, лежу, какъ трупъ, но слышащiй.
 И встала тѣнь, волнуя тьму,
 И этотъ призракъ еле дышащiй
 Приникнулъ къ сердцу моему.

Какая боль, какая страстная,
 Какъ сладко мнѣ ее продлить!
 Какъ будто тянется неясная
 Непрерываемая нить!

И тѣнь все ближе наклоняется,
 Горитъ огонь зеленыхъ глазъ,
 И каждый мигъ она мѣняется,
 И мнѣ желаннѣй каждый разъ.

Но снова башня дышетъ звуками,
 И чей-то слышенъ тихiй стонъ,
 И я не знаю, чьими муками
 И чьею грудью онъ рожденъ.

Я только знаю, только чувствую,
 Не открывая сжатыхъ глазъ,
 Что я какъ жертва соприсутствую,
 И что оконченъ сладкій часъ.

И вотъ сейчасъ она развѣется,
 Моя отторгнутая тѣнь,
 И на губахъ ея виднѣется
 Воздушно-алый, алый день.

XIII.

П О Ж А Р Ъ.

Я шутя ея коснулся,
 Не любя ее зажегъ.
 Но, увидѣвъ яркій пламень,
 Я — всегда мертвѣй, чѣмъ камень —
 Ужаснулся,
 И хотѣлъ бѣжать скорѣе,
 И не могъ.

Трепеща и цѣпенѣя,
 Выросталъ огонь, блестя,
 Онъ дрожалъ, слегка свистя,
 Онъ сверкалъ проворствомъ Змѣя,
 Все быстрѣй,
 Онъ являлъ передо мною лики сказочныхъ звѣрей.
 Съ дымомъ бьющимся мѣшаясь,
 Въ содержаньи умножаясь,
 Онъ, взметаясь, красовался надо мною и надъ ней.

Полный вспышекъ и тѣней,
 Равномѣрно, неотступно,
 Росъ губительный пожаръ.
 Мнѣ онъ былъ блестящей рамой,
 Въ ней возникъ онъ жгучей драмой,
 И преступно
 Вмѣстѣ съ нею я свѣтился въ быстромъ блескѣ дымныхъ чаръ.

XXIV.

* * *

Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
 Тамъ глубоко подъ землей?
 Ты была цвѣтокъ, и птица,
 Праздникъ мой!

Хорошо-ль тебѣ, дѣвица,
 Такъ глубоко подъ землей?

Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
 И ничтожно умерла.

Глубока твоя могила,
 Сонъ и мгла.

Ты, какъ всѣ, лишь день свѣтила,
 Потускнѣла, умерла.

Твой конецъ послѣдній близокъ,
 Ты остывшій блѣдный трупъ.

Теремъ твой, дѣвица, низокъ,
 Мигъ твой скупъ.

Твой конецъ послѣдній близокъ,
 Ты посмѣшище и трупъ.

XXV.

ВЪ ТОТЪ МИГЪ.

Въ тотъ мигъ разставанья въ немъ умерло что-то,
 Онъ съ нею былъ взглядомъ, не съ нею душою.
 А въ ней лишь одна трепетала забота:
 „О, если бь могла я быть вѣчно съ тобою!“

Лицо у нея лишь на мигъ исказилось,
 Она, холодѣя, сдержала рыданья.
 „Прощай“ у обоихъ въ душѣ проносилось,
 И онъ ей съ улыбкой сказалъ: „До свиданья!“

Въ тотъ мигъ разставанья, какъ вѣтеръ свободный,
 Онъ только и ждалъ, чтобъ скорѣй удалиться.
 И, вздрогнувъ, блѣднѣя въ тоскѣ безысходной,
 Она прошептала: „Я буду молиться!“

XXVI.

AD INFINITUM.

Въ храмѣ все — какъ прежде было.
 Слышенъ тихій взмахъ кадилъ.
 „Я смѣялся, я шутилъ.
 „Неужели ты любила?“

Дымень смутный трепеть свѣчь,
 На иконахъ свѣтъ заемный.
 Каждый хочетъ въ церкви темной
 Отъ свѣчи свѣчу зажечь.

Въ храмѣ будетъ такъ, какъ было.
 Слышенъ тихій звонъ кадилъ.
 „А, невѣрный! Ты шутилъ.
 „Горе! Горе! Я любила.“

XXVII.

КЪ СМЕРТИ.

Смерть, медлительно-обманная,
 Смерть, я ждалъ тебя года,
 Но для каждаго ты странная
 И неожиданная всегда.

Мнѣ казалась упоительной
 Мысль о томъ, что ты придешь
 И прохладою цѣлительной,
 Торжествуя, обоймешь.

И воздушною одеждою
 Мнѣ навѣешь легкій мракъ.
 Нѣтъ, обмануть я надеждою,
 Ты придешь не такъ, не такъ.

Какъ невѣдомое, грубое,
 Ты возникнешь въ тишинѣ.
 Какъ чудовище беззубое,
 Ты свой ротъ прижмешь ко мнѣ.

И неловкими прижатыми
 Этихъ скользкихъ мертвыхъ губъ,
 Неотвратными объятными
 Превращенъ я буду въ трупъ.

Но еще не безсознательный,
 Не затянутый во тьму,
 И мучительно-внимательный
 Къ разложенью своему.

Вотъ, рука окоченѣлая
 Точно манить и грозить,
 Синевато-грязно-бѣлая,
 Искривилась... Гнусный видъ!

Вотъ, лицо покрылось пятнами,
 Восковою пеленой,
 И дыханьями развратными
 Гниль витаетъ надо мной.

Отвратительно-знакомыя
 Щекотанія у рта.
 Это мухи! Насѣкомыя!
 Я ихъ пища, ихъ мечта!

И приходятъ ночи, низкія,
 Какъ упавшій потолокъ.
 Гдѣ-же вы, родные, близкіе?
 Міръ отпрянувшій далекъ.

Глухо пали комья грязные,
 Я лежу въ своемъ гробу,
 Дышутъ черви безобразные
 На щекахъ, въ глазахъ, на лбу.

Какъ челнокъ, сраженный мелями,
 Долженъ медлить, долженъ гнить,
 Я недѣли за недѣлями
 Рокъ безсиленъ измѣнить.

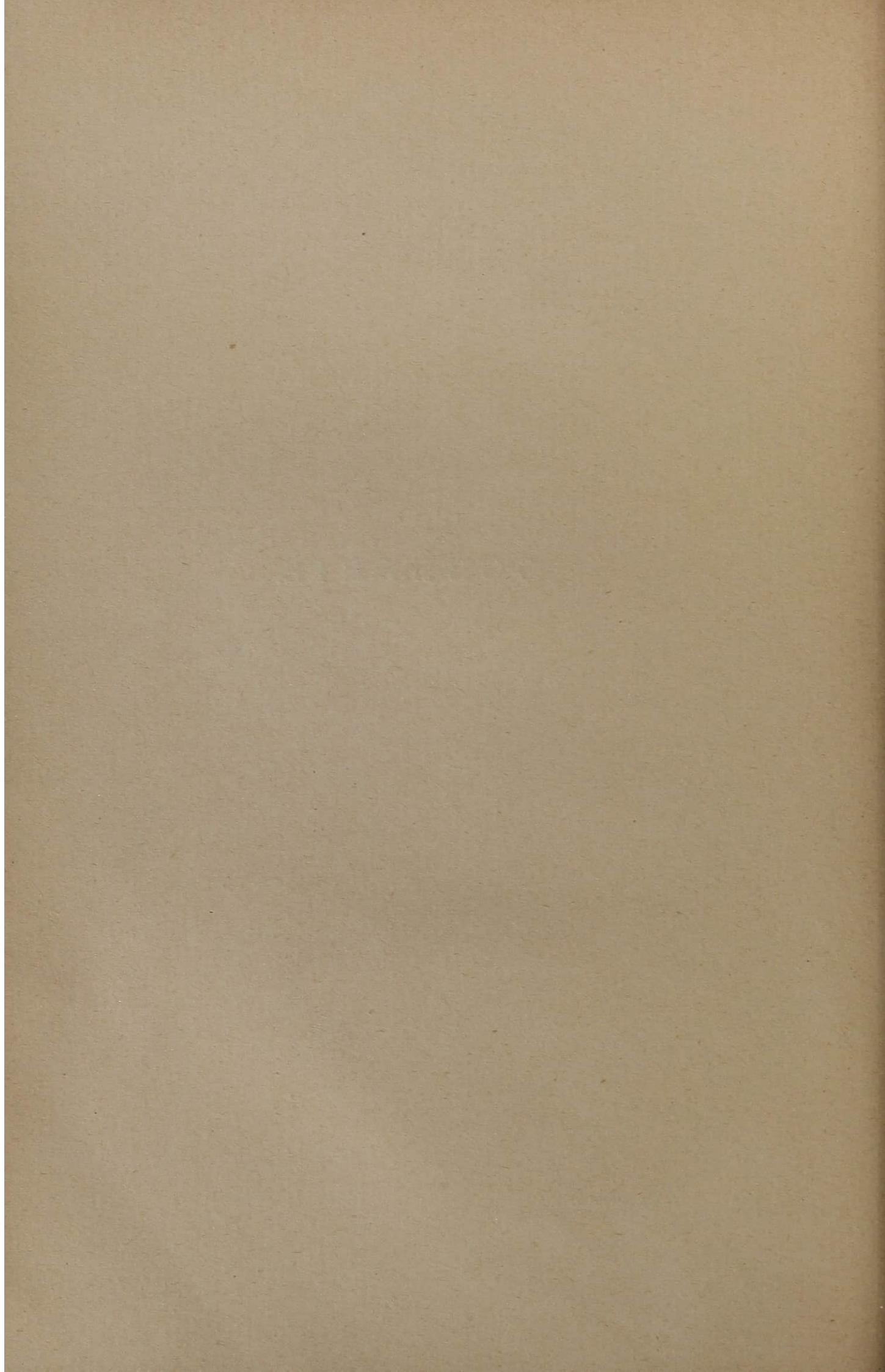
За любовь мою чрезмѣрную
Къ наслажденьямъ земнымъ,
Послѣ смерти, съ этой скверною
Грѣшный духъ неразлучимъ.

Цѣлыхъ семь недѣль томленія,
Отвращенія, тоски,
Семь недѣль, до избавленія,
Рабство, ужасъ, и тиски!

Лишь одной отрадой нищенской
Адъ могу я услаждать:
Предъ оградю кладбищенской
Бѣлой тѣнью въ полночь встать.

СОЗНАНІЕ.

I.

* * *

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Склоняю-ли взоръ свой къ ручью или къ темной рѣкѣ.

Я знаю, что нѣкогда, въ воздухѣ, темномъ отъ грозъ,
Среди длиннокрылыхъ, межъ братьевъ, я былъ альбатросъ.

Я знаю, что нѣкогда, въ рыхлой весенней землѣ,
Червемъ, я съ червемъ наслаждался въ чарующей мглѣ.

Я съ Солнцемъ сливался, и мною разсвѣтъ былъ зажженъ,
И Солнцу, въ Египтѣ, звучалъ, на разсвѣтѣ, Мемнонь.

Я былъ безпощаднымъ, когда набѣгалъ на враговъ,
Но, кровью омывшись, я снова былъ свѣтелъ и новъ.

Съ врагомъ я, врагомъ, состязался въ неравной борьбѣ,
И молча я вторилъ сраженный: „О, слава тебѣ!“

И мной, безъимяннымъ, не разъ изумленъ былъ Сократъ.
И нынѣ о мудромъ, со мной, обо мнѣ, говорятъ.

Я съ каждымъ могу говорить на его языкѣ,
Ищи меня въ небѣ, ищи меня въ темной рѣкѣ.

II.

* * *

Я не знаю, что такое — презрѣніе,
 Презирать никого не могу.
 У самаго слабаго были минуты рокового горѣнія,
 И съ тайнымъ восторгомъ смотрю я въ лицо — врагу.

Я не знаю, какъ можно быть гордымъ
 Предъ другимъ. Я гордъ — предъ собой.
 О, струны мои, прозвоните небывалымъ аккордомъ,
 Чтобъ врагъ мой былъ, какъ я, во мглѣ голубой!

III.

* * *

Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть
 Остывшаго къ тебѣ, обидчика, врага.
 Я радости не зналъ — сознательно обидѣть,
 Свобода ясности мнѣ вѣчно дорога.

Я всѣхъ люблю равно, любовью равнодушной,
 Я весь душой съ другимъ, когда онъ тутъ, со мной,
 Но чуть онъ отойдетъ, какъ свѣтлый и воздушный
 Забвеньемъ я дышу, своею тишиной.

Когда тебя твой рокъ случайно сдѣлалъ гнѣвнымъ,
 О, смѣйся надо мной, приди, ударь меня:
 Ты для моей души не станешь ежедневнымъ,
 Не сможешь затемнить — мнѣ вспыхнувшаго — дня.

Я всѣхъ люблю равно, любовью безучастной,
 Какъ слушаютъ волну, какъ любятъ облака.
 Но есть и для меня источникъ боли страстной,
 Есть ненавистная и жгучая тоска.

Когда любя люблю, когда любовью боленъ,
 И тотъ, другой, какъ вещь, беретъ всю жизнь мою,
 Я ненависть въ душѣ тогда сдержать не воленъ,
 И хоть въ душѣ своей, но я его убью.

IV.

ЗАГЛЯНУТЬ.

Позабывшись,
 Наклонившись,
 И незримо для другихъ,
 Удивленно
 Заглянуть,
 Полусонно
 Воздохнуть, —
 Это путь,
 Для того чтобъ возсоздать
 То, чего намъ въ этой жизни вплоть до смерти не видать.

V.

ДУША.

Душа — прозрачная среда,
 Гдѣ свѣтитъ радуга всегда,
 Въ ней свѣтъ небесный преломленъ,
 Въ ней духъ, который въ жизнь влюбленъ.

Въ душѣ есть духъ, какъ въ солнцѣ свѣтъ,
 И тождества межъ ними нѣтъ,
 И разлучиться имъ нельзя,
 Въ нихъ высшій смыслъ живетъ сквозя.

И трижды яркая мечта —
 Еще не полная, не та,
 Какая выткалась въ покровъ
 Для четверичности міровъ.

Послѣдней, той, гдѣ все — одно,
 Въ слова замкнуться не дано,
 Хоть ею полонъ смутный стихъ,
 Въ одеждѣ сумраковъ земныхъ.

И внѣшній ликъ той мысли данъ:
 Нашъ міръ — безбрежный Океанъ,
 И пламя, воздухъ, и вода
 Съ землею слиты навсегда.

VI.

* *
 *

Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ
 Мнѣ такъ же нравятся, какъ темные цвѣта
 Богинь египетскихъ, видѣній африканскихъ,
 И такъ же, какъ ночей норвежскихъ чернота.

Но тамъ въ Норвегіи еще есть ночь иная,
 Когда въ полночный часъ горитъ свѣтило дня.
 И яркіе цвѣта, вся сила ихъ земная,
 Въ кровавыхъ кактусахъ такъ радуютъ меня.

Что въ мірѣ я цѣню — различность сочетаній:
 Люблю Звѣзду Морей, люблю Змѣиный Грѣхъ.
 И въ дикой музыкѣ отчаянныхъ рыданій
 Я слышу дьявольскій неумолимый смѣхъ.

VII.

Ч А С Ы.

Отчего въ протяжномъ боѣ
 Убѣгающихъ часовъ
 Слышно что-то роковое,
 Точно хоры голосовъ?

Оттого, что съ каждымъ мигомъ
 Ближе къ сердцу горькій часъ.
 Вѣрь завѣтнымъ древнимъ книгамъ:
 Страшный Судъ грядетъ на насъ.

Бойся тайныхъ злодѣяній,
 Въ тайну жертвы вовлекись.
 Нѣтъ вины безъ воздаяній.
 Время зыбко. Берегись!

Бойся грозныхъ мукъ, растущихъ
 Изъ обманчивыхъ утѣхъ.
 Бойся мертвыхъ, молча ждущихъ,
 Чтобъ раскрыть твой тайный грѣхъ.

Нѣтъ малѣйшаго мгновенья,
 Не записаннаго тамъ.
 Нѣтъ пощады, нѣтъ забвенья
 Улетающимъ мечтамъ.

Бойся выйти изъ влянья
 Полной свѣта полосы.
 Слышишь голосъ предвѣщанья?
 Бойся! Это бьютъ часы.

VIII.

МАЯТНИКЪ.

Равнодушно я считаю
 Безучастное „тикъ - такъ“.
 Наслаждаюсь и страдаю,
 Вижу свѣтъ и вижу мракъ.

Я сегодня полновластенъ,
 Я изъ племени боговъ.
 Завтра, темный, я несчастенъ,
 Близъ Стигійскихъ береговъ.

И откуда я закинуть
 Къ этимъ низостямъ земли?
 Все равно. Огни остынуть.
 Я какъ всѣ умру въ пыли.

И откуда такъ упорно
 Манить зовъ на высоту?
 Все равно. Мечта узорна.
 Я могу соткать мечту.

Роковое покрывало
 Надъ Изидой вѣковой,
 Все, отъ самага начала,
 Дышетъ сказкою живой.

Вправо — духи, влѣво — тѣни,
 Все сплетается въ одно.
 Ты восходишь на ступени,
 Ты нисходишь, — все равно.

Только знай, что влѣво больно,
 Влѣво — больно, вправо — нѣтъ.
 Сердце бьется своевольно,
 А въ умѣ холодный свѣтъ.

Кто что любить, то и встрѣтить:
 Насладись и умирай.
 Эхо быстрое отвѣтить:
 Отрекись и вниди въ Рай.

Кто что любить, то и приметъ:
 Хочешь это? Хочешь то?
 Но свободы не отниметъ
 У стремленія никто.

Духи, вправо, тѣни, влѣво!
 Мѣрный маятникъ поетъ.
 Все живетъ въ волнахъ напѣва,
 Всѣмъ созвучьямъ свой чередъ.

IX.

ПАМЯТЬ.

Память, это лучъ небесный
 Тѣмъ, кто можетъ вспомнить счастье,
 Тѣмъ, кто можетъ слить начало
 Съ ожидавшимся концомъ,

Въ жизни можетъ быть и тѣсной,
 Но исполненной участья,
 Гдѣ любовь Судьбу встрѣчала
 Съ вѣчно-радостнымъ лицомъ.

Память, это совѣсть темныхъ,
 Память, это бичъ небесный,
 Память, это окрикъ судный
 Для невѣрившихъ въ Судьбу,
 Ликъ Владѣльца дней заемныхъ,
 Видъ уликъ въ игрѣ безчестной,
 Сонъ заснувшихъ въ сказкѣ чудной
 И проснувшихся — въ гробу.

X.

УБИЙЦА ГЛѢБА И БОРИСА.

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
 Непобѣдимого владыки.

Пушкинъ.

Едва Владиміръ отошелъ,
 Бѣды великія стряслися.
 Обманно захватилъ престоль
 Убийца Глѣба и Бориса.

Онъ ихъ зарѣзалъ, жадный волкъ,
 Услалъ блуждать въ краяхъ загробныхъ,
 Богопротивный Святополкъ,
 Какому въ мірѣ нѣтъ подобныхъ.

Но, этимъ духъ не напитавъ,
 Не кончилъ онъ дѣяній адскихъ,
 И князь древлянскій Святославъ
 Былъ умерщвленъ близъ горъ Карпатскихъ.

Свершилъ онъ много черныхъ дѣлъ,
 Не снисходя и не прощая.
 И звонъ надъ Кіевомъ гудѣлъ,
 О славѣ звѣря возвѣщая.

Его ничей не тронулъ стонъ,
 И крулю Польши, Болеславу,
 Сестру родную отдалъ онъ
 На посрамленье и забаву.

Но Богъ съ высотъ своихъ глядѣлъ,
 Въ своемъ вниманьи не скудѣя.
 И безпощаденъ былъ удѣлъ
 Безчеловѣчнаго злодѣя.

Его поляки не спасли,
 Не помогли и печенѣги.
 Его какъ мертваго несли,
 Онъ позабылъ свои набѣги.

Не могъ держаться на конѣ,
 И всюду чуялъ шумъ погони.
 За нимъ въ полночной тишинѣ
 Неслись разгнѣванные кони.

Предъ нимъ въ полночной тишинѣ
 Вставали тѣни позабытыхъ.
 Онъ съ крикомъ вскакивалъ во снѣ,
 И дальше, дальше отъ убитыхъ.

Но отъ убитыхъ не уйти,
 Они врага вездѣ нагонятъ,
 Они какъ тѣни на пути,
 Ничьи ихъ силы не схоронятъ.

И тщетно мчался онъ отъ нихъ,
 Тоской терзался несказанной.
 И умеръ онъ въ степяхъ чужихъ,
 Оставивъ кличку: Окаянный.

ХІ.

Т Е Р Ц И Н Ы.

Когда художникъ пережилъ мечту.
 Въ его душѣ слагаются картины,
 И за чертой онъ создаетъ черту,

Исчерпавъ жизнь свою до половины,
 Поэтъ, скорбя о томъ, чего ужъ нѣтъ,
 Невольно пишетъ стройныя терцины.

Въ нихъ чувствуешь непогасимый свѣтъ
 Страстей перекипѣвшихъ и отжившихъ,
 Въ нихъ слышенъ ровный шагъ прошедшихъ лѣтъ.

Видѣнья дней, какъ будто бы не бывшихъ,
 Встаютъ, какъ сказка, въ зеркалѣ мечты,
 И слышенъ гулъ приливовъ отступившихъ.

А въ небесахъ, въ провалахъ пустоты,
 Свѣтло горятъ закатнымъ блескомъ тучи,
 Свѣтлѣе, чѣмъ осенніе листья.

Сознаньемъ смерти глянувшею могучи,
Звучать напѣвы пышныхъ панихидъ,
Величественны, скорбны, и пѣвучи.

Всѣ образы, что память намъ хранить,
Въ одеждѣ холодѣющихъ весталокъ,
Идутъ, идутъ, спокойные на видъ.

Но, Боже мой, какъ тотъ безумно-жалокъ
Кто не узнаетъ прежній ароматъ
Въ забытой связкѣ выпцвѣтшихъ фіалокъ.

Послѣдній стонъ. Дороги нѣтъ назадъ.
Кругомъ, вездѣ, густѣютъ властно тѣни.
Но тучи торжествующе горять.

Горять огнемъ переддремотной лѣни,
И, завладѣвъ всѣмъ царствомъ высоты,
Роняютъ свѣтъ на дольнія ступени.

Я васъ люблю, предсмертные цвѣты!

ХІІ.

ОТЪ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА.

Отъ полюса до полюса я Землю обошелъ,
Я плылъ путями водными, и счастья не нашель,

Я шель одинъ пустынями, я шель во тьмѣ лѣсовъ,
И всюду слышалъ возгласы мятежныхъ голосовъ.

И думалъ я, и проклялъ я бездушіе морей,
И къ людямъ шель, и прочь отъ нихъ въ просторъ бѣжалъ скорѣй.

Гдѣ люди, тамъ поруганы видѣнья высшихъ грезъ,
Тамъ тлѣніе, скрипѣніе назойливыхъ колесъ.

О, гдѣ жъ они, далекіе невинности года,
Когда свѣтила сказочно вечерняя звѣзда?

Ослѣпили взоры жадные, одно горитъ свѣтло:
Отъ полюса до полюса—въ лохмотьяхъ счастья Зло.

ХІІІ.

С Л Ъ П Е Ц Ъ,

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужъ больше не увидѣть блеска дня.

Самъ себя слѣпымъ я сдѣлалъ, какъ Эдипъ,
Мудрымъ будучи, отъ мудрости погибъ.

Я смотрѣлъ на Землю, полную цвѣтовъ,
И въ Землѣ увидѣлъ сонмы мертвецовъ.

Я смотрѣлъ на бѣлый Мѣсяцъ безъ конца,
Выпилъ кровь онъ, кровь изъ блѣднаго лица.

Я на Солнце глянулъ, Солнце разгадалъ,
День казаться мнѣ прекраснымъ пересталъ.

И увидѣвъ тайный обликъ всѣхъ вещей,
Страхъ я принялъ въ глубину своихъ очей.

Пожалѣйте, люди добрые, меня,
Мнѣ ужъ больше не увидѣть блеска дня.

Можетъ Рокъ и васъ застигнуть слѣпотой,
Пожалѣйте соблазненного мечтой.

XIV.

* * *

Прекрасно быть безумнымъ, ужасно — сумасшедшимъ,
Одно — въ Раю быть свѣтломъ, другое — въ Адъ нисшедшимъ.

О, грозное возмездье минутныхъ заблужденій:
Быть въ царствѣ темныхъ духовъ, кричащихъ привидѣній.

Отверженные лики чудовищныхъ созданій
Страшнѣй, чѣмъ то, что страшно, страшнѣе всѣхъ страданій.

Сознаніе, что Время упало и не встанетъ,
Сжимаетъ мертвой петлей, и ранить сердце, ранить.

И нѣтъ конца мученьямъ, и все кругомъ отвратно.
О, ужасъ приговора: „Навѣки! Безвозвратно!“

XV.

О Д И Н О К О М У.

1.

Ты благороднѣй и выше другихъ
Вѣчною силой стремленья.
Ты непропѣтый, несозданный стихъ,
Сдавленный крикъ оскорбленья.

Ты непостижность высокой мечты,
Связанной съ тѣсною долей.
Жажда уйти отъ своей слѣпоты,
Жажда разстаться съ неволей.

Ты проникаешь сознаниемъ туда,
Гдѣ прекращаются рѣки.
Другомъ не будешь ты мнѣ никогда,
Братомъ ты будешь навѣки.

2.

Когда я думаю, любилъ ли кто кого,
Я сердцемъ каждый разъ тебя припоминаю,
И вотъ, я знаю,
Что отъ твоей любви — въ твоей душѣ — мертво.

Мертво, какъ въ небесахъ, гдѣ тѣ же день и ночь
Проходятъ правильно отъ вѣка и донынѣ,
И какъ въ пустынѣ,
Гдѣ та же мысль стоитъ и не уходитъ прочь.

И вдругъ я вздрогну весь — о странный межъ людей! —
И я тебя люблю, хоть мы съ тобой далеки,
И эти строки
Есть клятва, что и я — не только рабъ страстей.

3.

Я полюбилъ индѣйцевъ потому,
Что въ ихъ словахъ — безчисленныя зданья,
Они растутъ изъ яркаго страданья,
Пронзая глубь вѣковъ, мѣняя тьму.

И эллиновъ, и парсовъ я пойму,
Въ однихъ — самовлюбленное сознанье,
Въ другихъ — великій праздникъ упованья,
Что будетъ мигъ спокойствія всему.

Люблю въ мечтѣ — измѣнчивость убранства,
 Мнѣ нравятся толпы магометанъ,
 Оргійность первыхъ пытокъ христіанъ,

Всѣ сложные узоры христіанства.

Люблю волну.

4.

Зачѣмъ волна встаетъ въ безбрежномъ морѣ,
 Она сама не знаетъ никогда.
 Но въ ней и свѣтъ, и мракъ, и нѣтъ, и да,
 Она должна возникнуть на просторѣ.

Въ своемъ минутномъ пѣнистомъ уборѣ,
 Ужъ новыхъ волнъ стремится череда.
 Бездонна перемѣнная вода,
 И все должно въ согласьи быть, и въ спорѣ.

И потому вознесшійся утесъ,
 Храня слѣды морскихъ бесплодныхъ слезъ,
 Мнѣ заститъ видъ и кажется ненужнымъ.

Я жду свершенья счастья моего.
 Я жду, чтобъ волны моря, бѣгомъ дружнымъ,
 Разрушили со смѣхомъ и его.

5.

О, Христось! О, рыбакъ! О ловець
 Человѣческихъ темныхъ сердець!
 Ты стоишь надъ глубокой рѣкой,
 И въ водѣ ты встаешь — какъ другой!

Широка та рѣка, глубока,
 Потонули въ ней годы, вѣка.
 Потонули въ рѣкѣ и мечты
 Тѣхъ, что были сильнѣе, чѣмъ ты.

О, Христось! О, безумный ловець
 Неожиданно темныхъ сердець!
 Ты не зналъ, надъ какою рѣкой
 Ты стоялъ, чтобъ возстать, какъ другой!

XVI.

ПРЕДОПРЕДѢЛЕНІЕ.

Когда тебя зоветъ Судьба,
 Не думая иди,
 Съ нѣмой покорностью раба,
 Не знаю, что тамъ впереди.
 Иди, и ставши самъ собой,
 Въ тотъ вѣчно-страшный часъ, когда
 Ты будешь скованнымъ Судьбой,
 Ты воленъ навсегда.

Мы всѣ вращаемся во мглѣ
 По замкнутымъ кругамъ,
 Мы жаждемъ неба на землѣ,
 И льнемъ какъ воды къ берегамъ.
 Но ты проникнешь въ Океанъ,
 Сверхчеловѣкъ среди людей,
 Когда навѣкъ поймешь обманъ
 Влеченій и страстей.

Мы всё живемъ, мы всё хотимъ,
 И все волнуетъ насъ,
 Но Солнцемъ вѣчно-молодымъ
 Исполненъ только высшій часъ.
 Тотъ часъ, когда, отбросивъ прочь
 Отцовскій выпѣтшій нарядъ,
 Мы вдругъ порвемъ земную ночь,
 И вдругъ зажжемъ свой взглядъ.

XVII.

Д Е М О Н Ы.

Нужно презирать демоновъ какъ
 презираютъ палачей.

Мальбраншъ.

Васъ презирать, о, демоны мои?
 Вы предо мной встаете въ забытїи,
 И въ сумракѣ, мой странный сонъ лелѣя,
 Вѣщаете душѣ о царствѣ Змѣя.

И вижу я, какъ ходятъ палачи.
 Тайнственно кровавятся лучи
 Какого-то внѣмірнаго свѣтила,
 И то, что есть, встаетъ надъ тѣмъ, что было.

И слышу я: „Онъ много въ міръ вложилъ,
 „Отъ вѣка Богу братъ, Сатанаилъ.
 „И въ Вѣчности качаются двѣ чаши
 „Однихъ вѣсовъ: они — его и наши.“

И зовъ звучитъ: „Да снидетъ въ землю вновь
 „Рожденная для красной сказки кровь.
 „Въ землѣ земное вспыхнетъ въ новой краскѣ,
 „Вокругъ конца горять слова завязки.“

Я слышу васъ, о, демоны мои,
 Мечтатели о лучшемъ бытіи,
 Блюстители гармоніи надзвѣздной,
 Удвоенной мучительною бездной.

XVIII.

* * *

Еще необходимо любить и убивать,
 Еще необходимо накладывать печать,
 Быть внѣшнимъ и жестокимъ, быть нѣжнымъ безъ конца,
 И всѣхъ манить волненьемъ красиваго лица.

Еще необходимо. Ты видишь, почему:
 Мы всѣ стремимся къ Богу, мы тянемся къ Нему,
 Но Богъ всегда уходитъ, всегда къ Себѣ маня,
 И хочетъ тьмы — за свѣтомъ, и послѣ ночи — дня.

Всегда разнообразныхъ, Онъ хочетъ новыхъ сновъ,
 Хотя бы безобразныхъ, мучительныхъ міровъ,
 Но только полныхъ жизни, бросающихъ свой крикъ,
 И гаснущихъ покорно, создавши новый мигъ.

И маятникъ всемірный, незримый для очей,
 Ведетъ по лабиринту разсвѣтовъ и ночей.
 И сонмы звѣздъ несутся по страшному пути.
 И Богъ всегда уходитъ. И мы должны идти.

XIX.

И С К А Т Е Л И.

Они стучали въ дверь поочередно.
Стучали долго. Ночь была темна.
Съ небесной выси тускло и бесплодно
Глядѣла внизъ всегдашняя Луна.

Молчало время. Ночь не проходила.
На всемъ была недвижности печать.
И вотъ рука подъятая застыла,
Уставши въ дверь безмолвную стучать.

Безчувственное каменное зданье
Бросало тѣнь съ огромной вышины.
Незримая, но вѣрныя страданья
Носились въ царствѣ мертвой тишины.

И все темнѣй, все глуше, холоднѣе
Казалась дверь, закрытая навѣкъ.
И дрогнули два странника, — блѣднѣя,
Какъ дымъ надъ гладью спящихъ ночью рѣкъ.

И Время усмѣхнулось ихъ безсилью.
И двинулось. Прошли года. Вѣка.
Ихъ внѣшній видъ давно кружится пылью.
Но свѣтитъ ихъ безсмертная тоска!

XX.

ПРЕДЪ ИТАЛЬЯНСКИМИ ПРИМИТИВАМИ.

Какъ же должны быть наивно-надменны
 Эти плѣненные вѣрой своей!
 Помнишь, они говорятъ: „Неизмѣнны
 „Наши пути за предѣлами дней!“

Помнишь, они говорятъ: „До свиданья,
 „Братъ во Христѣ! До свиданья — въ Раю!“
 Я только знаю бездонность страданья,
 Ждущаго темную душу мою.

Помнишь? Луга, невысокія горы,
 Низко надъ ними висятъ небеса,
 Чистенькихъ рощицъ мелькають узоры,
 Это, конечно, не наши лѣса.

Видишь тотъ край, гдѣ отсутствуютъ грозы?
 Здѣсь пребываетъ святой Іеронимъ,
 Льва исцѣлилъ онъ отъ острой занозы,
 Сдѣлалъ служителемъ вѣрнымъ своимъ.

Львы къ нимъ являлись просить врачеванья!
 Братъ мой, какъ я, истомленный во мглѣ,
 Гдѣ же достать намъ съ тобой ушванья
 На измѣненной Землѣ?

XXI.

ФРА АНДЖЕЛИКО.

Если бь эта дѣтская душа
 Нашимъ грѣшнымъ міромъ овладѣла,
 Мы совсѣмъ утратили бы тѣло,
 Мы бы, точно тѣни, чуть дыша,
 Встали у небеснаго предѣла.

Тамъ, вверху, сидѣлъ бы добрый Богъ,
 Здѣсь, внизу, послушными рядами,
 Призраки съ пресвѣтлыми чертами,
 Пѣли бы воздушную, какъ вздохъ,
 Пѣсню безтѣлесными устами.

Вѣчно примиренные съ Судьбой,
 Чуждые навѣкъ заботамъ хмурнымъ,
 Были бы мы озеромъ лазурнымъ,
 Въ безднѣ безмятежно-голубой,
 Въ царствѣ золотистомъ и безбурномъ.

XXII.

Р И Б Е Й Р А.

Ты не былъ знакомъ съ ароматомъ
 Кругомъ расцвѣтавшихъ цвѣтовъ.
 Жестокій и мрачный анатомъ,
 Ты жаждалъ разъятыя основъ.

Понявъ убѣдительность муки,
Ее затаилъ ты въ крови,
Любя искаженные руки,
Какъ любятъ лобзанья въ любви.

Ты выразилъ ужасъ неволи,
И бросилъ въ беззвѣздный предѣлъ
Кошмары, исполненныхъ боли,
Тобою разорванныхъ тѣлъ.

Сказавъ намъ, что ужасы пытокъ
Въ созданьяхъ мечты хороши,
Ты ярко явилъ намъ избытокъ
И бѣшенство мощной души.

И тьмою, какъ чарой, владѣя,
Ты мракъ приобщилъ къ Красотѣ,
Ты братъ своего Прометея,
Который всегда въ темнотѣ.

XXIII.

ВЕЛАСКЕСЪ.

Веласкесъ, Веласкесъ, единственный геній,
Сумѣвшій таинственнымъ сдѣлать простое,
Какъ властно надъ сонмомъ твоихъ сновидѣній
Безмолвствуешь Солнце, всегда-молодое!

Съ какимъ униженьемъ, и съ болью, и въ страхѣ,
Тобою — безсмертные, смотреть шуты,
Какъ странно бѣлѣютъ согбенныя пряжи
Въ величьи рабочей своей красоты!

И этот Распятый, надъ всѣми Христами
 Вознесшійся тѣломъ утонченно-блѣднымъ,
 И длинныя копя, что встали рядами
 Надъ браннымъ героемъ, смиренно-побѣднымъ!
 И эти инфанты, съ Филиппомъ Четвертымъ,
 Такъ чувственно-яркимъ поэтомъ-царемъ,
 Во всемъ этомъ блескѣ, для насъ распростертомъ,
 Мы пыль золотую, какъ пчелы, беремъ!

Мы черпаемъ силу для нашихъ созданій
 Въ живомъ родникѣ, не изсякшемъ донинѣ,
 И въ силѣ рожденныхъ тобой очертаній
 Привѣтствуемъ пышный оазисъ въ пустынѣ.

Мы такъ и не знаемъ, какою же властью
 Ты былъ — и оазисъ, и вмѣстѣ миражъ,—
 Судьбой ли, мечтой ли, умомъ, или страстью,
 Ты вѣчно — прошедшій, грядущій, и нашъ!

XXIV.

СКОРБЬ АГУРАМАЗДЫ.

мотивъ изъ Зендъ-Авесты.

Я царственный создатель многихъ странъ,
 Я свѣтлый богъ міровъ, Агурамазда.
 Зачѣмъ же ликъ мой тьмою повторень,
 И Анграмайни всталъ противовѣсомъ?
 Я создалъ земли, полныя расцвѣта,
 Но Анграмайни, тотъ, кто весь есть смерть,
 Родилъ змѣю въ водѣ, и въ земляхъ зиму.
 И десять зимъ въ году, и два лишь лѣта,
 И холодѣютъ воды и деревья,
 И худшій бичъ, зима, лежитъ на всемъ.
 Я создалъ Сугдху, мирныя равнины,

Но Анграмайни создалъ саранчу,
 И смерть пришла на хлѣбъ и на животныхъ.
 И я, Агурамазда, создалъ Маргу,
 Чтобъ въ ней царили дни труда и счастья,
 Но Анграмайни создалъ зло и грѣхъ.
 И создалъ я Нисайю, что за Бахдги,
 Чтобъ не было въ людскихъ сердцахъ сомнѣнья,
 Но Анграмайни вѣру умертвилъ.
 Я создалъ Урву, пышность тучныхъ пастбищъ,
 Но Анграмайни гордость людямъ далъ.
 Я создалъ красоту Гаравайти,
 Но Анграмайни выстроилъ гроба.
 И создалъ я оплотъ, святую Кахру,
 Но Анграмайни трупы ѣсть велѣлъ,
 И люди стали ѣсть убитыхъ ими.
 И я, Агурамазда, создалъ много
 Другихъ прекрасныхъ странъ, Гаэтуманту,
 Варэну, и Рангхà, и Семирѣче,
 Но Анграмайни, тотъ, кто весь есть смерть,
 На все набросилъ зиму, зиму, зиму.
 И много странъ глубокихъ и прекрасныхъ,
 Томясь безъ свѣта, ждуть моихъ лучей,
 И я, Агурамазда, создалъ солнце,
 Но Анграмайни, темный, создалъ ночь.

XXV.

ВЕЛИКОЕ НИЧТО.

1.

Моя душа — глухой всебожный храмъ,
 Тамъ дышуть тѣни, смутно нарастая.
 Отраднѣ всего моимъ мечтамъ
 Прекрасныя чудовища Китая.

Драконъ, владыка солнца и весны,
 Единорогъ, эмблема совершенства,
 И фениксъ, образъ царственной жены,
 Сліянье власти, блеска, и блаженства.
 Люблю однообразную мечту
 Въ созданіяхъ художниковъ Китая,
 Застывшую, какъ иней, красоту,
 Какъ иней сновъ, что искрится не тая.
 Симметрия — ихъ основной законъ,
 Они рисуютъ даль какъ восхожденье,
 И сладко мнѣ, что страшный ихъ драконъ
 Не адскій духъ, а символъ наслажденья.
 А дивная утонченность тоновъ,
 Дробящихся въ различіи согласномъ,
 Проникновенье въ таинство основъ,
 Лазурь въ лазури, красное на красномъ!
 А равнодушье къ образу людей,
 Пристрастье къ разновидностямъ звѣринымъ,
 Сплетенье въ строгій узелъ всѣхъ страстей,
 Огонь ума, скользящій по картинамъ!
 Но болѣе, чѣмъ это все, у нихъ,
 Люблю пробѣлъ лирическаго зноя.
 Люблю постичь, сквозь легкій нѣжный стихъ,
 Безбрежное отчаянье покоя.

2.

Къ стариннымъ манускриптамъ, въ поздній часъ,
 Почувствовавъ обычное призванье,
 Я рылся между свитковъ, и какъ разъ
 Чвангъ-Санга прочиталъ повѣствованье.
 Тамъ смутный кто-то, я не знаю кто,
 Ронялъ слова печали и забвенья:

„Безчувственно Великое Ничто,
 „Въ немъ я и ты — мелькаемъ на мгновенье.
 „Проходитъ Ночь, и въ роцѣ дышетъ свѣтъ,
 „Двѣ птички, тѣсно сжавшись, спали рядомъ,
 „Но съ блескомъ Дня той дружбы больше нѣтъ,
 „И каждая летитъ къ своимъ уладамъ.
 „За тьмою — жизнь, за холодомъ — апрѣль,
 „И снова темный холодъ ожиданья.
 „Я разобью пѣвучую свирѣль,
 „Иду на Западъ, умерли мечтанья.
 „Безчувственно Великое Ничто,
 „Земля и Небо — сводъ нѣмого храма.
 „Я тихо сплю — я тотъ же и никто,
 „Моя душа — воздушность оиміама“.

XXVI.

НАМЕКЪ.

Сгибаясь, качаясь, исполненъ нѣмой осторожности,
 Въ подводной прохладѣ, утонченный ждущій намекъ,
 Вздывается стебель, таящій блаженство возможности,
 Хранящій способность раскрыться, какъ бѣлый цвѣтокъ.

И такъ же, какъ стебель зеленый блистательной лиліи,
 Мѣняясь въ холодномъ забвеньи, легенды вѣковъ, —
 Въ моихъ пѣснопѣняхъ, — уставши тянутся въ безсиліи, —
 Раскрылись, какъ чаши свободно-живущихъ цвѣтковъ.

XXVII.

ТРИ ЛЕГЕНДЫ.

Есть лишь три легенды сказочныхъ вѣковъ.
Смысль ихъ вѣчно-старый, точно утро новъ.

И одна легенда, блескъ лучей дробя,
Говорить: „О, смертный! Полюби себя“.

И другая, въ свѣтѣ страсти безъ страстей,
Говорить: „О, смертный! Полюби людей“.

И вѣщаетъ третья, нѣжно, точно вздохъ:
„Полюби безсмертье. Вѣченъ только Богъ“.

Есть лишь три преддверья. Нужно все пройти.
О, скорѣй, скорѣе! Торопись въ пути.

Въ храмѣ сновъ безсмертныхъ дышетъ нѣжный свѣтъ,
Есть всему разгадка, есть на все отвѣтъ.

Не забудь же сердцемъ, и сдержи свой вздохъ:
Ярко только Солнце, вѣченъ только Богъ!

XXVIII.

* * *

Вѣрьте мнѣ, обманутые люди,
Я, какъ вы, ходилъ по всѣмъ путямъ.
Наша жизнь есть чудо въ вѣчномъ Чудѣ,
Наша жизнь — и здѣсь, и вѣчно тамъ.

Я знакомъ съ безмѣрностью страданій,
Я узналъ, гдѣ правда, гдѣ обманъ.
Яркій ужасъ нашихъ испытаній
Намъ не для насмѣшки плоской данъ.

Вѣрьте мнѣ, невѣрящіе братья,
Вы меня поймете черезъ день.
Нашей вольной жизни нѣтъ проклятья,
Мы избрали сами свѣтотѣнь.

Мы избрали Зло какъ путь познанья,
И закономъ сдѣлали борьбу.
Уходя въ тяжелое изгнанье,
Мы живемъ, чтобъ кончить жизнь въ гробу.

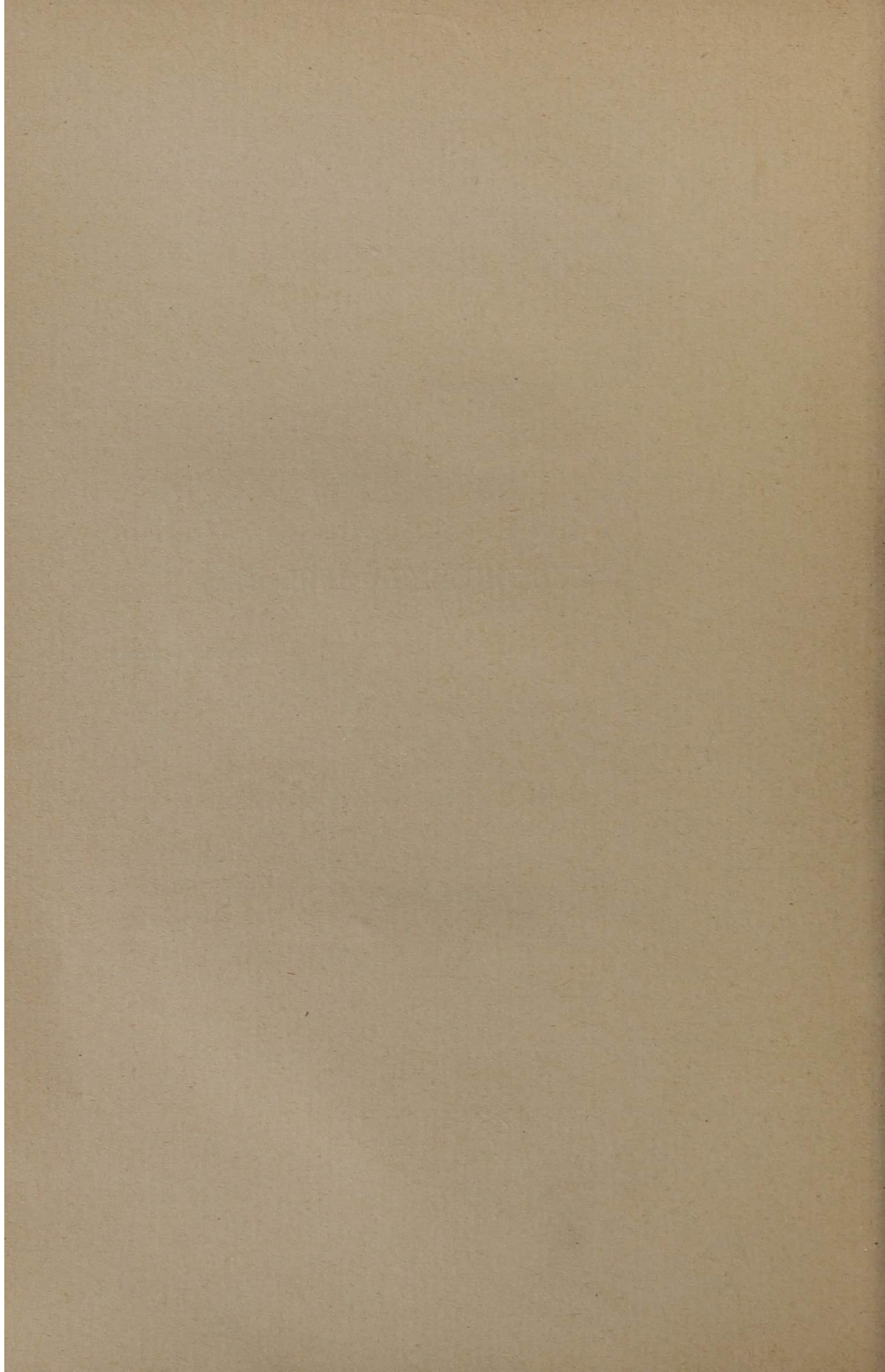
Но, когда съ застывшими чертами,
Мертвые, торжественно мы спимъ,
Онъ, Незримый, дышетъ рядомъ съ нами,
И, молясь, бесѣдуемъ мы съ Нимъ.

И душѣ таинственно понятно,
Въ этотъ мигъ бесѣды роковой,
Что въ пути, пройденномъ безвозвратно,
Рокъ ея былъ выбранъ ей самой.

Но, стремясь, грѣша, страдая, плача,
Духъ нашъ вольный былъ всегда хранимъ.
Жизнь была рѣшенная задача,
Смерть пришла какъ радость встрѣчи съ Нимъ.

ХУДОЖНИКЪ - ДЪЯВОЛЪ.

Валерію Брюсову.

I.

БЕЗУМНЫЙ ЧАСОВЩИКЪ.

Межъ древнихъ горъ жилъ сказочный старикъ,
Безуміемъ объятый необычнымъ.

Онъ былъ богачъ, поэтъ — и часовщикъ.

Онъ былъ богатъ во многомъ и въ различномъ,
Владѣлъ землей, морями, сонмомъ горъ,
Вѣтрами, даже небомъ безграничнымъ.

Онъ былъ поэтъ, и сочеталъ въ узоръ
Незримыя безгласныя созданья,
Въ чьихъ обликахъ былъ краснорѣчьемъ — взоръ.

Шли годы внѣ разлада, внѣ страданья,
Онъ былъ бы лишь поэтомъ навсегда,
Но возъмѣлъ безумное мечтанье.

Слова онъ раздѣлилъ на нѣтъ и да,
Онъ бросилъ чувства въ область раздвоенья,
И дня и ночи встала череда.

А чтобъ вѣрнѣе было ихъ значенье,
Чтобы означить слѣдъ ихъ полосы,
Ихъ двойственность, ихъ смѣну, и теченье, —

Поэтъ безумный выдумалъ часы.
Ихъ дикій строй снабдилъ онъ голосами:
Одни изъ нихъ плѣнительной красы, —

Поютъ, звенять; другіе воютъ псами;
 Смѣются; говорятъ; кричатъ, скорбя.
 Такъ весь свой домъ увѣсилъ онъ часами.

И вѣчность звукомъ времени дробя,
 Часы идутъ путемъ круговращенья,
 Не уставая повторять себя.

Но самъ создавъ ихъ голосъ какъ внушенье,
 Безумный часовщикъ съ теченьемъ лѣтъ
 Сталъ чувствовать къ ихъ рѣчи отвращенье.

Въ его дворцѣ молчанья больше нѣтъ,
 Часы кричатъ, хохочутъ, шепчутъ смутно,
 И на мечту, звеня, кладутъ запретъ.

Ихъ стрѣлки, уходя ежеминутно,
 Мѣняютъ свѣтъ на тѣнь, и день на ночь,
 И все клянутъ, и все клянутъ попутно.

Не въ силахъ отвращенья превозмочь,
 Безумный часовщикъ, въ припадкѣ гнѣва,
 Рѣшилъ прогнать созвучья эти прочь,—

Лишить часы ихъ дикаго налѣва:
 И вотъ, раскрывъ ихъ внутренній составъ,
 Онъ вертитъ цѣпь направо и налѣво.

Но строй ли измѣнился въ нихъ и сплавъ,
 Иль съ ними приключилось чарованье,
 Они явили самый дерзкій нравъ,—

И подняли такое завыванье,
 И начали такъ яростно звенѣть,
 Что часовщикъ забылъ негодованье,—

И слыша проклиную мѣдь,
 Какъ трупами испуганный анатомъ,
 Отъ ужаса лишь могъ закаменѣть.

А между тѣмъ часы, гудя набатомъ,
 Все громче хаосъ воплей громоздятъ,
 И каждый звукъ — неустрашимый атомъ.

Имъ вторять горы, море, плѣнный адъ,
 И вѣтры, напоенные проклятьемъ,
 Въ пространствахъ сновъ кружатъ, кружатъ, кружатъ.

Рожденные чудовищнымъ зачатъемъ,
 Межъ древнихъ горъ мятутся нѣтъ и да,
 Враждебные, слились однимъ объятъемъ, —

И больше не умолкнуть никогда.

II.

ХУДОЖНИКЪ.

Я не былъ никогда такой, какъ всѣ.
 Я въ самомъ дѣтствѣ былъ уже бродяга,
 Не могъ застыть на узкой полосѣ.

Красивъ лишь тотъ, въ комъ дерзкая отвага,
 И кто уменъ, хотя бы умъ его —
 Умъ Ричарда, Мефисто, или Яго.

Все въ этомъ мѣрѣ тускло и мертво,
 Но ярко себялюбье безъ зазрѣнья:
 Не видѣть за собою — никого!

Я силенъ жесткимъ холодомъ презрѣнья,
Въ пылу страстей я правлю ихъ игрой,
Подъ вѣдѣньемъ ума — все поле зрѣнья.

Людишки — мошки, славный пестрый рой,
Лови себѣ свѣтлянокъ для забавы,
На ладъ себя возвышенный настрой.

Люби любовь, лазурь, цвѣты, и травы,
А если истощишь восторгъ до дна,
Есть хохоть съ вѣрнымъ дѣйствиємъ отравы.

Лети-ка прочь, ты въ мірѣ не одна,
Противна мнѣ банальность повтореній,
Моя душа для жажды создана.

Не для меня законы, разъ я геній.
Тебя я видѣлъ, такъ на что мнѣ ты?
Для творчества мнѣ нужно впечатлѣній.

Я знаю только прихоти мечты,
Я все предаю для счастья созиданья
Роскошныхъ измышленій красоты.

Мнѣ нравится, что въ мірѣ есть страданья,
Я ихъ сплетаю въ сказочный узоръ,
Влагаю въ сны чужія трепетанья.

Обманы, сумасшествіе, позоръ,
Безумный ужасъ — все мнѣ видѣть сладко,
Я въ пышный смерчъ свиваю пыльный соръ.

Смѣюсь надъ дѣтски-женскимъ словомъ — гадко,
Во мнѣ живетъ злорадство паука,
Въ моихъ глазахъ — жестокая загадка.

О, мудрость мірозданья глубока,
 Прекрасенъ видъ лучистой паутины,
 И даже муха въ ней свѣтло-звонка.

Бѣлѣйшіе цвѣты растутъ изъ тины,
 Червоннѣй всѣхъ цвѣтовъ на плахѣ кровь,
 И смерть — сюжетъ прекрасный для картины.

Приди — умри — во мнѣ воскреснешь вновь!

Ш.

Д Ы М Ы.

Въ моемъ сознаньи — дымы дней сожженныхъ,
 Остывшій чадъ страстей и слѣпоты.
 Я посѣщаль дома умалишенныхъ, —

Мнѣ близки ихъ безумныя мечты,
 Я знаю обликъ нашихъ заблужденій,
 Достигнувшихъ трагической черты.

Какъ цѣпкіе побѣги тѣхъ растеній,
 Что люди чужеядными зовутъ,
 Я льнулъ къ умамъ, исполненнымъ видѣній.

Вкругъ слабыхъ я свивался въ жесткій жгутъ,
 Вкругъ сильныхъ вился съ гибкостью змѣиной,
 Чтобъ тайну ихъ на свой повергнуть судъ.

Отъ змѣя не укрылся ни единый,
 Я понялъ все, легко коснулся всѣхъ,
 И міръ возникъ законченной картиной.

Невинность, ярость, дѣтство, смертный грѣхъ,
 Въ нѣмой мольбѣ ломаемыя руки,
 Протяжный стонъ, и чей-то тихій смѣхъ, —

Просторъ степей съ кошмаромъ желтой скуки,
 Оборыши отверженныхъ племенъ,
 Всѣ внѣшнія и внутреннія муки, —

Весь дикій плясъ подъ музыку времянь,
 Всѣ радости — лишь ткани и узоры,
 Чтобъ скрыть одинъ непреходящій сонъ.

На высшія я поднимался горы,
 Въ глубокіе спускался рудники,
 Со мной дружили геніи и воры.

Но я не исцѣлился отъ тоски,
 Понявъ, что неизбежно равноцѣнны
 И нивы, и бесплодные пески.

Куда ни кинься, мы повсюду плѣнны,
 Все взвѣшено на сумрачныхъ вѣсахъ,
 Творцы себя, мы вѣчны и мгновенны.

Мы звѣри — и звѣрьми внушенный страхъ,
 Мы блески — и гасители пожара,
 Мы факелы — и вѣтеръ мы впотьмахъ.

Но въ насъ всего сильнѣй ночная чара:
 Мы хвалимъ свѣтъ заката, и затѣмъ
 Двѣнадцатаго съ башенъ ждемъ удара.

Создавши сонмы солнечныхъ системъ,
 Мы смертью населили ихъ планеты,
 И сладко намъ, что мракъ-утайщикъ нѣмъ.

Во тѣмѣ полночной слиты всѣ предметы.
Скорѣй на шабашъ, къ бѣшенству страстей.
Мы дьявольскимъ сіяніемъ одѣты.

Мѣшокъ игральныхъ шулерскихъ костей,
Исполненныя скрытаго злорадства,
Колдуньи, съ кликой демоновъ - людей,

Спѣшать найти убогое богатство
Безплодныхъ ласкъ, запретную мечту
Обѣдни черной, полной святотатства.

И звѣзды міра гаснутъ налету,
И тѣнь вѣсовъ качается незримо
На міровомъ таинственномъ посту.

Все взвѣшено и все неотвратимо.
Добро и зло — два лика тѣхъ же думъ.
Видѣнье міра тонетъ въ морѣ дыма.

Во мглѣ пустынь свирѣпствуетъ самумъ.

IV.

С Н Ы.

Мнѣ снятся поразительные сны.
Они всегда съ дѣйствительностью слиты,
Какъ въ тающемъ аккордѣ двѣ струны.

Тѣ мысли, что давно душой забыты,
Какъ существа, встаютъ передо мной,
И окна сновъ гирляндой ихъ обвиты.

Они растутъ живою пеленой,
 Чудовищно и страшно шевелятся,
 Глядятъ — и вдругъ ихъ смоесть, какъ волной.

Мгновенье мглы, и тѣни вновь тѣснятся.
 Я въ странномъ замкѣ. Всюду тишина.
 За дверью ждуть, но дверь открыть боятся.

Не знаю, кто. Но знаю: тишь страшна.
 И кто-то можетъ каждый мигъ возникнуть.
 Вотъ, бѣлый, всталъ, глядитъ изъ-за окна.

И я хочу позвать кого-то, крикнуть,
 Но все напрасно: голосъ мой погасъ.
 Постой, я долженъ къ ужасамъ привыкнуть.

Вѣдь онъ встаетъ уже не первый разъ.
 Взглянулъ. Ушелъ. Какое облегченье!
 Но лучше въ садъ пойти. Который часъ?

На циферблатѣ умерли мгновенья!
 Недвижно все. Замкнута глухо дверь.
 Я въ царствѣ ледящаго забвенья.

Нѣтъ „послѣ“, есть лишь мертвое „теперь“.
 Не знаю, какъ, но времени не стало.
 И ночь молчитъ, какъ страшный черный звѣрь.

Вдругъ потолокъ таинственнаго зала
 Сталь медленно вздыматься въ высоту,
 И принялъ видъ небеснаго провала.

Все выше. Вотъ заходитъ за черту
 Тѣхъ вышнихъ звѣздъ, гдѣ Рай порой мнѣ снится,
 Превысилъ ихъ, и превзошелъ мечту.

Но нужно же ему остановиться!
И вот съ верховной точки потолка
Какой-то блескъ подвижный сталъ свѣтиться:—

Два яркіе и злые огонька.
И, дрогнувъ на воздушной тонкой нити,
Спускаться стало — тѣло паука.

Раздался чей-то рѣзкій крикъ: „Глядите!“
И кто-то вторилъ въ гулъ голосовъ:
„Я говорилъ вамъ — звѣря не будите“.

Вдругъ изо всѣхъ, залитыхъ мглой, угловъ,
Какъ рой мышей, какъ змѣи, смутно встали
Безчисленные скопища головъ.

А между тѣмъ съ высотъ, изъ блѣдной дали,
Спускается чудовищный паукъ,
И взглядъ его — какъ холодъ мертвой стали.

Куда бѣжать! Видѣній замкнуть кругъ.
Мучительныя лица кверху вздернувъ,
Они не разнимаютъ сжатыхъ рукъ.

И вдругъ, — какъ шулеръ, карты передернувъ,
Сразить врага, — паукъ, скользнувши внизъ,
Внезапно превратился въ тяжкій жерновъ.

И мельничные брызги поднялись.
Всѣ люди, сколько ихъ ни есть на свѣтѣ,
Въ водоворотъ чудовищный сплелись.

И точно эту влагу били плети,
Такъ много было бѣшенства кругомъ, —
Росли и рвались вновь узлы и сѣти.

Невидимымъ гонимы рычагомъ,
Стремительно неслись въ водоворотъ
За другомъ другъ, враждебный за врагомъ.

Какъ будто бы по собственной охотѣ,
Вкругъ страшнаго носились колеса,
Въ загробно-блѣдной лунной позолотѣ.

Мятеся бѣлой пѣны полоса,
Утопленники тонуть, пропадають,
А тамъ, на днѣ — подводные лѣса.

Встають какъ тьма, безмолвно вырастають,
Оплоты, какъ гиганты, громоздятъ,
И вѣтви змѣевидныя сплетаютъ.

Вверху, внизу, куда ни кинешь взглядъ,
Густѣютъ глыбы зелени ползущей,
Ростутъ, и угрожающе молчатъ.

Мѣняются. Такъ вотъ онъ, міръ грядущій,
Такъ это-то въ себѣ скрывала тьма!
Безмѣрный городъ, грозный и гнетущій.

Невѣдомые высятся дома,
Уродливо тѣсна ихъ вереница,
Въ нихъ пляски, ужасъ, хохоть, и чума.

Безглазья изъ оконъ смотрятъ лица,
Чудовища глядятъ съ покатыхъ крышъ,
Безумный городъ, мертвая столица.

И вдругъ, порвавъ мучительную тишь,
Я просыпаюсь, полный содроганій, —
И вижу убѣгающую мышъ —

Послѣдній призракъ демонскихъ вліяній!

V.

КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ.

Я въ кукольномъ театрѣ. Предо мной,
Какъ тѣни отъ качающихся вѣтокъ,
Исполненные прелестью двойной,

Мѣняются толпы маріонетокъ.
Ихъ каждый взглядъ разсчитанно-правдивъ,
Ихъ каждый шагъ правдоподобно-мѣтокъ.

Чувствительность проворствомъ замѣнивъ,
Они полны нѣмого обаянья,
Ихъ *modus operandi* прозорливъ.

Понявши все изящество молчанья,
Они играютъ въ жизнь, въ мечту, въ любовь,
Безъ воплей, безъ стиховъ, и безъ вѣщанья.

Убитыя, встаютъ немедля вновь,
Такъ веселы и вмѣстѣ съ тѣмъ бездушны,
За родину не проливаютъ кровь.

Художественнымъ замысламъ послушны,
Осуществляютъ формулы страстей,
Къ добру и злу, какъ боги, равнодушны,

Передъ толпой зѣвающихъ людей,
Исполненныхъ звѣринаго веселья,
Смѣется въ каждой куклѣ чародѣй.

Любовь людей — отравленное зелье,
Стремленья ихъ — верченье колеса,
Ихъ мудрость — тошнотворное похмѣлье.

Ихъ мнѣнья — лай разсерженного пса,
Заразная ихъ дружба истерична,
Узка земля ихъ, низки небеса.

А здѣсь — какъ все удобно и прилично,
Какая въ смѣнѣ смысловъ быстрота,
Какъ жизнь и смерть мелькаютъ гармонично!

Но что всего важнѣе, какъ черта,
Достойная быть правиломъ навѣки,
Вся цѣль ихъ дѣйствій — только красота.

Свободныя отъ тягостной опеки
Того, чему мы всѣ подчинены,
Безмолвные они „сверхчеловѣки“.

Въ волшебномъ царствѣ мертвой тишины
Одинъ лишь голосъ высшаго рѣшенья
Безстрастно истолковываетъ сны.

Все зримое — игра воображенья,
Различность многогранности одной,
Въ несчетный разъ — повторность отраженья.

Смущенное жестокой тишиной,
Которой нѣтъ начала, нѣтъ предѣла,
Сознанье сны роняетъ пеленой.

Обманъ души, прикрытый тканью тѣла,
Картинный переменчивый туманъ,
Свободный жить — до грани передѣла.

Святой Антоній, Гамлетъ, Донъ-Жуанъ,
Макбетъ, Ромео, Фаустъ — привидѣнья,
Которымъ всѣмъ удѣлъ единый данъ: —

Путиами страсти, мысли, заблужденья,
Изображать безчисленность идей,
Калейдоскопъ цвѣтистаго хотѣнья.

Святой, мудрецъ, безумецъ, и злодѣй,
Равно должны играть въ предѣлахъ клѣтки,
И представлять животныхъ и людей.

Для куколъ — куклы, всѣ — маріонетки,
Театръ въ театрѣ, сложный сонъ во снѣ,
Мы съ Дьяволомъ и Рокомъ — однолѣтки.

И что же? Онъ, глядящій въ тишинѣ,
На то, что создалъ онъ въ услуду зрѣнья,
Онъ счастливъ? Онъ блаженствуетъ вполнѣ?

Онъ полонъ блеска, смѣха, и презрѣнья?

VI.

НАВОЖДЕНІЕ.

Когда я спалъ, ко мнѣ явился Дьяволъ,
И говоритъ: „Я сдѣлалъ все, что могъ:
Искателемъ въ моряхъ безвѣстныхъ плавалъ, —

„Какъ пилигримъ, въ пустыняхъ мялъ песокъ,
Ходилъ по тюрьмамъ, избамъ, и больницамъ,
Все выполнилъ — и мой оконченъ срокъ“.

И мыслямъ какъ поющимъ внемля птицамъ,
Я спросилъ: „Ну, что же? Отыскаль?“
Но былъ онъ какъ-то странно блѣднолицымъ.

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркаль
Глядѣли тѣни комнаты застывшей,
Кругъ мѣсяца въ окно изъ нихъ сверкаль.

И Дьяволъ, блѣдный обликъ свой склонивши,
Стояль какъ нѣкій богъ, и зеркала
Тотъ ликъ зажгли, двукратно повторивши.

Я чувствовалъ, что мгла кругомъ жила,
Во мнѣ конецъ съ началомъ были слиты,
И ночь была волнующе свѣтла.

Вокругъ окна, волшебюо перевиты,
Качались виноградные листы,
Подъ мѣсяцемъ какъ будто кѣмъ забыты.

Предавшись чарамъ этой красоты,
Какой-то мiръ увидѣль я впервые,
И говорю: „Ну, что же? Я и ты—

„Все ты, да я, да ты: полуживые,
Мы тянемся, мы думаемъ, мы ждемъ.
Куда жь влекутъ насъ цѣли роковыя?“

И онъ сказалъ: „Назначеннымъ путемъ,
Я проходилъ по царственнымъ озерамъ,
Смотрѣль, какъ травы стынуть подо льдомъ.

„Я шель болотомъ, лугомъ, полемъ, боромъ,
Бросался дикимъ коршуномъ со скаль,
Вникаль во все мѣняющимся взоромъ“.

И я спросилъ „Ну, что же? Отыскаль?“
 Но былъ онъ неизмѣнно блѣднолицымъ,
 И дрогнуль ликъ его межъ двухъ зеркаль.

Зарницы такъ отвѣтствуютъ зарницамъ.
 „Что жь дальше?“ И отвѣтилъ Дьяволъ мнѣ:
 „Я путь направилъ къ сказочнымъ столицамъ.

„Тамъ блѣдны всѣ, тамъ молятся Лунѣ.
 На всѣхъ тѣлахъ тамъ пышныя одежды.
 Кругомъ — вода. Волна поетъ волнѣ.

„Межъ сновъ припоминаній и надежды,
 Алѣютъ и цѣлуются уста,
 Сжимаются отъ сладострастья вѣжды.

„Отъ вѣка и до вѣка — красота,
 Волшебницы подобныя тигрицамъ,
 Тамъ ласки, мысли, звуки, и цвѣта“.

И преданъ снамъ, ихъ стройнымъ вереницамъ,
 Воскликнулъ я: „Ну, что же, отыскаль?“
 Но Дьяволъ оставался блѣднолицымъ!

Изъ двухъ, другъ въ друга смотрящихъ, зеркаль
 Глядѣли сонмы призраковъ сплетенныхъ,
 Какъ бы внезапно стихнувшій кагалъ.

Все тотъ же образъ, полный думъ бессонныхъ,
 Дробился тамъ, въ зеркальности, на днѣ,
 Мѣняясь въ сочетаньяхъ повторенныхъ.

Сомнамбулы тянулись къ вышинѣ,
 И каждый духъ похожъ былъ на другого,
 Всѣ вмѣстѣ стыли въ лунномъ полуснѣ.

И къ Дьяволу я обратился снова,
 Въ четвертый разъ, и даже до семи:
 „Что жь, отыскаль?“ Но онъ молчалъ сурово.

Умѣя обращаться со звѣрьми,
 Я поманилъ царя мечты безсонной:
 „Ты хочешь душу взять мою? Возьми“.

Но онъ стоялъ какъ нѣкій богъ, склоненный,
 И явственно увидѣлъ я, что онъ,
 Весь бѣлый, весь луною озаренный—

Былъ снизу черной тѣнью повторенъ.
 Увидѣвъ этотъ ужасъ раздвоеній,
 Я простоналъ: „Уйди, хамелеонъ!“

„Уйди, бродяга, полный измѣненій,
 Ты, между всѣхъ горящій блескомъ силъ,
 Безсильный отъ своей сокрыться тѣни!“

И страхъ меня смертельный пробудилъ.

VII.

Х И М Е Р Ы.

Высоко на парижской Notre Dame
 Красуются жестокия химеры.
 Они умно усѣлись по мѣстамъ.

Въ безпутствѣ соблюдая чувство мѣры,
 И гнусность доведя до красоты,
 Они могли бы намъ являть примѣры.

Лазурный фонъ небесной пустоты
 Обогащенъ красою ихъ несходства,
 Господствомъ въ каждой — собственной черты.

Святыхъ легко смѣшаешь, а уродство
 Всегда фигурно, личность въ немъ видна,
 Въ чемъ явное пороковъ превосходство.

Но общность между ними есть одна:
 Какъ крючья вопросительнаго знака,
 У всѣхъ химеръ изогнута спина.

Скептически произрастенья мрака,
 Шпіонски-выжидательны они,
 Какъ мародеры возлѣ бивуака.

Не получивъ отвѣта искони,
 И чуждые голубоглазья вѣры,
 Сидятъ архитектурные слѣпки, —

Односторонне-зрячія химеры,
 Задумались надъ крышами домовъ,
 Какъ на морѣ уродливыя шхеры.

Вкругъ Церкви, этой высшей изъ основъ,
 Враждебнымъ станомъ выстроились зданья,
 Берлоги тьмы, уютъ распутныхъ сновъ, —

И Церковь, осудивши тѣ мечтанья
 Сердцецъ, обросшихъ грубой тканью мха,
 Развратный хаосъ въ мірѣ созиданья, —

Гдѣ дышетъ ядомъ каждая кроха, —
 Воздвигла слѣпокъ мерзости звѣриной,
 Зеркальный ликъ поклонниковъ грѣха.

Но межъ людей, быть-можетъ, я единый
 Въ глубокой смыслъ чудовищъ тѣхъ проникъ,
 Всегда иное чую за картиной.

Привѣтъ тебѣ, отшедшій мой двойникъ,
 Создатель этихъ двойственныхъ видѣній,
 Я въ стихъ влагаю твой скульптурный крикъ.

Привѣтъ вамъ, сонмы страшныхъ заблужденій!
 Ты — геній сводни, духъ единорогъ,
 Сподручникъ жадный вѣдьмовскихъ радѣній.

Гермафродитъ, глядящій на порокъ,
 Ты жабу давишь въ пытку думъ безсонныхъ,
 Весь міръ ты развратилъ бы, если бъ могъ.

Концы ушей, продленно-заостренныхъ,
 Стоять, какъ бы слышавши вдали
 Протяжный гулъ тобою соблазненныхъ.

Колдуній новыхъ жабы привели.
 Но ты ужъ слышишь ропотъ осужденья,
 Для васъ костры свирѣпые зажгли.

И ты, заклятый врагъ дѣторожденья,
 Колдунья съ птицей, демоны-враги,
 Препоны для простого наслажденья!

Твое лицо — зловѣщій ликъ Яги,
 Нагія десна алчны и беззубы,
 Твоя рука имѣетъ видъ ноги, —

Твои черты безжалостныя грубы,
 Застыли пряди каменныхъ волосъ,
 Не знали поцѣлуевъ эти губы, —

Не вѣдали глаза химеры слезъ,
И шерстью, точно сорною травою,
Твой хищный станъ уродливо обросъ.

Какъ вѣстникъ твой, крича, передъ тобою
Стервятникъ омерзительный сидитъ,
Покрытый вмѣсто перьевъ чешуею.

Въ его когтяхъ какой-то звѣрь хруститъ,
Но какъ ни гнусенъ вѣстникъ твой ужасный,
Ты болѣе чудовищна на видъ.

И оба вы судьбѣ своей подвластны,
Одна мечта на васъ новодитъ лоскъ,
Единый геній, жесткій и безстрастный.

Какъ сжать печатью вдавленной воскъ,
Такъ лобъ у васъ, наклонно убѣгая,
Къ убійству духъ направилъ, сжавши мозгъ.

И ты еще, уродина другая,
Орангутангъ и жалкій идіотъ,
Ты скорчился, въ тоскѣ изнемогая.

Убогій демонъ, выродокъ, и скотъ,
Герой мечты безумнаго Эдгара,
Зачатой въ этомъ мірѣ въ черный годъ.

Въ тебѣ инстинктъ горѣлъ огнемъ пожара,
И ты двухъ женщинъ подло умертвилъ,
Но въ цвѣтѣ крови странная есть чара.

Тебя нежданный ужасъ подавилъ,
И ты бѣжалъ на этотъ Домъ Видѣній,
Безпомощный палачъ, лишенный силъ.

Вы, дьяволы любовныхъ наслажденій,
 Какъ много въ васъ отверженной мечты.
 Одинъ какъ ангель, съ крыльями... О, геній!

Зачѣмъ въ безпутномъ пирѣ срамоты,
 Для сладости обманчиваго часа,
 Принизился до мелкихъ тварей ты!

Твое лицо — безстыдная гримаса,
 Ты нагло манишь, высунувъ языкъ, —
 Усталыхъ ласкъ приправа и прикраса.

Ты знаешь, какъ продлить тягучій мигъ,
 Ты, съ холеными женскими руками,
 Любовь умомъ обманывать привыкъ.

Другой наглець, съ кошачьими зрачками,
 Надъ Городомъ Безумія склонясь,
 Всѣмъ обликомъ хохочетъ надъ врагами.

Онъ гибокъ, сладострастенъ, и какъ разъ
 Въ объятіи на-смерть съ хохотомъ удавить,
 Какъ змѣй вокругъ тѣла нѣжнаго віась.

Еще другой, всего превыше ставитъ
 Блаженство въ щель чужую заглянуть,
 Глядитъ, дрожитъ, и грязный ротъ слюнявитъ.

Еще, съ лицомъ козла, ввалилась грудь,
 Глаза глубоко всажены въ орбиты,
 Сумѣлъ онъ весь въ распутствѣ потонуть.

Вы разны всѣ, и всѣ вы стройно слиты,
 Вы всѣ незримой сѣтью сплетены,
 Равно въ семьѣ единой имениты.

Но всѣхъ прекраснѣй въ свѣтѣ Сатаны,
Сліяніе ума и лицемѣрья,
Волшебный образъ нѣкоей жены.

Она вѣнецъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преддверье,
Карикатура ей изжитыхъ думъ,
Крылатый коршунъ, выщипавшій перья.

Взамѣну чувствъ у ней остался умъ,
Она ханжа въ отшельнической рясѣ,
Иссохшій монастырскій толтосумъ.

Застывши въ иронической гримасѣ,
Она какъ бы блюдетъ ихъ всѣхъ кругомъ.
Иронія прилична въ свинопасѣ.

И всѣ они вѣнчаютъ — Божій Домъ!

УШ.

ШАБАШЪ.

Въ день четверга, излюбленный у насъ,
Затѣмъ что это праздникъ всѣхъ могучихъ,
Мы собрались въ предвозвѣщенный часъ.

Луна была сокрыта въ дымныхъ тучахъ,
Возросшихъ какъ лѣса и города.
Всѣ ждали тайнъ и ласкъ блаженно-жгучихъ.

Мы донеслись по воздуху туда,
На кладбище, къ уюту усыпленныхъ,
Гдѣ люди днемъ лишь бродятъ иногда.

Толпы колдуній, жадныхъ и влюбленныхъ,
Ряды глядящихъ пристально людей,
Мы были сонмомъ духовъ изступленныхъ.

Одинъ, мудрѣйшій въ знаніи страстей,
Былъ ярче всѣхъ лицомъ своимъ прекраснымъ.
Онъ былъ нашъ царь, любовникъ всѣхъ, и Змѣй.

Тамъ были свѣчи съ пламенемъ неяснымъ,
Одни съ зеленовато-голубымъ,
Другія съ блѣдно-желтымъ, третья съ краснымъ.

И всѣ они струили тонкій дымъ.
Кто подходилъ и имъ дышалъ мгновенье,
Тотъ становился тотчасъ молодымъ.

Тамъ были пляски, игры, превращенья
Людей въ животныхъ, и звѣрей въ людей,
Соединенныхъ въ счастья внушенья.

Подъ блескомъ тѣхъ измѣнчивыхъ огней,
Напоминавшихъ лѣтнюю зарницу,
Сплетались члены сказочныхъ тѣней.

Какъ будто кто вращалъ ихъ вереницу,
И женщину всегда ласкалъ козель,
Мужчина обнималъ всегда волчицу.

Таковъ законъ, иначе — произволь,
Особый видъ волнующей приправы,
Когда стремится къ полу чуждый полъ.

Но вотъ въ сверканьи свѣчъ сѣдя травы
Качнулись, пошатнулись, возросли,
Какъ души, сладкой полныя отравы.

Неясный мѣсяцъ выступилъ вдали
Изъ дрогнувшаго на небѣ тумана,
И жабы въ черныхъ платьяхъ приползли.

Давнишнія созданья Аримана,
Они влекли колдуній молодыхъ,
Еще не знавшихъ сладостей дурмана.

Нашъ кругъ разъялся, принялъ ихъ, затихъ,
И демоны къ нимъ жадные припали,
Перевернувъ порядокъ членовъ ихъ.

И мѣсяцъ имъ свѣтилъ изъ дымной дали,
И Змѣй нашъ устремилъ на нихъ свой взглядъ,
И мы отъ ихъ блаженства трепетали.

Но вотъ свершенъ таинственный обрядъ,
И всѣ колдуньи, въ снахъ какихъ-то гнѣвныхъ,
„Давайте мертвыхъ! Мертвыхъ намъ!“ кричатъ.

Протяжностью заклятій перепѣвныхъ,
Составленныхъ изъ повседневныхъ словъ,
Но лишь не въ сочетаньяхъ ежедневныхъ,—

Они смутили мирный сонъ гробовъ,
И изъ могилъ расторгнутыхъ возстали
Гнилые трупы ветхихъ мертвецовъ.

Они сперва какъ будто выжидали,
Потомъ, качнувшись, быстро шли впередъ,
И дьявольскимъ сіяніемъ блистали.

Раскрывъ отжившій, вдругъ ожившій, ротъ,
Какъ юноши, они къ колдуньямъ льнули,
И всю толпу схватилъ водоворотъ.

Всѣ хохоты въ одномъ смѣшались гуль,
И сладостно казалось намъ шептать
О тайнахъ смерти, въ чувственномъ разгуль.

Отца ласкала дочь, и сына мать,
И тѣло къ тѣлу жаться было радо,
Въ различности искусства обнимать.

Но вотъ вдали, гдѣ кончилась ограда,
Раздался первый возгласъ пѣтуха,
И мы спѣшимъ отъ гнили и распада,—

Въ блаженствѣ соучастія грѣха.

IX.

ПРОБУЖДЕНІЕ ВАМПИРА.

Изъ всѣхъ картинъ, что создалъ я для міра,
Всего желаннѣй сердцу моему
Картина — „Пробужденіе Вампира“.

Я право самъ не знаю, почему.
Завѣтныя ли въ ней мои мечтанья?
Двойной ли смыслъ? Не знаю. Не пойму.

Во мглѣ полуразрушеннаго зданья,
Гдѣ умерло величье давнихъ дней,
Въ углу лежитъ безумное созданье,—

Безумное въ жестокости своей,
Безкровный обликъ съ алыми губами,
Единый — изъ отверженныхъ тѣней.

Межь демоновъ, какъ царь между рабами,
Красивый демонъ, въ лунной полумглѣ,
Онъ спитъ, какъ спятъ сокрытые гробами.

И всюду сонъ и блѣдность на землѣ.
Какъ льдины, облака вверху застыли,
И лунный проблескъ замеръ на скалѣ.

Онъ спитъ, какъ странный сонъ отжившей были,
Какъ тотъ, кто зналъ всю роскошь красоты,
Какъ тѣ, что гдѣ-то чѣмъ-то раньше жили.

Печалью искаженныя черты
Изобличаютъ жадность къ возбужденьямъ,
Изношенность душевной пустоты.

Онъ все жъ проснется къ новымъ наслаждениямъ,
Отъ полночи живетъ онъ до зари,
Среди страстей, неистовымъ видѣньемъ.

Но первый лучъ есть приговоръ: „Умри“.
И вотъ растетъ вторая часть картины.
Вторая часть: ихъ всѣхъ, конечно, три.

На небѣ, какъ расторгнутыя льдины,
Стоитъ гряда воздушныхъ облаковъ.
Другое зданье. Пышныя гардины.

Полураскрытъ гранатовый альковъ.
Тамъ женщина застыла въ страстной мукѣ,
И грудь ея — какъ бѣлый пухъ снѣговъ.

Откинута изогнутыя руки,
Какъ будто милый жметъ къ ней во снѣ,
И сладко ей, и страшно ей разлуки.

А тотъ, кто снится, тутъ же въ сторонѣ
Онъ тоже услажденъ своей любовью,
Но страшень онъ въ глядящей тишинѣ.

Къ ея груди прильнувъ, какъ къ изголовью,
Онъ спитъ, блаженствомъ страсти утомленъ,
И ротъ его окрашенъ алой кровью.

Кто болѣе изъ нихъ двоихъ влюбленъ?
Одинъ во снѣ увидѣлъ наслажденье,
Другой укралъ его—и усыпленъ.

И оба не предвидятъ пробужденья.
Въ лазури чуть блѣднѣютъ янтари.
Луна огромна въ даляхъ нисхожденья.

Еще не вспыхнулъ первый лучъ зари.
Завершена вторая часть картины.
Вампиръ не зналъ, что всѣхъ ихъ будетъ три.

На небесахъ, какъ тающія льдины,
Бѣгутъ толпы разъятыхъ облаковъ,
У оконъ бьются нити паутины.

Но окна сперты тяжестью оковъ,
Безстыдный день царитъ въ покояхъ зданья,
И весь горитъ гранатовый альковъ.

Охвачена порывомъ трепетанья,
Та, чья мечта была роскошный пиръ,
Проснулась для безмѣрнаго страданья.

Ее любилъ, ее ласкалъ — вампиръ.
А онъ, согбенный, съ жадными губами,
Какой онъ новый вдругъ увидѣлъ міръ!

Обманутый плѣнительными снами,
Онъ не успѣлъ исчезнуть въ должный мигъ,
Чтобъ ждать, до срока, тѣнью межъ тѣнями.

Заснувшій духъ проснулся какъ старикъ.
Отчаяньемъ захваченный мгновеннымъ,
Не въ силахъ удержать онъ рѣзкій крикъ.

Онъ жить хотѣлъ вовѣки неизмѣннымъ,
И вдругъ утратилъ силу прежнихъ чаръ,
И вдругъ себя навѣкъ увидѣлъ плѣннымъ,—

Увидѣвъ яркій солнечный пожаръ!

Х.

ГОРОДА МОЛЧАНЬЯ.

Въ одной изъ странъ, гдѣ нѣтъ ни дня, ни ночи,
Гдѣ ночь и день смѣшались навсегда,
Гдѣ мигъ длиннѣй, но вѣкъ существъ короче.

Тамъ небо — какъ вечерняя вода,
Безжизненно, воздушно, безучастно,
Въ странѣ, гдѣ спятъ нѣмые города.

Тамъ все въ своихъ отдѣлностяхъ согласно,
Глухія башни дремлютъ въ вышинѣ,
И тѣни-люди движутся безгласно.

Тамъ всѣ живутъ и чувствуютъ во снѣ,
Стоять, сидятъ съ закрытыми глазами,
Проходятъ въ безпредѣльной тишинѣ.

Узоры крышъ нѣмыми голосами
О чемъ-то позабытомъ говорятъ,
Роса мерцаетъ блѣдными слезами.

Сѣдя травы блескомъ ихъ горять,
И темныя деревья, холодѣя,
Раскинулись въ неумолимый рядъ.

Отъ города до города, желтѣя,
Идутъ пути, и стройные стволы
Стоять, какъ бы просторомъ ихъ владѣя.

Все сковано въ застывшемъ царствѣ мглы,
Печальной сказкой выстроились зданья,
Какъ западни — ихъ темные углы.

Въ странѣ, гдѣ спятъ восторги и страданья,
Бываетъ праздникъ жертвы разъ въ году,
Безъ словъ, какъ здѣсь внѣ слова всѣ мечтанья.

Чтобъ отвратить жестокою бѣду,
Чтобы отвергнуть ужасъ пробужденья,
Чтобъ быть, какъ прежде, въ мертвенномъ чаду.

На ровномъ полѣ, гдѣ сошлись владѣнья
Различно-спящихъ мирныхъ городовъ,
Ростутъ толпою люди-привидѣнья.

Они встаютъ безбрежностью головъ,
Съ поникшими, какъ травы, волосами,
И мысленный какъ будто слышутъ зовъ.

Они глядятъ — закрытыми глазами,
Сквозь тонкую преграду блѣдныхъ вѣкъ.
Ждетъ — избранный нѣмыми голосами.

И вотъ выходитъ демонъ-человѣкъ,
Взмахнулъ надъ изумленнымъ глыбой стали,
И голову безгласную отсѣкъ.

И тѣни головами закачали.
Семь темныхъ духовъ къ трупу подошли,
И кровь его въ кадилаицы собрали.

И вдоль путей, лоснящихся въ пыли,
Забывшія о пытке яркой боли,
Видѣнья сонмы дымныхъ свѣчъ зажгли.

Семь темныхъ духовъ ходятъ въ темномъ полѣ,
Кадилаицами черными кропятъ,
Во имя сновъ, молчанья, и неволи.

Деревья смотрятъ, выстроившись въ рядъ.
На цѣлый годъ заклѣты сновидѣнья,
Вкругъ жертвы ихъ — свѣтильники горятъ.

Потухли. Отдалилось пробужденье.
Свои глаза сомкнувши навсегда,
Проходятъ молча люди-привидѣнья.

Въ странѣ, гдѣ спятъ нѣмые города.

XI.

ОСУЖДЕННЫЕ.

Онъ каждый день приходитъ къ намъ въ тюрьму,
Въ тотъ часъ, когда, достигнувъ до зенита,
Ликуеть солнце, предвкушая тьму.

Въ его глазахъ вопросовъ столько слито,
 Что, въ нихъ взглянувъ, невольно мы дрожимъ,
 И помнимъ то, что было позабыто.

Онъ смотритъ какъ печальный серафимъ,
 Онъ говоритъ безкровными устами,
 И мы какъ осужденные предъ нимъ.

Онъ говоритъ: „Вы были въ стройномъ храмѣ,
 Тамъ сонмы ликовъ пѣли въ свѣтлой мглѣ,
 И въ окнахъ Солнце искрилось надъ вами.

„Вы были какъ въ спокойномъ кораблѣ,
 Который тихо плылъ къ странѣ родимой.
 Зачѣмъ же измѣнили вы землѣ?

„Разрушивъ храмъ, въ тоскѣ неукротимой,
 Мѣняя направленье корабля,
 Вы плыли, плыли къ точкѣ еле-зримой,—

„Какъ буравомъ равнину водъ сверля.
 Но глубь, сверкнувъ, росла водоворотомъ,
 И точка не вставала какъ земля.

„Все къ новымъ бѣдамъ, поискамъ, заботамъ
 Она вела васъ бѣглымъ огонькомъ,
 И смерть была за каждымъ поворотомъ.

„Вашъ умъ жестокимъ былъ для васъ врагомъ,
 Онъ васъ завлекъ въ безмѣрныя пустыни,
 Гдѣ всюду только пропасти кругомъ.

„Вотъ почему вы прокляты отнынѣ,
 Среди высокихъ плотныхъ этихъ стѣнъ,
 Съ душою, полной мрака и гордыни.

„Вѣка вѣковъ продлится этотъ плѣнь.
Припомните, какъ вы въ тюрьму попали,
Искатели великихъ перемѣнъ“.

И мы, какъ раздробленные скрижали,
Свой смыслъ утративъ, блѣдные, въ пыли,
Предъ нимъ скорбимъ, и нѣтъ конца печали.

Онъ снова рѣчь ведетъ, — какъ бы вдали,
Хотя предъ нами взоръ его блестящій,
Въ которомъ всѣ созвѣзды свѣтъ зажгли.

Онъ говоритъ: „Вы помните, все чаще
Вамъ скучно становилось между водъ,
И смутно отъ дороги предстоящей.“

„Но разъ попали вы въ водоворотъ,
Вамъ нужно было все впередъ стремиться,
И такъ свершать круги изъ года въ годъ.“

„О, мука — въ безпредѣльности кружиться,
Кончать, чтобъ вновь къ началу приходить,
Желать, и никогда не насытиться!“

„Все - жь въ самой жаждѣ — вамъ была хоть нить,
Быль хоть намекъ на сладость обладанья,
Любовь была — въ желаніи любить.“

„Но въ повтореньи гаснутъ всѣ мечтанья,
И какъ ни жди, но, если тщетно ждешь,
Есть роковой предѣлъ для ожиданья.“

„Искать свѣтилъ, и видѣть только ложь,
Носить въ душѣ роскошный міръ созвучій,
И знать, что въяви къ нимъ не подойдешь.“

„У васъ въ душѣ свинцомъ нависли тучи,
И сталь вашъ лозунгъ — Больше Никогда,
И даль закрылась пѣною летучей.

„Куда ни глянешь — зыбкая вода,
Куда ни ступишь — скрытое теченье,
Вотъ почему вы мертвы навсегда“.

И вспомнивъ наши прежнія мученья,
Мы ждемъ, чтобъ нашъ казнитель и судья
Даль вѣшнее для нихъ обозначенье.

Онъ говоритъ: „Въ пустыняхъ бытія
Вы были — умъ до времени усталый,
Не до конца лукавая змѣя.

„И демоны васъ бросили на скалы,
И ввергли васъ въ высокую тюрьму,
Гдѣ только кровь какъ макъ блистаетъ алый,—

„А все другое слито въ полутьму,
Гдѣ, скукою объаты равнодушной,
Вы молитесь убійству одному.

„Молитесь же!“ И нашъ палачъ воздушный,
Вдругъ измѣняя свой небесный видъ,
Встаетъ какъ Дьяволъ, блѣдный и бездушный,—

Того, другого между насъ разить,
Лишь маніемъ руки, лишь острымъ взглядомъ,
И алый макъ цвѣтеть, горить, грозить.

И мы, на мигъ живые — съ трупомъ рядомъ,
Дрожимъ, сознавъ, что мы осуждены,
За то, что, бросивъ Рай съ безгрѣшнымъ садомъ,

Змѣиные не полюбили сны.

XII.

ЧЕРНЫЙ И БѢЛЫЙ.

Шумящій день умчался къ днямъ отшедшимъ.
И снова ночь. Который въ мірѣ разъ?
Не думай — или станешь сумасшедшимъ.

Я твой опять, я твой, полночный часъ.
О тайнствахъ мы сговорились оба,
И нѣтъ того, кто бъ могъ расторгнуть насъ.

Подвластный духъ, возстань скорѣй изъ гроба,
Раскрывъ рѣсницы, снова ихъ смежи,
Забудь, что насъ разъединяла злоба.

Сплетенье страсти, замысловъ, и лжи,
Покорное и хитрое созданье,
Скорѣй мнѣ праздникъ чувства покажи.

О, что за боль въ минутѣ ожиданья!
О, что за блескъ въ расширенныхъ зрачкахъ!
Ко мнѣ! Скорѣе! Ждутъ мои мечтанья!

И вотъ на запредѣльныхъ берегахъ
Зажглись вліянья черной благодати,
И ты со мной, мой блескъ, мой сонъ, мой страхъ.

Ты, *incubus* таинственныхъ зачатій,
Ты, *succubus*, мѣняющій свой ликъ,
Ты, первый звукъ въ моемъ глухомъ набатѣ.

Подай мнѣ краски, вѣрный мой двойникъ.
 Вотъ такъ. Зажжемъ теперь большія свѣчи.
 Побудь со мной. Диктуй свой тайный крикъ.

Ты наклоняешь дѣвственные плечи.
 Что жъ написать? Ты говоришь: весну.
 Весенній день и радость первой встрѣчи.

Да, любить всѣ. Любили въ старину.
 Наложимъ краски зелени побѣдной,
 Изобразимъ расцвѣтъ и тишину.

Но зелень травъ глядитъ насмѣшкой блѣдной.
 Въ ночныхъ лучахъ скелетствуетъ весна,
 И закъсю цвѣты мерцаютъ мѣдной.

Во всѣ оттѣнки вторглась желтизна,
 Могильной сказкой смотритъ сонъ мгновенья,
 Онъ — блѣдный трупъ, и блѣдный трупъ — она.

Но не въ любви единой откровенье,
 Изобразимъ убійство и мечту,
 Багряность маковъ, алый блескъ забвенья.

Захватимъ сновидѣнья налету,
 Замкнемъ ихъ въ наши бѣлыя полотна,
 Войну какъ сонъ, и сонъ какъ красоту.

Но красный цвѣтъ намъ служить неохотно,
 Встаютъ цвѣты, красивые на видъ,
 Ложатся трупы, такъ правдиво-плотно, —

Но вспыхнетъ день, и насъ разоблачитъ,
 Осенній желтоцвѣтъ волеется въ алость
 И прочь жизнеподобіе умчить.

На всемъ мелькнетъ убогая усталость,
 Въ оттѣнкахъ — полуглупый смѣхъ шута,
 Въ движеньяхъ — неумѣлость, запоздалость.

Во всемъ намъ измѣняетъ красота,
 Вездѣ мы попадаемъ въ паутину,
 Мы поздніе, въ чьемъ сердцѣ — пустота.

Отбросимъ же фальшивую картину,
 Невѣрны мы другъ другу навсегда,
 Какъ въ раззореніи слуги господину.

Мой succubus, что-жъ дѣлать намъ тогда?
 Теперь-то и подвластны намъ стихіи,
 Земля, огонь, и воздухъ, и вода.

Мы поняли запреты роковые,
 Такъ вступимъ въ царство вѣрныхъ двухъ тоновъ,
 Намъ черный съ бѣлымъ — вѣстники живые.

И днемъ и ночью — въ нихъ правдивость сновъ,
 Въ одномъ — всѣхъ красокъ скрытое убранство,
 Въ другомъ — вся отрѣшенность отъ цвѣтовъ.

Какъ странно ихъ нѣмое постоянство,
 Какъ рвутся черно-бѣлые цвѣты,
 Отсюда — въ междузвѣздное пространство.

Тамъ дышетъ идеальность черноты,
 Здѣсь — втайнѣ — блескъ оттѣнковъ безпредѣльныхъ,
 И слышенъ гимнъ двухъ геніевъ мечты:

„Какъ жаднымъ душамъ двухъ враговъ смертельныхъ,
 Какъ любящимъ, въ чьемъ сердцѣ глубина,
 Какъ бѣшенству двухъ линій параллельныхъ, —

„Для встрѣчи безконечность намъ нужна“.

XIII.

ВЕЧЕРНІЙ ЧАСЪ.

Волшебный часъ вечерней тишины,
Исполненный невидимыхъ внушеній,
Въ моей душѣ расцвѣчиваетъ сны.

Въ вечернихъ водахъ много отраженій,
Въ нихъ дышетъ Солнце, вѣтви, облака,
Нѣмые знаки зрѣющихъ рѣшеній.

А между тѣмъ широкая рѣка
Стремить впередъ свободное теченье,
Своею скрытой жизнью глубока.

Минувшія незнанья и мученья
Мерцаютъ блѣднолицою толпой,
И я къ нимъ полонъ страннаго влеченья.

Мнѣ снится сумракъ блѣдно-голубой,
Мнѣ снятся дни невинности воздушной,
Когда я не былъ — для другихъ — судьбой.

Теперь, толпою властвуя послушной,
Я для нея — палачъ и божество,
Картинность думъ — въ ихъ смѣнѣ равнодушной.

Но не всегда для сердца моего
Былъ такъ отвратенъ образъ человѣка,
Не вѣчно сердце было такъ мертво.

Мыслитель, соблазнитель, и калѣка,
 Я болѣе не полюблю людей,
 Хотя бы прожилъ вѣкъ Мельхиседека.

О, свѣтлый май, съ блаженствомъ безъ страстей!
 О, ландыши, съ ихъ свѣжестью истомной!
 О, воздухъ утра, воздухъ-чародѣй!

Усадьба. Садъ съ бесѣдкою укромной.
 Безгрѣшныя деревья и цвѣты.
 Луна весны въ лазури полутемной.

Все памятно. Но Геній Красоты
 Съ Колдуньей Знанья, страшные два духа,
 Закляли сонъ младенческой мечты.

Колдунья Знанья, жадная старуха,
 Духъ Красоты, неуловимый змѣй,
 Шептали что-то вкрадчиво и глухо.

И проклялъ я невинность первыхъ дней,
 И проходя уклонными путями,
 Вкусилъ всего, чтобъ все постичь яснѣй.

Міры, вѣка — насыщены страстями.
 Ты хочешь быть безсмертнымъ, міровымъ?
 Промчись, какъ громъ, съ пожаромъ и съ дождями.

Восторжествуй надъ мертвымъ и живымъ,
 Люби себя — бездонно, ненасытно,
 Пусть будетъ символъ твой — огонь и дымъ.

Въ борьбѣ стихій содружество ихъ слитно,
 Соедини ихъ двойственность въ себѣ,
 И будетъ тѣнь твоя въ вѣкахъ гранитна.

Понявъ Судьбу, я равенъ сталъ Судьбѣ,
 Въ моей душѣ равны лучи и тѣни,
 И я молюсь — покою и борьбѣ.

Но все-жь балконъ и ветхія ступени
 Милѣе мнѣ, чѣмъ пышность гордыхъ сновъ,
 И я міры отдамъ за кустъ сирени.

Порой — порой! — весь міръ такъ свѣжъ и новъ,
 И все влечетъ, все близко безъ изъятя,
 И свистъ стрижей, и звонъ колоколовъ, —

Покой могилъ, незримыя зачатя,
 Печальный свѣтъ слабѣющихъ лучей,
 Правдивость словъ молитвы и проклятья, —

О, все поетъ и блещетъ какъ ручей,
 И сладко знать, что ты какъ звонъ мгновенья,
 Что ты живешь, но ты ничей, ничей.

Объятый безъизмѣрностью забвенья,
 Ты святость и преступность побѣдилъ,
 Въ блаженствѣ мірового единенья.

Туманъ луговъ, какъ тихій дымъ кадилъ,
 Встаетъ хвалою гармоніи безбрежной,
 И смыслы словъ ясны въ словахъ свѣтилъ.

Какой восторгъ — вернуться къ грусти нѣжной,
 Скорбѣть, какъ полусломанный цвѣтокъ,
 Въ сознаніи печали безнадежной.

Я счастливъ, грустенъ, свѣтель, одинокъ,
 Я тѣнь въ водѣ, отброшенная ивой,
 Я цѣленъ весь, инымъ я быть не могъ.

Не такъ-ли предокъ мой вольнолюбивый,
 Ниспавшій свѣточъ ангельскихъ системъ,
 Проникся вдругъ печальностью красивой,—

Когда, войдя лукавостью въ Эдемъ,
 Онъ поразился блескомъ мірозданья,
 И замеръ, свѣтель, холодень, и нѣмъ.

О, свѣтъ вечерній! Позднее страданье!

XIV.

КАМЕНЬ СКАЛЬ.

Какъ выступы сѣдыхъ прибрежныхъ скалъ
 Источены повторностью прилива,
 Что столько разъ враждебно набѣгалъ,—

Въ моей душѣ, гдѣ было все красиво,
 Измѣнены завѣтныя черты,
 Въ ней многое какъ бы отвѣтно криво.

Изъ царства внѣвременной темноты
 Къ намъ рвутся извращенныя мечтанья,
 Во всемъ величьи дикой наготы.

Побыть въ стихійной вспышкѣ возростанья,
 Глядѣть, какъ пѣнно висится вода,
 Понять, что хаосъ — утро мірозданья!

Быть-можетъ, не вернется никогда
 Вотъ эта радость думъ о необычномъ,
 Хоть ропотъ волнъ о нихъ поетъ всегда.

И сладко встать высоко надъ привычнымъ,
 Содѣлаться — велѣніемъ Судьбы —
 Къ своей судьбѣ стихійно - безразличнымъ.

Но что мы можемъ, блѣдные рабы!
 Набѣгъ страстей шатнулся, отступаетъ,
 Какъ войско, внявъ отбойный зовъ трубы.

Волна, достигши высшаго, вскипаетъ,
 Мѣняетъ цвѣтъ зелено - голубой,
 Ломается, блеститъ и погибаетъ.

Отпрянулъ неустойчивый прибой,
 Бѣжить назадъ въ безбрежныя пустыни,
 Чтобъ въ новый мигъ затѣять новый бой.

И такъ же вѣтеръ, съ первыхъ дней донинѣ
 Таящійся въ горахъ съ ихъ влажной тьмой,
 На краткій мигъ бросаетъ ихъ твердыни, —

Промчитъ грозу равниною нѣмой,
 Случайно изумитъ людей циклономъ,
 И вновь спѣшитъ, къ ущельямъ горъ, домой.

А я инымъ покорствую законамъ,
 По волѣ измѣняться мнѣ нельзя,
 Я камень скалъ, съ ихъ вынужденнымъ стономъ.

Во мнѣ блуждаютъ отклики, скользя,
 Недвижно я мѣняюсь, еле зримо,
 А если двинусь — гибелью грозя.

Блѣднѣетъ все, бѣжить неудержимо,
 Измѣны дней отпечатлѣли слѣдъ,
 Всѣ тѣни міра здѣсь проходятъ мимо,

Но въ смѣнѣ волнъ для камня счастья нѣтъ.

XV.

ОСВОБОЖДЕНИЕ.

Закрывъ глаза, я слушаю безгласно,
Какъ гаснетъ шумъ смолкающаго дня.
Въ моей душѣ торжественно и ясно.

Послѣдній свѣтъ закатнаго огня,
Въ окно входя цвѣтною полосою,
Ласкательно баюкаетъ меня.

Опустошенный творческой грозой,
Блаженно стынетъ нѣжащійся духъ,
Какъ стебли травъ, забытые косою.

Я весь преображаюсь въ чуткій слухъ,
И внемлю чье-то дальнее рыданье,
И близкое ко мнѣ жужжанье мухъ.

Я замеръ въ сладкой дремѣ ожиданья,
Вотъ-вотъ кругомъ сольется все въ одно,
Я въ музыкѣ всемірнаго мечтанья.

Все то, что во Вселенной рождено,
Куда-то въ пропасть мчится по уклонамъ,
Какъ мертвый камень падаетъ на дно.

Одинъ — свѣтло смѣясь, другой — со стономъ,
 Всѣ падаютъ, какъ звуки съ тонкихъ струнъ,
 И мѣръ объять красиво - скорбнымъ звономъ.

Я вижу много дальнихъ снѣжныхъ лунъ,
 Я вижу изумрудныя планеты,
 По ихъ морямъ не пѣнится бурунъ.

На нихъ иные призраки и свѣты.
 И я въ безмолвномъ счастья сознаю,
 Что для меня не всѣ созвучья спѣты.

Я радуюсь иному бытію,
 Гармонію планетъ воспринимаю,
 И самъ — въ дворцѣ души своей — пою.

Просторамъ звѣздъ ни грани нѣтъ, ни краю,
 Пространства звоновъ полны торжествомъ,
 И, все понявъ, я смыслы ихъ вшиваю.

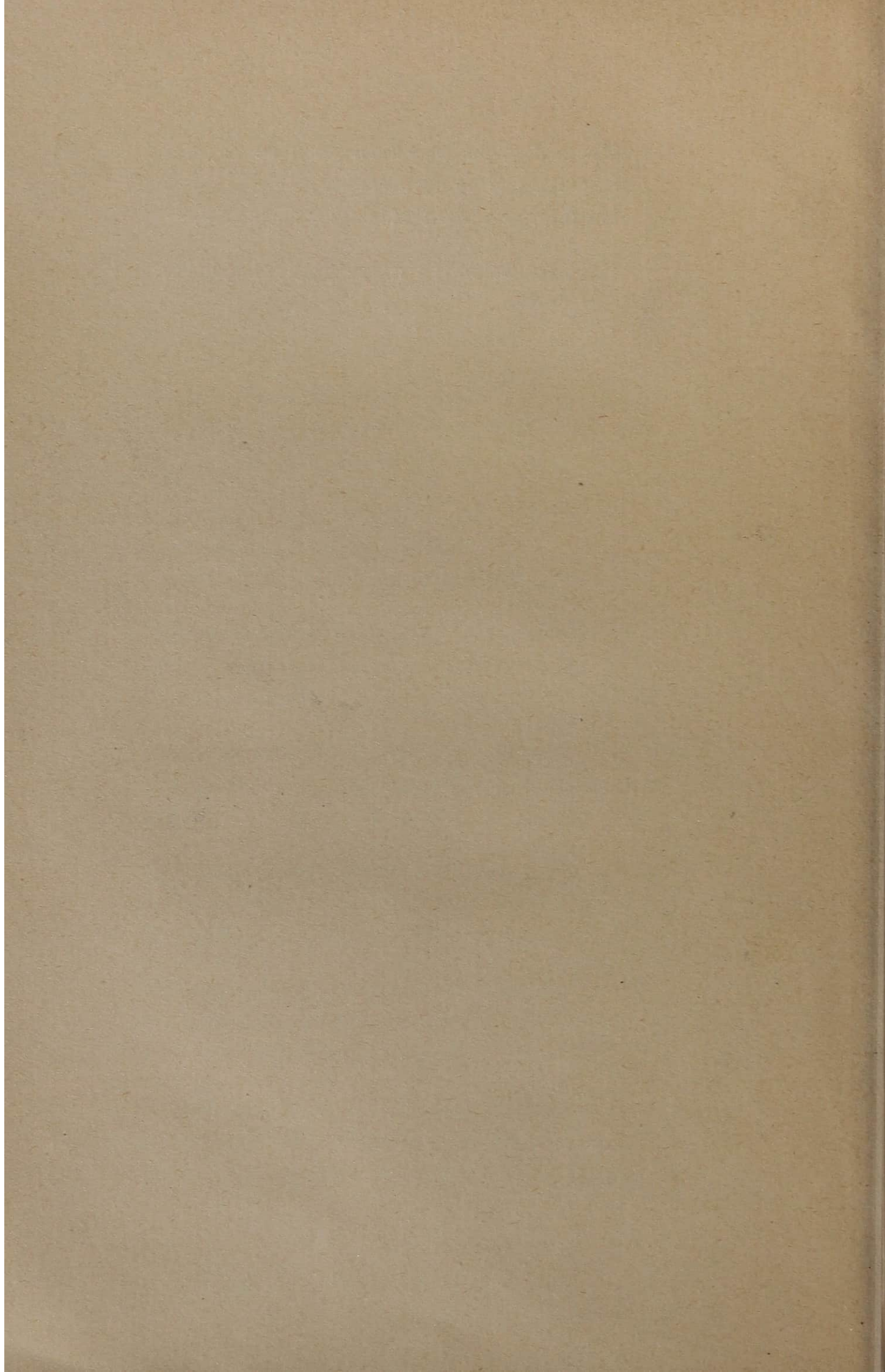
Исходный лучъ въ сплетеніи міровомъ,
 Мой разумъ слить съ безбрежностью блаженства,
 Поющаго о мертвомъ и живомъ.

Да будутъ пытки! Въ этомъ совершенство.
 Да будетъ боль стремленій безъ конца!
 Отъ рабства мглы — до яркаго главенства!

Мы звеня вокругъ созвѣднаго кольца,
 Прогалины среди вѣтвей сплетенныхъ,
 Мы свѣтотѣнь разумнаго лица.

Лучами нашихъ сновъ освобожденныхъ
 Мы тянемся къ безмѣрной Красотѣ
 Въ моряхъ сознанья, звонкихъ и бездонныхъ.

Мы каждый мигъ — и тѣ же и не тѣ,
Великая расторгнута завѣса,
Мы быстро мчимся къ сказочной чертѣ,—
Какъ наши звѣзды къ звѣздамъ Геркулеса.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГОРЯЩІЯ ЗДАНІЯ.

	Стр.
Посвященіе	II
Предисловіе	1
1. Крикъ часового.	
Крикъ часового.	9
2. Отсвѣты зарева.	
Кинжалныя слова	13
Полночь и Свѣтъ.	13
Слово завѣта	14
Морской разбойникъ.	15
Какъ испанецъ	16
Красный цвѣтъ	17
Я сбросилъ ее.	18
Скины	19
Въ глухіе дни	20
Опричники	21
Смерть Димитрія Краснаго	22
Скорпіонъ. <i>Сонетъ</i>	24
Я люблю далекій слѣдъ	25
3. Ангелы опальные.	
Ангелы опальные.	29
Слова любви	30
Хлопья тумана	30
Опять.	31
Среди камней.	32
Белладонна.	33
Я буду ждать.	34

	Стр.
Нѣжнѣе всего.	35
Волна	36
Осень.	36
Отцвѣли	37
Замокъ Джэнтъ Вальморъ. <i>Баллада</i>	38
Чары мѣсяцы. <i>Медленныя строки</i>	42
Можно жить съ закрытыми глазами.	46
 4. Совѣсть.	
Сумрачныя области.	49
Подъ ярмомъ.	50
Лѣсной пожаръ	50
Разсвѣтъ. <i>Медленныя строки</i>	54
Дымъ	56
И плыли они	57
Скрижали	58
На мотивъ изъ Зендъ-Авесты.	59
Конецъ міра. <i>Сонетъ</i>	60
Въ аду	61
 5. Страна неволи.	
Страна неволи	65
Въ душахъ есть все	66
Стучи, тебѣ откроютъ.	69
Въ тюрьмѣ	69
Избранный	70
Раненый.	71
Проклятіе глупости. <i>Сонетъ</i>	72
Уроды. <i>Сонетъ</i>	72
Бабочка.	73
Заколдованная дѣва.	74
Сквозь міръ случайностей.	75
 6. Возлѣ дыма и огня.	
Кузнецъ.	79
Выше, выше	79
Моя душа.	80
Духъ волны.	81
Вѣнчаніе	82

	Стр.
Во власти всѣхъ вещей.	84
Бретань. <i>Сонетъ</i>	84
Утопленники. <i>Сонетъ</i>	85
Проповѣдникамъ. <i>Сонетъ</i>	86
Хвала сонету. <i>Сонетъ</i>	87
Я не изъ тѣхъ. <i>Сонетъ</i>	87
Ожесточенному.	88
Въ башнѣ	89
Къ дальнему	90
Отъ умершаго къ живому.	92
Островъ Виліа-Льявола	92
Послѣ бала.	94
Разлука. <i>Сонетъ</i>	95
Молитва о жертвѣ.	96

7. Мимолетное.

Лѣсныя травы.	101
Блѣдная травка.	101
Ароматъ солнца	102
Глушь.	103
Затонь	104
Послѣдній лучъ	105
Закатные цвѣты.	105
Равнина	106
Молебенъ	106
Въ окрестностяхъ Одессы	107
Вечеръ въ Амстердамѣ. <i>Медленныя строки</i>	108
Исландія	109

8. Антифоны.

Намъ нравятся поэты	113
Къ Гермесу Трисмегисту.	113
Къ Бодлэру.	114
Къ Лермонтову.	115
Гиперборей	116
Страна исседоновъ	117
Избраннику.	118
Мой другъ, есть радость и любовь.	119
Изъ Зендъ-Авесты. <i>Гимнъ</i>	119

	Стр.
Оттуда	120
Луна	121
Тучи	122
Я въ глазахъ у себя затаилъ.	123
9. Прогалины.	
Путь правды. <i>Сонетъ</i>	127
Папоротникъ.	120
Пробужденіе. <i>Сонетъ</i>	130
И <i>Да</i> и <i>Нѣтъ</i>	130
Четъ и нечетъ. <i>Медленныя строки</i>	135
10. Индійскія травы.	
Майя	141
Круговоротъ	142
Индійскій мотивъ	143
Жизнь	144
Какъ паукъ.	144
Изъ Упанишадъ.	145
Индійскій мудрецъ	145
Молитва вечерняя.	146
11. Безвѣтріе.	
Альбатросъ	151
Свѣтлый герой.	151
Потухшіе факелы	152
Южный полюсъ Луны	153
Блѣдный воздухъ.	153
Немолчныя хвалы.	155
Драгоценныя камни	155
Предвѣщаніе. <i>Сонетъ</i>	156
Вершины. <i>Медленныя строки</i>	157
Мостъ	158
Бѣлая страна.	159
12. Смертію смерть.	
БУДЕМЪ КАКЪ СОЛНЦЕ	
1. Четверогласіе стихій.	
Я въ этотъ міръ пришелъ.	173
Будемъ какъ Солнце	174

	Стр.
Воздушный храмъ	174
Голосъ Заката	176
Разсвѣтъ	177
Гимнъ Огню	178
Новолуніе	182
Лунное безмолвіе	183
Вліяніе Луны	183
Восхваленіе Луны	185
Влага	189
Воззваніе къ Океану	190
Бѣлый пожаръ	190
Двойная жизнь	191
Льдины	192
Сонъ	193
Съ морского дна	194
Дождь	201
Прерывистый шелестъ	202
Безвѣтріе	203
Снѣжинки	204
Къ Вѣтру	205
Вѣтеръ горъ и морей	206
Вѣтеръ	207
Завѣтъ бытія	208
Вскрытіе льда	208
Сѣверъ	209
Испанскій цвѣтокъ	210
Толедо	211
Paseo de las Delicias въ Севильѣ	212
Къ царицѣ фей	213
Къ юному схимнику	214
Не лучше ли страданіе	215
Сумерки	215
Успокоеніе	216
Сказать мгновенью „Стой“	217
Вербы	218
Цвѣтокъ	219

2. Змѣиный глазъ.

Праздникъ свободы	223
-----------------------------	-----

	Стр.
Я изысканность русской медлительной рѣчи . . .	224
Если въ душу я взгляну	224
Мои пѣснопѣнья	225
Слова — хамелеоны	226
Все равно мнѣ	227
Что достойно, что безчестно	228
Жить среди беззаконія	228
Воля	229
Мнѣ снятся караваны	230
Я полюбилъ свое безпутство	231
Глаза	232
Сквозь строй	232
Въ застѣнкѣ	233
Въ домахъ	234
Мститель	235
Соперники	236
Ломанья линія	237
Нашимъ врагамъ	237
Гармонія словъ	238
Другу	239
Если грустно тебѣ	239
Ты мнѣ говоришь	240
Мы брошены въ сказочный міръ	240
Аккорды	241
Sin Miedo	242

3. Млечный путь.

Трилистникъ	245
Нѣтъ дня, чтобъ я не думалъ о тебѣ	247
Я заснулъ на распутии глухомъ	248
Мы прячемъ	249
Тончайшія краски	249
На разныхъ языкахъ	250
Поздно	251
Млечный путь, <i>Сонетъ</i>	251
Обыкновенная исторія	252
Соединенные	253
Придорожныя травы	254
Влюбленные	255

	Стр.
Я знаю людей	256
Вечерняя тишь	256
Волны	257
Нарциссъ и эхо	258
Мудрость сердца	258
Утренній цвѣтокъ	259
Я не знаю	260
Шиповникъ	261
Сразу	262
Бѣлый цвѣтокъ	263
Ты здѣсь	263
Черемуха	264
Прозрачность	265
Ты вся мнѣ кажешься	265
Шестнадцати лѣтъ	266
Замарашка	267
Колдунья. <i>Сонетъ</i>	267
Морская душа	268
Семицвѣтникъ	269
Влага только на мгновенье	272
Три цвѣта	273
Серенада	274
Крестоносецъ. <i>Сонетъ</i>	275

4. Зачарованный гротъ.

О, Сафо	279
Жизнь проходить	279
Отпаденія	280
Мое прикосновенье	280
Мой милый	281
Утренникъ	282
Я тебя закутаю	282
Арумъ	283
Хоть разъ	284
Анита	284
Сліяніе. <i>Сонетъ</i>	285
Русалка	286
Я ласкалъ	286
Колдунья влюбленная	287

	Стр.
Играющей въ игры любовныя	287
Нереида	288
Я больше ее не люблю	289
Да, я люблю одну тебя	290
Хочу	290
Я войду въ зачарованный гротъ	291
Пѣнье ручья	291
Мы съ тобой сплетемся	292
Веселый дождь	293
У ногъ твоихъ	294
За то, что нѣтъ благословенія	294
Она отдалась безъ упрека	295

5. Danses Macabres.

Поэты	299
Заклятіе	300
Костры	304
Тайна горбуна	305
Голосъ Дьявола	307
Врагъ	308
Избирательное сродство. <i>Сонетъ</i>	308
Неразлучимые	309
Два трупа	310
Надъ болотомъ	311
Вѣдьма	311
Incubus	312
Пожаръ	314
Хорошо ль тебѣ, дѣвица	315
Въ тотъ мигъ	316
Ad infinitum	316
Къ смерти	317

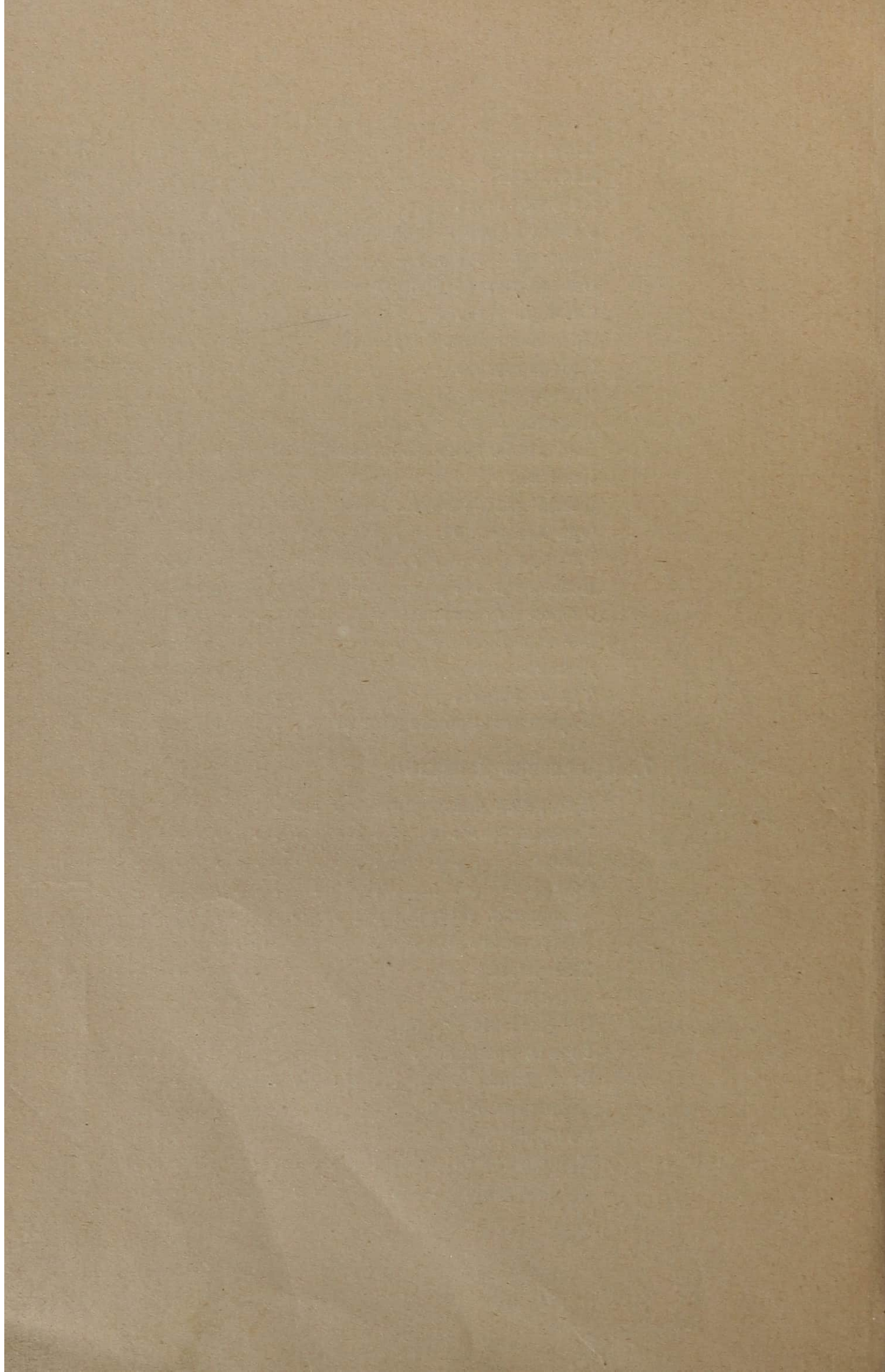
6. Сознаніе.

Я съ каждымъ могу говорить	323
Я не знаю, что такое—презрѣніе	324
Я не могу понять, какъ можно ненавидѣть	324
Заглянуть	325
Душа	325
Жемчужные тона картинъ венеціанскихъ	326

	Стр.
Часы	327
Маятникъ	328
Память	329
Убийца Глѣба и Бориса	330
Терцины	332
Отъ полюса до полюса	333
Слѣпецъ	334
Прекрасно быть безумнымъ	335
Одинокому	335
Предопредѣленіе	338
Демоны	339
Еще необходимо любить и убивать	340
Искатели	341
Предъ итальянскими примитивами	342
Фра Анджелико	343
Рибейра	343
Веласкесъ	344
Скорбь Агурамазды	345
Великое Ничто	346
Намекъ	348
Три легенды	349
Вѣрте мнѣ, обманутые люди	349

7. Художникъ-Дьяволъ.

Безумный часовщикъ	353
Художникъ	355
Дымы	357
Сны	359
Кукольный театръ	363
Навожденіе	365
Химеры	368
Шабашъ	373
Пробужденіе вампира	376
Города молчанія	379
Осужденные	381
Черный и бѣлый	385
Вечерній часъ	388
Камень скаль	391
Освобожденіе	393

Книги К. Д. БАЛЬМОНТА.

- Подъ сѣвернымъ небомъ. Элегіи, стансы, сонеты.
Въ безбрежности. Лирика.
Тишина. Лирическія поэмы.
Горящія Зданія. Лирика современной души.
Будемъ какъ Солнце. Книга символовъ.
Только Любовь. Семицвѣтникъ.
Литургія Красоты. Стихійные гимны. (*Готовится къ печати*).

ПЕРЕВОДЫ.

- Шелли. Полное собраніе сочиненій. Т. 1-й. Ц. 2 р.—Т. 2-й Ц. 2 р.—Т. 3-й.
(*Выйдетъ въ мартъ*).
- Кальдеронъ. Сочиненія. Вып. 1-й. (*Двѣ статьи о Кальдеронъ, и его драма Чистилище св. Патрикка*). Ц. 90 к.—Вып. 2-й. Философскія и героическія драмы. (1. *Жизнь есть сонъ*.—2. *Поклоненіе Кресту*.—3. *Стойкій Принцъ*.—4. *Любовь послѣ смерти*.—5. *Четыре статьи о Кальдеронъ, пояснительныя примѣчанія, и книголюбительскія приложения*). Ц. 2 р. 75 к.—Вып. 3-й. Драмы ревности и мести.—(1. *Врачъ своей чести*.—2. *За тайное оскорбленіе тайная месть*.—3. *Возлюбленная Гомеса Аріаса*). (*Готовится*).
- Эдгаръ По. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. Поэмы, сказки. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Рассказы, статьи. (*Печатается*).—Т. 3-й. Умозрѣнія. (*Готовится*).
- Ибсенъ. Привидѣнія. Драма. Ц. 50 к.
- Гофманъ. Котъ Мурръ. Ц. 70 к. Фантастическій романъ. Ц. 70 к.
- Горнъ. Исторія скандинавской литературы. Ц. 2 р. 50 к.
- Гаспари. Исторія итальянской литературы. Т. 1-й. Средніе вѣка. Ц. 3 р.—Т. 2-й. Эпоха Возрожденія. Ц. 3 р.

Подъ редакціей К. Д. БАЛЬМОНТА.

- Гауптманъ. Сочиненія. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 3-й. (*Печатается*).
- Зудерманъ. Сочиненія. Т. 1-й. Ц. 1 р. 50 к.—Т. 2-й. Ц. 1 р. 50 к.
- Мутеръ. Исторія живописи. Т. 1-й. Ц. 2 р. 50 к.—Т. 2-й. Ц. 2 р. 50 к.—Т. 3-й. (*Выйдетъ въ мартъ*).
- Уайльдъ. Саломея. Драма. Ц. 1 р.

ПЕЧАТАЮТСЯ И ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ.

- ГОРНЫЯ ВЕРШИНЫ. Книга вторая.
- СОБРАНІЕ СТИХОВЪ, въ двухъ томахъ. Т. 1-й. (*Подъ сѣвернымъ небомъ, Въ безбрежности, Тишина*). Съ приложеніемъ портрета К. Д. Бальмонта.
- АНГЛІЙСКІЕ ПОЭТЫ. Характеристики и образцы.
- ДЕМОНИЧЕСКІЯ ДРАМЫ ИСПАНСКАГО ТЕАТРА. Характеристики и образцы.

Въ товариществѣ „ЗНАНИЕ“ поступили въ продажу:

ШЕЛЛИ.

Полное собраніе сочиненій въ переводѣ

К. Д. БАЛЬМОНТА.

Новое трехтомное переработанное изданіе.

Вышелъ **ТОМЪ ПЕРВЫЙ.** *Содержаніе:*

1. Лирика. 186 стихотвореній.	5. Аласторъ. Поэма.
2. Царица Мабъ. Поэма.	Гелиографюра Дюжардена, изображающая Шелли. 5
3. Примѣчанія Шелли къ „Царицѣ Мабъ“.	Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.
4. Демонъ міра. Поэма.	

Цѣна 2 р.

Вышелъ **ТОМЪ ВТОРОЙ.** *Содержаніе:*

1. Возмущеніе Ислама (Лаонъ и Цитна). Поэма.	5. Юліанъ и Маддало. Бесѣда.
2. Царевичъ Атаназъ. Отрывокъ.	6. Освобожденный Прометей. Лирическая драма.
3. Строки, написанныя среди Евангелійскихъ холмовъ.	7. Ченчи. Трагедія.
4. Розалинда и Елена. Современная эклога.	Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.

Цѣна 2 р.

Печатается **ТОМЪ ТРЕТІЙ.** *Содержаніе:*

1. Маскарадъ анархіи. Поэма.	8. Карлъ Первый. Драматическіе отрывки.
2. Письмо къ Маріи Джисборнъ. Въ стихахъ.	9. Торжество жизни. Поэма.
3. Волшебница Атласа. Поэма.	10. Повѣствовательные отрывки, статьи и замѣтки.
4. Эпипсихидіонъ. Поэма.	Пояснительныя примѣчанія К. Д. Бальмонта.
5. Адонаисъ. Элегія.	Очеркъ жизни Шелли.
6. Эллада. Лирическая драма.	
7. Отрывки неоконченной драмы.	

Выписывающіе изъ склада товарищества „ЗНАНИЕ“ за пересылку не платятъ. Просятъ обращаться исключительно по адресу: Контора т-ва „ЗНАНИЕ“, Спб., Невскій, 92.

Книгоиздательство „Скорпіонъ“.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗДАНІЯ (1904 г.).

- Валерій Брюсовъ. *Urbi et orbi*. Стихи 1900—1903 г. Ц. 2 р.
- Д. С. Мережковскій. Собраніе стиховъ. 1883—1902 г. Ц. 1 р. 50 к.
- З. Н. Гиппіусъ. Собраніе стиховъ. 1889—1903 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоръ Сологубъ. Собраніе стиховъ. Стихи 1897—1903 г. (Книги III и IV). Ц. 1 р. 50 к.
- Андрей Бѣлый. Сѣверная симфонія (1-я, героическая), въ 4-хъ частяхъ. Обложка воспроизводитъ рисунокъ О. Бердслея. Ц. 75 к.
- Лукрецій Баръ. О природѣ вещей. Перевелъ съ латинскаго размѣромъ подлинника И. И. Рачинскій. Ц. 2 р. 50 к.
- Ив. Коневской. Стихи и проза. Посмертное собраніе сочиненій съ портретомъ автора и статей (Валерія Брюсова) о жизни и творчествѣ Ив. Коневского. Ц. 2 р.
- Сѣверные цвѣты. Альманахъ за три года 1901, 1902, 1903. Большой томъ свыше 600 страницъ. Фронтисписы, виньетки и заставки К. Сомова Л. Бакста и М. Волошина. Новая обложка работы художника В. Борисова-Мусатова. Ц. 3 р.
- Ст. Пшибышевскій. *Ното Саріенс*. Романъ въ трехъ частяхъ. 1) На распутии. 2) Мимоходомъ. 3) Въ Мальстремѣ. Переводъ М. Н. Семенова. 2-е изд. М. 1904 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Андрей Бѣлый. Золото въ лазури. Первый сборникъ стиховъ. Ц. 2 р.
- Вячеславъ Ивановъ. Прозрачность. Вторая книга лирики. Ц. 1 р. 50 к.
- Л. Зиновьева. Кольца. Драма въ 3-хъ дѣйств. (Выдетъ въ апрѣлѣ.)
- Эдгаръ По. Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. Томъ II. (Выдетъ въ апрѣлѣ.)
- К. Д. БАЛЬМОНТЪ. Полное собраніе стиховъ, 1892—1902 года. Два тома. (Т. II „Горяція зданія“ и „Будемъ какъ солнце“.)
- Ф. Сологубъ. Жало смерти. Рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- Ст. Пшибышевскій. Книга вторая. *Pro domo mea. De profundis*. Заупокойная месса. У моря. Вигилія. Къ психологіи индивидуума: Шопенъ и Ницше, Ола Гансонъ. Вознесеніе. *In hac lacrimarum valle*. Стихи-пѣсни Конрада Анзорге и др. (Печатается.)
- Д. С. Мережковскій. Судьба Гоголя. Изслѣдованіе. (Печатается.)
- Сѣверные цвѣты. Альманахъ на 1904 г. (Печатается.)

ИЗДАНИЯ 1900—1903 г.

- Генрихъ Ибсенъ.** Когда мы мертвые проснемся. Изданіе 2-е
М. 1900. Ц. 50 к. (Осталось самое ограниченное число экземпляръ.).
- Кнутъ Гамсунъ.** Съеста. Очерки. Переводъ съ норвежскаго С. А. Полякова. М. 1900. Ц. 1 р.
- Александръ Добролюбовъ.** Собраніе стиховъ. Предисловія Ив. Ко-
невскаго и Валерія Брюсова. М. 1900 г. Ц. 60 к. (Распродано).
- Габріэль д'Аннунціо.** Трагедія. Переводъ съ итальянскаго Ю. Балтру-
шайтиса. М. 1900. Ц. 1 р. 25 к.
- Артуръ Шнитцлеръ.** Зеленый попугай. Трилогія. Переводъ съ
нѣмецкаго. М. 1900. Ц. 60 к.
- Валерій Брюсовъ.** *Tertia Vigilia*. Книга новыхъ стиховъ (1897—1900.)
М. 1900. Ц. 1 р. (Распродано).
- Ив. Вунинъ.** Листопадъ. Стихотворенія. М. 1901. Ц. 1 р.
- Кнутъ Гамсунъ.** Панъ. Предисловіе К. Д. Бальмонта. Переводъ съ нор-
вежскаго С. А. Полякова. М. 1901. Ц. 1 р.
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ на 1901 г. Обложка работы К. Сомова. М.
1901. Ц. 1 р.
- Эдгаръ По.** Собраніе сочиненій въ переводѣ К. Д. Бальмонта. М. 1901.
Томъ I. Поэмы (переводъ въ стихахъ), сказки, рассказы. Ц. 1 р. 50 к.
- Д. Мережковскій.** Любовь сильнѣе смерти. Итальянская но-
велла XV вѣка. М. 1902. Ц. 1 р. 35 к. (Распродано).
- Сѣверные цвѣты.** Альманахъ на 1902 г. Обложка и виньетки работы
К. Сомова. М. 1902. Ц. 1 р.
- Андрей Бѣлый.** Симфонія (вторая, драматическая), въ 4-хъ частяхъ.
М. 1902. Ц. 1 р. (Распродано).
- А. Л. Миропольскій.** Лѣствица. Поэма. Предисл. Валерія Брюсова.
М. 1902. Ц. 60 к. (Распродано).
- Г. Ландсбергъ.** Долой Гауптмана! Переводъ М. Н. Семенова. М.
1902. Ц. 70 к.
- Кнутъ Гамсунъ.** Драма жизни. Переводъ съ норвежск. С. А. Поля-
кова. М. 1902. Ц. 50 к.
- А. С. Пушкинъ.** Труды и дни. Хронологическія данныя жизни Пуш-
кина, собранныя Н. Лернеромъ. М. 1903. Ц. 1 р.
- Письма Пушкина и къ Пушкину.** Новые матеріалы. Редакція и при-
мѣчанія Валерія Брюсова. Приложены факсимиле стиховъ, писемъ
и рисунковъ Пушкина. М. 1903. Ц. 1 р. 50 к.
- Сѣверные цвѣты.** Третій Альманахъ. Обложка воспроизводитъ гравюру
Отто Веніуса въ рамкѣ Л. Бакста. М. 1903. Ц. 1 р. 80 к. (Распрод.).

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

- Ю. Балтрушайтисъ.** Бедуины. Морской царь. Вечеръ. Спутники Колумба. Книга поэмъ.
- Е. Д. Бальмонтъ.** Изъ англійскихъ поэтовъ. Характеристики и переводы.
- Демоническія драмы испанскаго театра въ переродѣ К. Д. Бальмонта.**
- Валерій Брюсовъ.** Далекіе и близкіе. Литературныя характеристики. (Статьи изъ журналовъ: Русскій Архивъ, Новый путь, Міръ Искусства, Ежемѣсячныя Сочиненія, Бесѣда и др.).
- П. Вергилій.** Энеида. Переводъ съ латинскаго Валерія Брюсова, съ критическими примѣчаніями и предисловіемъ о русскихъ переводахъ Энеиды.
- Л. Зиновьева.** Пламенники. Романъ.
- А. Стринбергъ.** У взморья. Романъ. Пер. Ю. Балтрушайтиса.
- А. Стринбергъ.** На пути въ Дамаскъ. Драма. Пер. Ю. Балтрушайтиса.
- П. Альтенбергъ.** Какъ это я вижу. Пер. съ нѣмецкаго.
- Ж. Гюисмансъ.** Навыворотъ. Романъ. Пер. С. Нестеровой.
- Барбей д'Оревилли.** Дьявольскія исторіи. Пер. съ французскаго.
- Н. М. Минскій.** Собраніе стиховъ.
- Эмиль Верхарнъ.** Стихи о современности. Пер. Валерія Брюсова.
- Фр. Ницше.** Полное собраніе сочиненій въ переводахъ: Ю. Айхенвальда, К. Бальмонта, Ю. Балтрушайтиса, Валерія Брюсова, Андрея Бѣлаго, Д. П. Викторова, Вяч. Иванова, С. А. Полякова, М. Н. Семенова и др.

Каталогъ книгоиздательства „Скорпіонъ“ съ портретами писателей
высылается по требованію бесплатно.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „СКОРПІОНЪ“ высылаетъ всѣмъ, выписывающимъ непосредственно изъ склада (Москва, Театральная площадь, д. Метрополь, кв. 23), свои изданія наложеннымъ платежомъ, принимая почтовые расходы на свой счетъ.

„ВЪСЫ“ НОВЫЙ научно-литературный и критико-библиографический ежемѣсячный журналъ.

„ВЪСЫ“ отстаиваютъ безусловную свободу художественнаго творчества. „ВЪСЫ“ освѣщаютъ все цѣнное и значительное, что есть въ знаменательномъ движеніи, проникшемъ во всѣ области духовной дѣятельности челоуѣчества и носящемъ названіе „декадентства“, „символизма“, „новаго искусства“ и т. под. Читатели „ВЪСОВЪ“ будутъ освѣдомлены о литературной, художественной, музыкальной и театральной жизни всего міра. Въ „ВЪСАХЪ“ помѣщаются статьи по вопросамъ науки, искусства и литературы. „ВЪСЫ“ даютъ критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и журналахъ, появляющихся въ Россіи и за границей на всѣхъ европейскихъ и важнѣйшихъ восточныхъ языкахъ. „ВЪСЫ“ имѣютъ своихъ корреспондентовъ въ главныхъ городахъ Европы.

Въ „ВЪСАХЪ“ принимаютъ участіе: К. Бальмонтъ, Ю. Балтрушайтисъ, Валерій Брюсовъ, А. Блокъ, Андрей Бѣлый, Максъ Волошинъ, З. Н. Гиппіусъ, И. Досѣкинъ, Вяч. Ивановъ, В. В. Каллашъ, К. Коровинъ, Маркъ Кривицкій, О. Н. Лернеръ, А. Л. Мировольскій, Д. С. Мережковский, Н. М. Минскій, П. П. Перцовъ, И. И. Рачинскій, В. В. Розановъ, М. Н. Семеновъ, Э. Сологубъ, René Ghil, W. R. Morfill, Dagny Kristensen, A. Madelung, St. Przybyszewski и мн. др.

Подписчики „Вѣсовъ“ пользуются различными скидками и льготами при выпискѣ изданій „Скорпіона“.

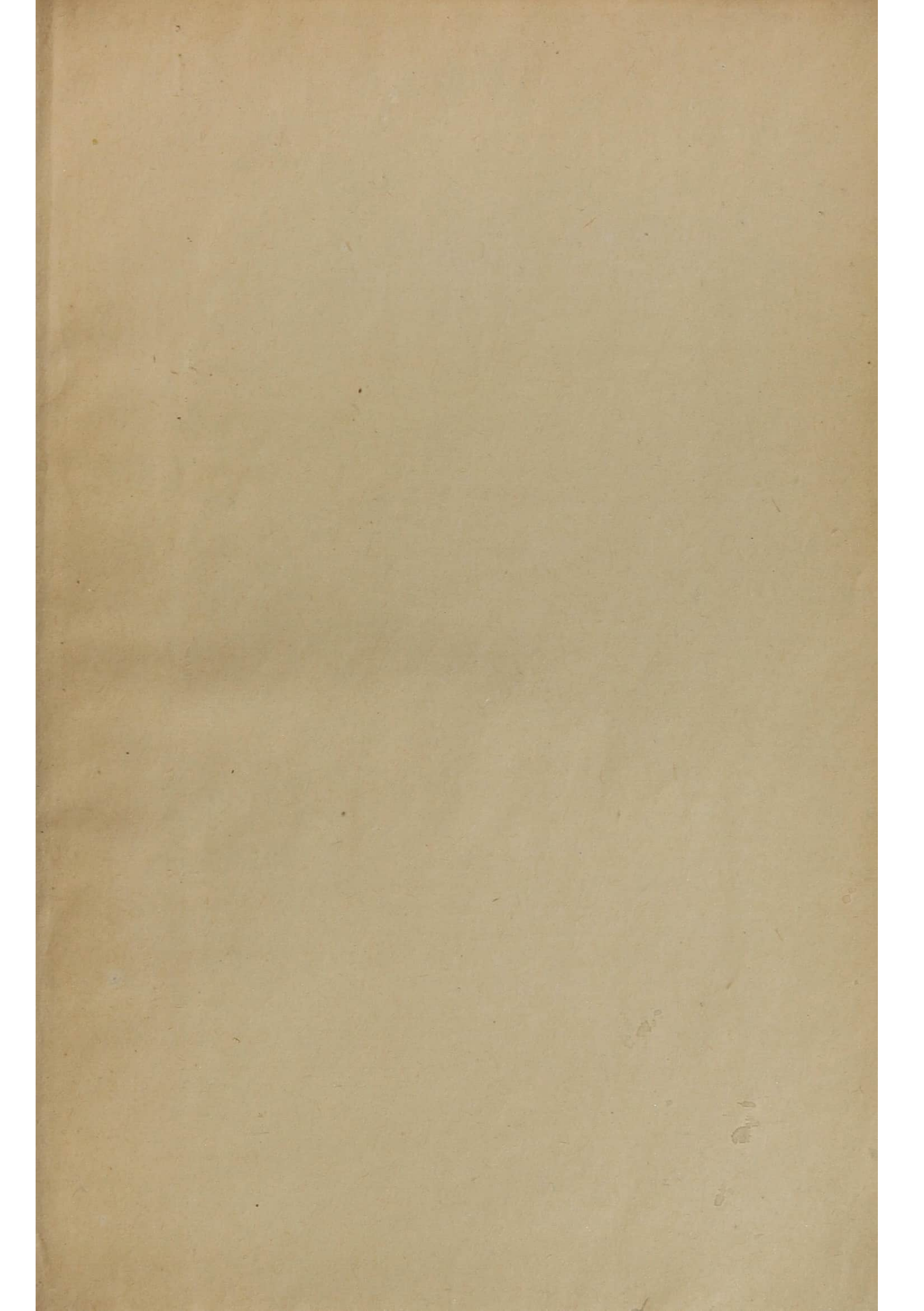
Содержаніе № 1 (январь): Валерій Брюсовъ. Ключи тайнъ.— К. Бальмонтъ. Поэзія О. Уайльда.— М. Волошинъ. Скелетъ живописи.— Андрей Бѣлый. Гербертъ Спенсеръ.— Н. Ч. Н. Э. Оедоровъ.— М. Schick. Письмо изъ Берлина.— С. Рафаловичъ. Петербургскіе театры.— С. Ещбоевъ. Оригинальная исторія. (О книгѣ Я. Шницера „Исторія письменъ“).— О книгахъ (рецензіи о книгахъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ и шведскихъ).— Въ журналахъ и газетахъ.— Хроника.— Перечень новыхъ книгъ (французскихъ и нѣмецкихъ).— Приложенъ каталогъ к-ва „Скорпіонъ“ съ портретами.— Обложка Л. Бакста. Виньетки Е. Сомова, бар. Н. Клодта, Н. Филианскаго, М. Волошина, А. Я-ви и др. Фронτισписъ—миніатюра XIV в.

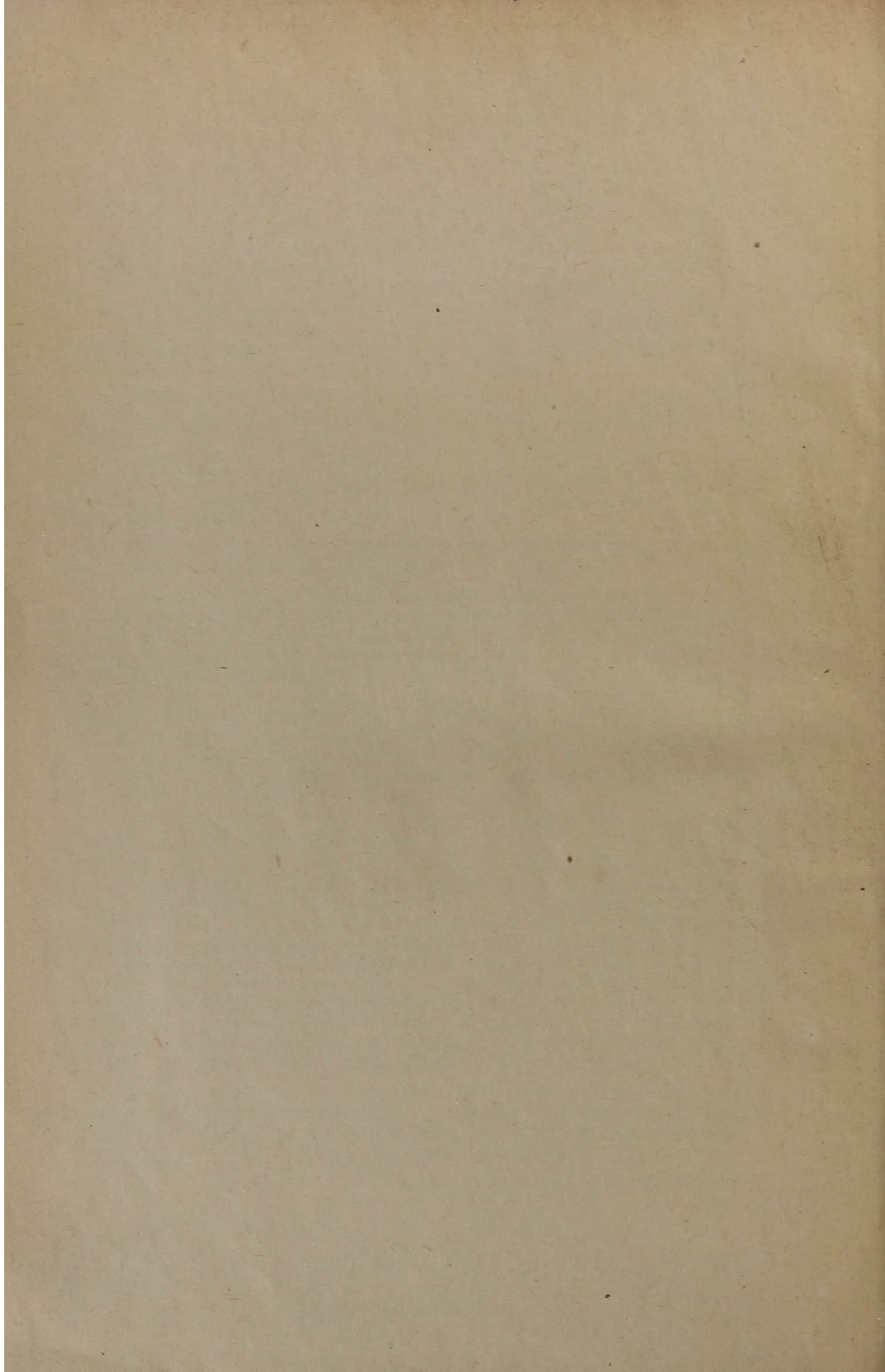
Содержаніе № 2 (февраль): Андрей Бѣлый. Критицизмъ и символизмъ. (По поводу столѣтія со дня смерти Канта).— В. Розановъ. Тутъ есть нѣкая тайна.— Н. Оедоровъ. Астрономія и архитектура. (Посмертная статья).— René Ghil. Письма о французской поэзіи. (Переводъ съ рукописи).— Андрей Бѣлый. Вишневый садъ.— С. Рафаловичъ. Петербургскіе театры.— М. Волошинъ. Письма изъ Парижа.— Ю. Балтрушайтисъ. I. Рунебергъ.— И. Щегловъ. Открытое письмо В. Брюсову.— „Союзъ“ русскихъ художниковъ.— Наль и Дамаянти, опера Аренскаго.— О книгахъ (русскихъ, французскихъ, англійскихъ, норвежскихъ, ново-греческихъ).— Въ журналахъ и газетахъ.— Хроника.— Перечень новыхъ книгъ (русскихъ, англійскихъ и итальянскихъ).— Обложка Л. Бакста. Виньетки Л. Бакста, Е. Сомова, Н. Теофилактова, М. Волошина, А. Я-ви.— Портретъ Н. Оедорова, по эскизу Л. Пастернака. Цѣна № отдѣльно 60 коп.

Подписная цѣна на годъ съ доставкой 5 р., на полгода—3 р., за границу—7 р. Подписка принимается въ редакціи: Москва, Театральная пл., д. Метрополь, кв. 23, въ отдѣленіи конторы: Петербургъ, Поварской, 7, кв. 24, и въ книжныхъ магазинахъ.

Редакторъ-издатель С. А. Поляковъ.

260
336
316

